

Наталья Крупина

Поцелуй черной бабочки

Сказки для взрослых

«Цицero»
Челябинск
2012

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
К84

*От всего сердца благодарю своих друзей,
интернет-магазин
«ЛАВКА КОФЕ ЧАЯ»
за помощь в создании книги*

Крупина, Н. В.
К84 Поцелуй черной бабочки: сказки для
взрослых / Н. В. Крупина. — Челябинск : Ци-
цера, 2012. — 287 с.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-91283-221-5

© Крупина Н. В., 2012
© Флягин Б., оформление, 2012
© Хворостьянов Д., Васильев Ю.,
предисловие, 2012

Мир современной фантастики велик и безграничен. Он многообразен и, поскольку существует обычная классическая научная фантастика, то где-то рядом есть не менее грандиозные миры под названием «фэнтези», «приключенческая фантастика», «детективная фантастика». Автор, чьи рассказы вы прочитаете в этом сборнике, пишет в необыкновенном жанре — «женская сказочная фантастика». Можно удивиться: а разве можно делить таким образом фантастику? Чем мир, изображаемый гениальной Ле Гуин, отличается от мира великолепного А. Азимова? А вот представьте себе невероятное — отличается...

Рассказы, написанные женской рукой, отличаются необыкновенной добротой, своеобразным видением мира, душевностью... Там, где мужской взгляд видит просто робота, женщина видит иное воплощение души... Там, где мужчине просто слышен шорох, женщине мерещится шепот ангела-хранителя...

Самый простой способ почувствовать это — немедленно прочитать данный сборник и самому почувствовать это неуловимое различие.

Счастливого вам пути в мир Н. Крупиной, мир необыкновенной фантастики!

Дмитрий Хворостьянов,
писатель-фантаст, г. Магнитогорск

* * *

...С Натальей Крупиной нас связывает общее увлечение. Мы члены клуба фантастов «НЛО». Фанаты фантастики. Или просто «ФАНТАТЫ». Вообще-то она пишет сказки для детей. Но иногда из-под ее пера вырываются и сказки для взрослых, так же, как и она, не желающих выпасть из детства. Рассказы ее необычны, фантастичны, сентиментальны и удивительно человечны. А главное — интересны... А интересность для пишущего человека — главный критерий. Если твой читатель не может оторваться, пока не дойдет до самой последней фразы, — значит, ты пишешь хорошо. Значит, то, что ты делаешь — нужно. И потому я отсылаю вас к ее сюжетам. К ее добрым и трогательным фантастическим, сказочным историям. Я отсылаю вас к мелкому торговцу, который мерзнет на углу, продавая свой «обычный бальзам для человеческих крыльев», к госпоже Музе и всем ее мужчинам, отсылаю к знахарке Наине, которая лечит сказками тех, кому уже не могут помочь врачи. Отсылаю к волшебному пиву «Золотая рыбка»... да что там перечислять. Читайте сами. Наслаждайтесь.

Юрий Васильев,
писатель-фантаст, г. Челябинск

Поцелуй черной бабочки (Быль)

Стояло летнее июльское утро.

Акварельный луг, распластавшись между березовыми рощицами, сладко млея от блаженного зноя. Над ситцевым разнотравьем то и дело зависали стрекозы с гипюровыми крыльями... Неожиданно из-под корней высохшей березы брызнуло черным. Две крупные бархатно-смоляные бабочки сосредоточенно закружили над кустом чертополоха.

Над проселочной дорогой вспухло облако пыли. Синяя «газель», обогнав пылевую тучу, свернула в разбитую тракторами колею, разделявшую луг на две части, и остановилась.

Несколько грибников вывалились из тесного брюха авто. Выкурив по первой «лесной» сигаретке, опрыскав друг друга вонючей жидкостью от комаров, они неспешно направились к дальнему ельнику.

На природу сотрудники фирмы «Вини-вир» выбирались крайне редко, предпочитая комариному беспределу полноценный отдых в сауне или боулинге. Офисных сотрудников в фирме было всего десять человек. Шестеро из них отважились сегодня на вылазку за грибами — заместитель генерального Сережка Загруй, бухгалтеры Надя и Галя, менеджер Маша, бессменный водитель Игорь и Юра, совмещающий сразу три должности: сторож, вышибала и грузчик.

— Ух ты, какой красавец! Народ, я гриб нашел! — Сережка Загруй заметил в траве симпатичный подосиновик и теперь, увлеченно щелкая фотоаппаратом, подстраивался к нему то с одной, то с другой стороны.

Место попало хорошее, нехоженое.

Через пару часов довольные грибники потянулись к машине. Из ведер и корзин выглядывали обабки, пестрые сыроежки самой удивительной расцветки, крепкие, в комочках сухой земли, грузди. А Машка даже увенчала небольшую кучку сыроежек ярким, нахальным мухомором.

— Маш, а на фига тебе эта поганка? — удивилась Галка. — Ты что, решила нашего главного бухгалтера, Мегеру Львовну, грибным

супчиком угостить? Так она через неделю сама на пенсию свалит.

— Не трогай. Смотри, какой он красивый.

— Ну и что ты будешь с ним, таким красивым делать? — хохотнул Юра.

— Поставлю в сервант, пусть стоит.

— Точно, и «Раптор» покупать не надо. Все мухи и комары в доме передохнут, — заметил Сережка. — Маш, смотри, какая у тебя на колене потрясная бабочка сидит! Я таких больших никогда не видел. Не шевелись! Ща портрет сделаем.

Сережка присел на корточки и несколько раз щелкнул затвором «Никона». Гигантская черная бабочка, словно дождавшись окончания фотосессии, неспешно снялась и перелетела на рукав Машиной ветровки.

— Она в тебя влюбилась, — засмеялся Сергей и сделал еще один снимок.

Маша легонько взмахнула рукой. Бабочка неохотно переместилась на ее плечо.

— Фантастика! — Сережка вновь поднял фотоаппарат. — Погоди, я на видео поставлю. Ну-ка, попробуй ее взять в руку.

Маша поднесла руку к бабочке. Та с готовностью переползла на Машину ладонь и замерла, едва заметно вздрагивая крыльями.

— Ну-ка, дай я попробую, — Галка потянулась к Машиной руке.

Бабочка порхнула в сторону и, покружив вокруг девушек, снова уселась Маше на брюки.

Ребята, столпившись вокруг, ошеломленно наблюдали за перемещением удивительного насекомого.

— Это, наверное, чья-то душа мается, — тихо сказала Надя. — Так бывает. Кто-то умер, а попрощаться с ним не успели, вот он сам и прощается.

— Ну уж... загнула. Это что ж, я помру и превращусь в бабочку? — фыркнул Юра. — Хорошенькая получится бабочка — сто двадцать килограммов живого веса. С гусарскими усами. Бабочки нормальные пыльцой питаются, а я все больше по пивку, да по водочке, да по другим бабочкам — грудастым да задастым...

— Народ, ну что, поехали уже. Заскочим на озеро, освежимся, а то жарко, сил нет. — Игорь направился к машине.

— Ну, пока, подружка. — Маша пересаживала бабочку на плюшевый лиловый цветок. Та секунду помешкала, затем вспорхнула и... вновь устроилась на Машином плече.

— Мистика какая-то, — покачала головой Галка.

Маша дернула плечом. Бабочка закружилась вокруг ее головы. Затем подлетела к лицу девушки и присела на ее верхнюю губу, уцепившись за нее тончайшими, проводочными лапками. Маша ойкнула и мотнула головой. Сорвавшаяся с губ бабочка метнулась в сторону.

— Кыш! — Маша взмахнула бейсболкой, отгоняя упрямое насекомое. Затем подхватила ведро и быстро зашагала к машине. Усевшись на переднее сиденье, она поставила ведро на колени и задумалась, машинально пересчитывая пятна на шляпке мухомора.

Ребята, сдержанно переговариваясь, расселись в душном салоне.

— Ну, все здесь? Поехали?

— Поехали.

— Ой, Машка!

Маша вздрогнула и оторвала взгляд от мухомора. По салону нервно металась черная бабочка. Через секунду она устроилась на рукаве ее ветровки.

— Кому рассказать — не поверят, — ахнула Галка.

— Точно.

Маша дрожащими пальцами сняла бабочку с плеча и аккуратно стряхнула ее за окно,

моментально подняв стеклянную створку. Упрямое насекомое принялось биться о стекло.

— Гоша, гони — а то она снова ворвется в салон и Машку насмерть зацелует, — засмеялся Сережка.

Машина зарычала и весело заскакала по ухабам.

— Маш, ты не переживай, в этом нет ничего мистического. Это, должно быть, феромоны. Просто от тебя хорошо пахнет, вот бабочка и перепутала тебя с другой бабочкой. — Надя погладила подругу по плечу.

Все заговорили одновременно и громко, тема феромонов, казалось, всерьез заинтересовала собеседников. Несколько раз Маша бросала короткие взгляды за стекло, словно проверяя, не преследует ли машину черная бабочка.

Вечером, затолкав брюки и ветровку в бак для грязного белья, Маша включила компьютер и набрала в поисковике слово «бабочки»! Через час в глазах уже рябило от желтых, красных, синих луговых мотыльков, лимонниц, траурниц и бражников. Маша прикрыла глаза ладонью и задумалась. Конечно, ее бабочка немного была похожа на траурницу,

но у нее не было такой ярко-синей кромки на загнутых крылышках. Можно было ее принять за лигею — «сатира цветочный глазок». Но Машина бабочка была гораздо крупнее и чернее. Нет, все не то, не то. Совершенно новый вид. Таких не существует...

Поблуждав еще час по сайтам чешуекрылых, Маша выключила компьютер и отправилась спать.

Лопатки и позвоночник нестерпимо чесались.

«Крылья растут, — усмехнулась Маша. Как там у Кафки... человек превратился в отвратительное насекомое. А я превращусь в бабочку. В очень большую бабочку. Буду перелетать с цветочка на цветочек... фу ты, какие к черту цветочки, мои восемьдесят восемь кэгэ не всякое дерево выдержит. Нектаром питаться не получится, буду улья разорять и варенье с балконов у бабушек тырить». — Она тихонько засмеялась и повернулась на правый бок.

Ночью снились бабочки с человеческими головами. Они громко смеялись, поедая мухоморы, а одна из них все время материлась басом и подкручивала густые рыжие усы.

Утром бодрая и счастливая Маша выпорхнула из-под трухлявого березового пня. Пень был теплый, сухой, и спалось там крепко и волшебю. Но все же на дугу было лучше. Волшебнее! Только очень хотелось есть. Маша присела на цветок иван-чая. Позавтракав нектаром, тронула лапками упругую, переливающуюся на солнце капельку. Капелька дрогнула и распалась на несколько сияющих лужиц. Роса оказалась вкуснее нектара.

Тишину нарушил оглушительный рев. Переваливаясь и подпрыгивая на кочках, на поляну выехала машина. Из нее вышли двое — высокий улыбчивый мужчина в джинсах и клетчатой рубашке и рыхлая потная женщина с недовольным выражением на лице. Она сняла с шеи косынку и туго повязала голову, по-деревенски прикрыв лоб. Выражение ее лица стало еще неприветливее.

Ее спутник, насвистывая что-то бодрое, принялся перематывать изолентой ручку ведра.

— Мужчина моей мечты! — ахнула Маша.

Она подлетела к мужчине и присела к нему на плечо, жадно вглядываясь в античное, словно высеченное из прохладной мраморной породы лицо.

— Господи, как же он прекрасен! Глаза цвета неба! И пахнет так чудесно — душицей.

— Ленк, смотри, бабочка. Ну-ка. — Мужчина поднес к Маше руку, покрытую с тыльной стороны густым черным подшерстком.

Маша с готовностью перелетела на его ладонь и доверчиво расправила крылья.

— Слушай-ка, да она дрессированная, — засмеялся хозяин ладони.

— Ленка, тащи камеру. Так. Снимай. Алле ап!

Маша, не сводя черных сетчатых глаз с мужчины, послушно перелетела на другую руку этого уже бесконечно любимого ею человека.

— Ап! А теперь на плечо. На голову. На нос... Ничего себе! Ты видела, она меня поцеловала. Реально... в губы! Наверное, влюбилась... Ах ты, моя брюнеточка с крылышками! Ты мне тоже понравилась. Если бы не Ленка, точно женился бы...

— Болтун! — перебила его женщина. — Надо будет видео послать куда-нибудь. Например, в «Сам себе режиссер». Глядишь, камеру нормальную дадут. Ладно, бери ведро, мы сюда приехали грибы собирать, а не дурачками мотыльками любоваться. Пошли!

— А бабочку куда? Может, с собой взять? Смотри, какая она красивая, я таких никогда не видел. А вдруг она к ночи в принцессу превратится?! Тогда я тебя брошу и на ней женюсь! — Мужчина коротко хохотнул.

— Не болтай ерунды. И сходи за ножом. Подожди, сниму с тебя эту... принцессу...

Женщина брезгливо сняла бабочку с рукава мужа и, дождавшись, пока он отойдет к машине, с мстительным наслаждением сжала толстыми пальцами хрупкие бархатистые бока.

Миниатюрное тельце забило в ужасе, затем почти беззвучно хрустнуло. Крылья судорожно вздрогнули в последнем вздохе-всхлипе.

Женщина с холодным любопытством растерла скользкую пыльцу между пальцами. Затем небрежно уронила безжизненное существо с изломанными крыльями на дорогу.

Через минуту оба направились к лесу, поочередно вдавив в пыль жалкие белесые останки.

... — Тебе страшно, Цор?

— Я не найду слов! Они безумны!

— Значит, это и есть та планета смерти, о которой нас предупреждали на Галактическом совете?

— Да, похоже... Убивающая и умирающая. Глупцы! Смерть даже самого крошечного живого существа резко сокращает биоцикл любой планеты. Увы. Эта цивилизация обречена.

— Наш мир смог бы стать для них раем обетованным. Эта убитая инопланетянка именно о таком и мечтала. А если...

— Не имеем права... Они убивают. Ты же знаешь. Галактическая конвенция не допустит этого контакта.

— Но та инопланетянка...

— Исключение, не более того. Нет, они не готовы. Включай ретрохрон.

— Хорошо, Цор. Допуск — доля миллихрона.

...Маша вышла из леса и, поставив на землю корзину с сыроежками и нахальным мухомором, восхищенно замерла возле пижмы с золотыми соцветиями-кнопочками. Зеленными семенами весело выщелкивались из высокой травы кузнечики. Над колокольчиками кружили аквамариновые луговые мотыльки.

— Ребята, смотрите, какое чудо! Сереж, иди скорее сюда. Сфотографируй ее!

— Кого?

— Бабочку. Смотри, какая она красивая. Вся черная и такая большущая. Ну, что же ты... снимай! Ой, улетела... Как жаль!

— Маш, да не переживай ты так! Еще никто не научился дрессировать бабочек. Ты вон... сама, как бабочка. Давай-ка, сплети веночек, я сделаю тебе роскошный портретный снимок.

— ...Люди, не знаете, в бардачке еще пиво осталось?

Приглашение к симбиозу

Понедельник. 30 июня. 19.30. Челябинская область. Сосновский район.

Неохотно угасал пестрый июньский день. Старенькие пыльные «жигули», выжимая из себя привычные шестьдесят километров, трюхали по проселочной дороге.

Арина с наслаждением подставляла теплomu ветру лицо и угадывала предвечерние запахи... Вот запах полыни — горький, пряный, холодноватый. Солнечным теплом и пылью пахнет иван-чай. А вот откуда-то потянуло сладким вишневым дымом... Встречные комары-камикадзе разбивали вдребезги свои безмозглые головенки о лобовое стекло. В роще проснулась кукушка, начала отсчет Ариного брeнного существования, поперхнулась, замолчала и принялась считать сначала...

— Десять лет — маловато будет, — усмехнулась Арина. — Хочу бессмертия. И не только для себя, а для всех...

В дороге она любила помечтать. Даже вела продолжительные беседы вслух... сама с собой. И сейчас, чтобы убить время, девушка придумывала фантастическую историю. О том, что она, Арина Сергеевна Яковенко, студентка четвертого курса медицинской академии, изобрела вакцину от всех болезней, и от смерти в том числе. Что она возглавила научную лабораторию, а период прозябания в роли санитарки канул в прошлое.

Внезапно на дороге материализовался крупный предмет серебристого цвета. А ведь еще минуту назад на шоссе ничего и никого не было.

— Бензовоз что ли? — принялась гадать девушка. — Или молоковоз... Нет, не похоже. Откуда же это чудо-юдо выехало?

А «чудо-юдо» между тем летело над шоссе. Летело в прямом смысле этого слова — между ним и дорогой не было даже намека на колеса... Серебристый, уплощенный по бокам болид беззвучно несся над щебенкой, окрашивая траву на обочине в новорожденно-салатовый цвет.

— Интересно, что же это за модель? — недоумевала Арина. — Должно быть, гоночная машина на воздушной подушке. Надо же, до

чего стремительно развивается автомобильное строительство! Скоро на машинах начнут по воздуху из города в город перелетать, как в фантастических фильмах.

Заинтригованная Арина вдавила в пол педаль газа. Жигуленок судорожно рванулся вперед. Девушка посмотрела на спидометр. Восемьдесят — ее лошадка никогда не бегала быстрее. Неведомый автомобиль и Аринина шестерка миновали поле с пыльными бурями копнами. Дальше был съезд на проселочную дорогу. Серебристая машина вильнула вправо и пропала за густой завесой зелени. Арина обычно притормаживала на поворотах, она очень боялась вылететь с шоссе, как в детстве вылетала с центробежной «тарелки» — карусели во дворе. Карусель эту всегда раскручивал Витя из второго подъезда. Они дружили несколько лет, а накануне выпускного юноша умер от банальной пневмонии. Именно тогда Арина твердо решила стать врачом. Окончив школу, она поступила в медицинскую академию, на заочное отделение, и устроилась работать в онкологический центр санитаркой.

...Арина все-таки чуть попридержала автомобиль на повороте, но полностью погасить скорость не смогла.

«Идиотская ситуация», — запоздало подумала девушка перед тем, как ее машина врезалась в серебристый болид...

Арина вскрикнула и умерла.

Понедельник. 30 июня. 19.45. Челябинская область. Сосновский район.

— Ты что наделал?

— Я? Но ведь это ты предложила поиграть в догонялки.

— Ты хоть понимаешь, что теперь с нами будет?

— Накажут.

— А что с ней?

— Прекращение биологического цикла.

— Давай, пока никто ничего не видел, ее регенерируем.

— Между прочим, это строго запрещено. Вмешиваться...

— Не разговаривай, доставай плазмогенератор. Готов?

— Готов. А машина?

— Некогда!

Понедельник. 30 июня. 20.50. Челябинская область. Сосновский район.

Арина очнулась, посидела с закрытыми глазами, пытаясь сообразить, где она и что с ней произошло.

Все вспомнила, открыла глаза и неумело выругалась. Ее машина стояла поперек дороги сплюснутая, как консервная банка, по которой прошло стадо слонов. Сама Арина сидела в пяти метрах от нее, привалившись спиной к теплому пыльному валуну.

— Ничего себе, — пробормотала девушка. — Вот так же меня могло... сплющить.

Она передернулась от ужаса, представив себя всю в крови, с переломанными костями. Арина осторожно пошевелила ногами, осмотрела локти, колени... Ни царапины! Ничего не болело, более того, мигрень, не отпускавшая ее с самого утра, чудесным образом прошла.

«Так. Ну и кто же у нас виноват, и что теперь делать?» — подумала Арина, поднимаясь и отряхивая юбку. Горестно причитая, обошла то, что осталось от машины, и двинулась в сторону болида. Теперь он уже не висел над дорогой, а неподвижно стоял на обочине. Вблизи странный агрегат напоминал

пирожок. Серебристый гладкий пирожок с непрозрачным лобовым стеклом.

Арина подошла к болиду и с размаху стукнула кулаком по темному стеклу. Костяшки отозвались острой болью. Арина пнула ненавистный «пирожок» ногой.

— Эй, вы, как вас там!!! Вы угробили мою машину, — крикнула она. — У меня нет денег на новую. А эта восстановлению не подлежит.

Арина подождала, потом приложила ухо к поверхности «пирожка», но внутри было тихо.

— Эй, ну будьте же людьми!!! — в отчаянии взмолилась она. — Помогите хотя бы... ну, пожалуйста, будьте людьми. Очень прошу...

Межгалактическое время 20000030 итс. 56 в 4-й степени. Эвъвьжьжьмьм. Континент.

— Я еще раз спрашиваю, кто вам позволил взять межпланетник?!

— Мы хотели немножечко покататься после школы.

— Вы понимаете, что могли стать причиной межгалактической войны?

— Но, папа, мы играли, играли, потом увлеклись. Ведь там, на планете 54678xxx, так

интересно, все почти, как у нас. А потом мы играли в прятки-догонялки с планетарианкой. Все было так хорошо. И вдруг — бэмц! Но мы все восстановили, ее биоформа стала даже совершеннее, чем была. И знаешь, что она сказала?!

— Что?

— Она предложила нам стать ЛЮДЬМИ.

— Что?!!

— Клянусь седьмым временем года.

— Да, да, я тоже слышала, что она кричала: «Будьте людьми. Пожалуйста, будьте людьми! Очень прошу!»

— Да-да, именно так: «Будьте людьми...»

— Так это что же... это значит планетарианцы нам, наконец, предложили ассимилировать в их телесные оболочки?! Непостижимо. То, чего мы добивались тысячелетиями, решено за несколько минут нашими детьми. Наступает эра межпланетного биосимбиоза. Я надеюсь, первым асси-контактером буду я, как отец двух выдающихся детей, открывших путь к межпланетному контакту.

Среда. 2 июля. 12.00. Челябинск. Онкологический центр.

— Ну, что я могу сказать... — Профессор растерянно подергал себя за куцую бороду. — Вы понимаете, что этого не может быть, потому что не может быть никогда?! Это все-таки, голубчик вы мой, четвертая степень. Неоперабельная. И это вам не вульгарный аппендицит, а запущенный рак желудка. Может, кто-то из лаборантов перепутал результаты анализов?

— Петр Федорович. Тут четыре маркера. Все анализы сданы и обработаны в разное время. И потом Лев Евгеньевич выглядит совершенно здоровым. У него румянец в поллица. И аппетит появился... Ну, просто зверский аппетит.

— А какое лечение получал Смирко?

— Только обезболивающие, а еще... санитарка ему делала массаж головы.

— ?!

— Глупо, сам понимаю, но Арина сказала, что Льву Евгеньевичу терять уже нечего, а массаж его немного взбодрит. Вы же сами распорядились Смирко в ТУ ПАЛАТУ перевести, чтобы соседей не травмировать.

— Где он?

- В столовой. Ест. Позвать?
- Ну конечно, зовите. Что же еще делать?..

Суббота. 12 июля. 12.00. Челябинск. Онкологический центр.

— ...А начать нашу планерку я хочу с потрясающей новости. За десять дней улучшилось самочувствие у всех пациентов! Ни одного летального исхода! Позитивная динамика в 100 случаях из 100. Это невероятно, но факт. Вчера я оперировал Сережу Звонцова — там была четвертая — без комментариев. Представьте — легкие чистые, ни одного метастаза... но ведь Сережу я оперирую уже в третий раз и знаю, что должен был увидеть. Но увидел чудо. Осталось установить причину тотального выздоровления наших больных, и, думаю, нам можно претендовать на Нобелевскую!

Понедельник. 27 июля. 18.00. Челябинск. Советский район. Парк.

- Арина, ты уверена?
- Катя, я уже ни в чем не уверена. Я просто машу над ними руками. Назавтра они просыпаются здоровыми. Понимаешь, до —

полутрупы, после — в космос запускать можно. Моя соседка Инка не беременела десять лет. Я ей три недели назад массаж сделала, а вчера УЗИ показало трехнедельную беременность. У тети Гали инсулинозависимый диабет был? Был! Теперь — сахар в норме. А твой дедушка с его тремя инсультами и параличом?!

— Да, деда после твоего массажа как подменили. Он поднялся, теперь целыми днями носится как заведенный, никому покоя не дает. Мне продемонстрировал, как он отжимается. Тридцать раз. И звонил какой-то Лё-лечке! Свидание назначил. Очуметь!

— Катя, это еще как-то можно объяснить. Но как объяснить то, что у Николая Николаевича с первого этажа после сеанса культуры ног начали удлиняться?

— Не может быть!..

— Знаю. Сама не верила сначала. Думала, юмор у него такой своеобразный. Растут. Каждый день на пять сантиметров.

— А ты сама понимаешь, в чем дело? Когда это началось?

— Началось... пожалуй, месяц назад, когда я врзалась в тех кретинов на повороте. Я потом вернулась на попутке в город и вызвала

эвакуатор. Эти типы даже не вышли из авто. И потом смылись, не извинившись!

— А может, это были инопланетяне? И лечебный дар тебе в качестве компенсации за моральный ущерб преподнесли.

— Чушь. Какие еще инопланетяне!.. Там были просто хамы. Когда я теперь куплю другую машину?!

Через три года.

Четверг. 30 мая. 8.00. Челябинск. Улица Гагарина.

Арина зевнула, потянулась, посмотрела на часы и легко вскочила с тахты. Накинув легкий сарафан, девушка выбежала из подъезда. Сегодня в бывшем онкоцентре откроется выставка космописи. Арина хотела посмотреть работы Сергея Ильича, — когда-то он работал санитаром в морге, а три года назад неожиданно начал писать завораживающие космические пейзажи.

Затем Арина заедет к своей бывшей коллеге — пожилой санитарке тете Любе — та только что получила авторские экземпляры своей очередной книги — фантастической трилогии «Планетарианская любовь», «Одно тело — две души», «Приглашение к симбиозу». Потом

бегом в консерваторию — на концерт к Катюхе — у подруги на тридцатом году жизни обнаружился мощный красивый голос диапазоном в пять октав и абсолютный слух.

И, кстати, не забыть поговорить с соседкой по лестничной клетке. Ее пятилетний сынишка опять тайком аннигилировал межквартирное перекрытие и закинул в Арину спальню тарелку с овсяной кашей. Этот разбойник определенно терпеть не может овсянку!

Бальзам для крыльев

На остановке «Кинотеатр “Комсомолец”» появился коробейник в просторном пуховике и полосатой шапочке с помпоном. Коробейник как коробейник. Из тех, что торгуют с лотков косметикой «Орифлейм». Со складным столом, с сумкой, в которой что-то позвякивало и постукивало. Мужчина был горбат, небрит и печален.

Стоящая за соседним лотком тетка в мутоновой шубе и пуховом платке с явным неудовольствием наблюдала за действиями конкурента, который неспешно раскладывал на лотке свой товар.

— Ген, иди, посмотри, что у него там, — пихнула женщина в бок мужа — индифферентного детину с признаками стойкого похмелья на опухшей физиономии.

— Ну Га-а-аль, какая разница, «что у него там», — лениво протянул тот неожиданно

тонким голосом. — Ну, баночки какие-то... тоже косметика, наверное.

— Нет, ты сходи, сходи, — не унималась торговка. — Иди, выясни, что за баночки, какой фирмы, почему! Ну, шевелись, тюфяк! Еще не хватало, чтобы мы из-за него своих покупателей растеряли.

Детина вздохнул, поднял воротник куртки и направился к конкуренту.

— Чем торгуем? — неприветливо спросил он у торговца. — Вот это, например. — Он взял в руки белый флакон с золотой голограммой. — Что это такое?

— Бальзам для роста крыльев.

— Это что, для попугаев что ли?

— Нет, для настоящих крыльев. Человеческих.

— А ты приятель, похоже, того?! Давно из психушки?

— Я вас не понимаю...

— Ну-ну, давай, продавай свои крылья. Авось кто-то купит.

Детина отошел к своему лотку и закурил.

— Ну что, — дернула его за рукав жена. — Чем торгует?

— Псих натуральный. Продает бальзам для роста крыльев.

— Точно, псих. Ты, Ген, к нему больше не подходи. Вдруг он буйный!

Из кинотеатра тем временем хлынул народ. Люди останавливались возле лотка семейной пары. Перебирали коробочки и баночки, что-то покупали. К мужчине в пуховике тоже подходили, о чем-то спрашивали, пожимали плечами, хмыкали и отходили, оглядываясь.

Наконец продавцы «Орифлейма» свернули свою торговлю.

Горбун упрямо стоял рядом со своим лотком, словно не ощущая пронизывающего февральского ветра.

— Скажите, пожалуйста, а что в этой баночке? — Рядом с лотком остановилась инвалидная коляска с ручным приводом. В ней, зябко ежась, сидела девушка с большими зелеными глазами и покрасневшим от мороза носом.

— Бальзам для роста крыльев, — сказал корбейник, внимательно глядя на нее.

— А... как этот бальзам действует?

— Вам действительно интересно?

— Да.

— Очень просто. Нужно намазать лопатки...

— И сразу вырастут крылья?

— Нет, что вы! Конечно, не сразу! Сначала это будут два мягких бугорка. Потом они начнут расти. Через месяц они оформятся и покроются перьями и пухом. Через два — окрепнут. Через пять смогут поднять вас в небо.

— Здорово! А я знаю, где находится настоящая взлетная площадка крылатых людей! Я ее видела... в детстве. Жаль, что у меня нет крыльев...

— Вот как? — перебил ее коробейник. — Тогда, может, купите бальзам?

— Увы. Как раз сегодня я разорилась и купила ананас... А хотите поменяться?! Вы мне — бальзам для крыльев, а я вам — ананас, — предложила девушка. — Я за вами давно наблюдаю. У вас никто ничего не покупает. А вы так сильно переживаете. Мне стало жаль вас!

— Вы действительно хотите со мной поменяться?

— Конечно, — засмеялась девушка. — Я ведь до сих пор верю в сказки.

— Ну, тогда берите бальзам бесплатно. Ананас оставьте себе.

— Спасибо! А меня Аленой зовут. Видите, у меня даже имя сказочное.

— А меня Алл... Алик.

...На Земле стоял золотой июльский полдень. Сладко и тепло пахло медом и мятой, качались на тоненьких стебельках атласные лютики, басом жужжал плюшевый шмель, словно кто-то невидимый тихонько пилил смычком по струне контрабаса. Мелодично и коротко перекликались птицы.

В нескольких метрах от буйного разнотравья, на крохотном каменном плато в инвалидной коляске сидела девушка в голубом платье. Плечи и спина ее были укутаны в теплую шаль, которая обрисовывала за спиной огромный безобразный горб. Девушка очень волновалась. Волнение выдавали дрожащие холодные пальцы и испарина на лбу.

Она хорошо помнила это место. Много лет назад работники специнтерната вывезли детей-инвалидов на природу. Был такой же чудесный полдень, и такой же черно-золотой бархатистый шмель пел свою скрипичную песню...

Она помнила это каменное плато, которое воспитательница в шутку назвала «взлетной площадкой для крылатых людей». Это место снилось ей каждую ночь. Снилось, как она, Алена, взлетает в небо и легко парит в вышине,

а внизу, прикрыв глаза от солнца козырьками ладоней, стоят отец и мама, которых она никогда не видела, и улыбаются.

Алена огляделась по сторонам. Убедившись, что рядом никого нет, она решительно сняла коляску с тормоза и запрокинула голову, глядя в небо. Коляска дернулась... Сначала медленно, затем все быстрее и быстрее она покатилась к обрыву...

— Я нашел ее! — шептал посланник планеты крылатых людей Алл, стоя в тени орешника и с волнением наблюдая за парящей в небе хрупкой фигуркой.

За спиной девушки розовели огромные крылья с густым пушистым оперением. Алена сначала неуклюже, а затем все увереннее взмахивала ими. Она поднималась все выше и выше, пока ее синее платье не слилось с аквамариновой глубиной неба.

Алл положил на землю клетчатую сумку «радость челнока», снял плащ и стряхнул с правого сиреневого крыла прилипшие к перьям ниточки. Его многолетняя миссия подошла к концу. Пора домой. Баночки с «бальзамом для крыльев» — обычным гли-

цериновым кремом для рук — он оставит здесь. Больше они ему не понадобятся.

Теперь он счастлив. И его любимая единственная дочь Алль, потерянная когда-то в лабиринтах галактических троп, обретет свой настоящий дом.

Планета крылатых людей ждет ее.

Бекака по-бетадиански

Коля Бертлинг сунул руку в карман и с удовлетворением погладил сотенную бумажку. На двойные пельмени в «Завтраке студента» и чай должно хватить.

Это скромное, уютное кафе появилось рядом с пединститутом год назад. Внутри оно напоминало институтскую аудиторию с настоящей учебной доской (на ней официанты записывали заказы) и с кафедрой-баром. На полках бара выстроились тома книг. Справа — учебники, в центре — классика, слева — детская литература. Удивить эта картина могла только новичка. Постоянные посетители знали: под красной обложкой тома с надписью «Психология» прячется классическая «беленькая». Студентам, правда, водку не отпускали. Ученая братия довольствовалась, в основном, «Высшей математикой» — светлым пивом, «Зарубежной литературой» — фруктовым напитком

и «Политэкономией» — банальным квасом. «Приключения Буратино» обозначали газированный напиток «Буратино», «Сказки братьев Grimm» скрывали под своей обложкой разнообразные морсы и соки.

Перекус в кафешке стоил недорого. И обслуживание было на высоте, — хозяева дорожили репутацией заведения, — по залу сновали подтянутые официанты в шапочках бакалавров. У Бертлинга не так давно завязались приятельские отношения с одним из них. Матвей всегда оставлял для нового приятеля уютное местечко под фикусом, а бывало, отпускал в долг котлеты «Аспирантские» или окрошку «Переэкзаменовка». Николай решил заказать «Двойной коллоквиум» — пельмени с маслом и сметаной — и стакан кофе «Черный интеграл».

Привычно поздоровавшись с загорелым лысым барменом, Николай прошел в зал и присел за любимый столик. Матвея в зале не было, а когда он, наконец, появился, Бертлинг заметил, что приятель чем-то здорово расстроен. Очки — непременный аксессуар всех официантов — у него отчего-то постоянно запотевали, и Матвей каждую минуту снимал их и протирал салфеткой.

Увидев Николая, официант привычно кивнул, рассеянно положил на край стола меню и отправился на кухню.

«Должно быть, серьезные неприятности у человека, — подумал Николай. — Ух ты, дизайн поменяли», — удивился он, с любопытством разглядывая и ощупывая плоский, прохладный на ощупь прямоугольник из желтого металла. Обычно меню имело вид потрепанного журнала синего цвета с надписью: «Кафе “Завтрак студента”». На обложке же этого была выбита витиеватая надпись: «Кафе “Галактическая гильдия”».

Николай раскрыл книжицу.

«Фривуте из кусяся в собственном яде», — значилось в графе «Горячие закуски».

— Прикольно. Это что, розыгрыш? — Николай изумленно покрутил головой, пытаясь вычислить замаскированные видеокамеры и персонал съемочной группы, но таковых не обнаружил, и снова уткнулся в меню.

— «“Рожки партавца длиннопупого”. Вероятно, гадость невообразимая», — хмыкнул он и заинтересованно пробежал глазами по списку необычных блюд. В разделе «Холодные закуски» стояли «Кукивини по-альдебарански» и «Бекака с прослойками

по-бетациански». Последняя заинтересовала Николая больше всего, тем более что рядом с ней стояла цифра двадцать пять.

«Бекаку надо попробовать. Непременно!!!» — подумал он и решил заказать заодно «Пыкырь свежесжатый», который был обозначен в графе «Напитки», и «Шамшрутки марсианские» — по всей видимости, десерт.

Через минуту возле столика появился Матвей. Мысли его все так же блуждали неведомо где. Галстук скрюченно топорщился в районе плеча. Шнурок правого ботинка развязался и зеленым червяком тащился за официантом. Глядя куда-то в пространство, Матвей принял заказ, рассеянно черкнул что-то в блокноте и исчез.

Николай огляделся по сторонам. За дальними столиками сидело несколько парочек. Сизоносый глуховатый педагог по мировой литературе мрачно потягивал пиво, прыщавый аспирант с непроизносимой фамилией Папаповоротинос брезгливо ковырял вилкой пельмень, несколько однокурсников Николая уплетали традиционную картошку с сосисками.

«Странно, странно, — покачал головой Бертлиг, — а что, если... да ну,

не может быть... придет же в голову такая нелепость...»

Он украдкой вытер вспотевшие ладони о скатерть. В желудке отчетливо булькнуло. Матвей появился минут через пять. С отрешенным видом он поставил тарелки с едой на стол и вновь ушел.

— Человек-невидимка какой-то, — обиделся Николай, пододвигая к себе тарелку с бекакой. Больше всего эта штука напоминала разрезанную вдоль гигантскую гусеницу оранжевого цвета, заполненную зернистой фиолетовой субстанцией. Николай закрыл глаза и понюхал блюдо. Пахло аппетитно.

«Ну что ж, попробуем вашу бекаку», — подумал Николай и, подцепив вилкой кусочек «гусеницы», положил его в рот.

Бекака таяла во рту как мороженое, напоминая вкусом креветок, краковскую колбасу, гусиную печенку, охотничий сыр и маринованный чеснок одновременно. Распробившись с первым блюдом, Николай придвинул к себе пыкырь свежесжатый — тягучую жидкость ярко-зеленого цвета — и блюдец с шрамшрутками. Шрамшрутки были похожи на черных бабочек в сахарной пудре... Земных вкусовых аналогов Николай так и

не нашел. Покончив с шрамшрутками, он приготовил деньги и постучал по тарелке вилкой. Обычно он этого не делал, но сегодня Матвей был совершенно невменяем.

Через минуту официант подошел к его столику.

— Шестьдесят пять лемов, — сказал Матвей, беспрестанно вздыхая и протягивая Николаю золотистый прямоугольник с выдавленной на нем цифрой шестьдесят пять.

— Ладно, Матвей, хорош прикалываться, — хихикнул тот. — Это ведь розыгрыш? Учти, я догадался сразу, как только сел. Ну, где операторы, девушки, цветы?

— Цветы, розыгрыш? — Официант в недоумении уставился на своего визави. Затем взгляд его упал на меню, на тарелки с остатками бекаки и шрамшруток... Побелев, Матвей плюхнулся на стул рядом с приятелем.

— Вот. Так и знал. Теперь точно отчислят! — трагично охнул он и, уронив голову на скатерть, заплакал.

— Э-э-э, Матвей, ты что? Хорош рыдать. Мало ли что случается в жизни. Меня вон в прошлом году вытурили за то, что из огнетушителя ректора пеной окатил, и то потом восстановили.

— Восстановили? — с надеждой уставился на Николая Матвей.

— Точняк. Их же тоже не глядят по головке за отчисленных будущих специалистов.

— Меня точно отчислят, это ужас. Два таких ляпа!

— Расскажи — может, полегчает.

— Что ты! — замахал руками тот, — а, впрочем, что теперь терять... В общем, я учусь в пищевом на официанта. Третий курс. Межгалактический факультет. Бета Диана.

— Даже так?!

— Я у вас инкогнито на исторической кулинарной практике. Параллельно прохожу практику у себя в кафе...

— «Галактическая гильдия»!

— Ага, а откуда ты... Ах да, меню... Ну, словом, сегодня утром у меня был экзамен по обслуживанию тарменков из созвездия Лебедя. Все шло нормально. А в конце завтрака я им в качестве десерта вместо кульпурия тасского принес ассемплюху тухликанскую... представляешь?!

— Представляю, — сочувственно покивал головой Николай, — ассемплюха — это трындец!

— Вот и я говорю. Тарменки впали в комуссию, ректор в ярости, а мне и осталось то учиться всего пару симплеков. И куда теперь?

— А если пересдать?

— Не удастся. Если бы я их камплюками иплимскими накормил — еще туда-сюда, а то ведь они холоднокровные — сам понимаешь.

— М-да, влип ты.

— Дважды влип. Тебе вот бекаку...

— Ну, я-то могила. Только вот откуда ты в нашей кафешке эту бекаку взял?

— Перемещался к себе. Транскомутация. Поверишь, в таком шоке с утра был, что ничего не соображал. Меню оттуда по рассеянности прихватил, а заказы твои тоже тупо коммутировал.

— Ладно, замнем. Твои не догадаются. Там что, блюда считают?

— Ага, а твой метаболизм? Ладно бекака и пыкырь, а вот шрамшрутки...

— Э-э-э, так что, я тоже... того, в комуссию?!

— Нет, в комуссию — нет, а вот биологической жидкостью твоей теперь прожечь любой металл можно.

— М-да-а! Ну, что ж теперь! Поздно пить «Боржоми», когда почки отпали...

— Ой! — Матвей поморщился, вытащил из-под языка маленькую позолоченную пластину размером с ластик и уставился на нее. — Вызывают. Декан сейчас долбасить и тумасить будет. Спасибо, что выслушал. Ты — реальный пацан.

— Ты тоже. Удачи. Увидимся.

— Вряд ли! Будь.

Николай посмотрел на место, где только что стоял официант. Затем перевел взгляд на стол. На серой льняной скатерти стояла ваза с цветами, сухарница с недоеденным кусочком черного хлеба и все. Никаких тарелок с остатками экзотических блюд.

— Порядок, — удовлетворенно кивнул сам себе Бертлинг. Затем переместил заполненный желудочный мешок под мышку, заменив его новым. Украдкой почесав запасной клешней пупок, Бертлинг спрятал ее обратно в брюшную складку.

«Сдам зарубежку и махну домой на Альдебаран, а потом к бетадрианцам. Хорошую они там бекаку готовят, даже моя бабушка не могла бы приготовить ее лучше, а этими

жуткими пельменями все три желудка испортить можно. Кошмар». — Николай огляделся и незаметно поковырял щупальцем в преджелудочном зобу. Затем откинулся на стул и побарабанил пальцами по столу.

— Вам меню принести? — к столу метнулся незнакомый коротышка с полотенцем наперевес.

— Спасибо, А у вас ассемблюха тухликанская есть?

— Я не знаю... я только сегодня заступил. Я спрошу у поваров?

— Ладно, не парься, — покачал головой Николай и, попрощавшись с барменом, направился в туалет. Через секунду он переместился на Альдебаран и отправился сдавать психологию руконогих тирпемплеков, коим, собственно, и являлся. Сегодня еще нужно было дописать курсовую «Субъективные особенности метаболизма у теплокровных особей планеты Земля» и пообщаться с любимой бабушкой, которая просто обожала своего внука-обормота.

Все ее мужчины

...Кашкин снял ее возле ресторана «Капитан Грей». Вяло трусил мелкий стеклянный дождь. Она стояла в стороне от своих товаров. Простоволосая, в ситцевом платье, потемневшем от дождя, и облезлой лисьей горжетке на худеньких плечах. В этом нелепом для ее промысла одеянии она сильно отличалась от других «ночных бабочек», мерцавших сквозь мокрое море позолоты и ярким окрасом крыльев-костюмов.

— Поедем? — неожиданно для себя предложил Кашкин, высовываясь из окна своего издавшего вида жигуленка.

Ему нужно было сбросить пар! Только что редактор альманаха «Пегас и К^о» Игорь Ваденков вернул Кашкину его поэму в стихах «Кости» и посоветовал читать великих поэтов и прозаиков. Он так и сказал: «Учитесь у Пушкина. Научитесь — приходите».

— Я докажу, — злобно скрипел Кашкин. — Я просто еще не раскрученный автор. погоди, ты еще будешь у меня в ногах ползать, умолять отдать рукопись, но я пошлю тебя... к Пушкину!

— Ну так что? Едешь, нет?!

— Еду, — просто ответила она и зябко запахнула на груди выдавшую виды горжетку.

По дороге она не проронила ни слова, и только когда вошли в квартиру, тихо спросила:

— У тебя чай есть?

— Да ну его, чай. Может, по коньячку?

— Нет, мне бы чаю.

— Ну, чаю так чаю.

Они прошли на кухню. Кашкин достал заварочный чайник, сахар, чашки.

— Сыр будешь? — спросил он, выглядывая из-за дверцы холодильника.

— Нет.

— А шпроты?

— Нет.

— Есть еще паштет...

— Нет. Мне только чай.

Кашкин чувствовал себя довольно глупо. Какой жареный петух его клюнул там, у ресторана? И почему он снял на бульваре имен-

но это блеклое недоразумение, а не яркую длинноногую штучку в парче. С той точно не пришлось бы миндальничать.

Он пил чай, недовольно глядя на гостью поверх чашки, и размышлял, как бы покультурнее выдворить девицу из квартиры. Наконец выдал из себя:

— Ты где живешь?

— Везде.

— С кем?

— Так, со многими.

— Работа не надоедает?

— Нет. Просто иногда очень противные люди попадаются. И еще — жадные. Им деньги нужны... деньги, деньги, много денег. Я устала...

— Ну, брось это ремесло.

— Не могу. Я больше ничего не умею.

— Ты, может, хочешь таким образом найти себе покровителя?

— Нет, мне это не нужно...

— Расскажи про своих мужчин.

— Вы этого хотите? — короткий удивленный взгляд из-под мокрых махровых ресниц. Похоже, натуральных.

— Ну, надо же как-то время коротать...

Кашкин изо всех сил пытался дать понять гостю, что никакого интима не предвидится. Ему хотелось чего-то другого... Кашкин не смог бы сформулировать природу этого «чего-то». Хотелось чего-то забытого, странного. Например, пустить по весеннему ручью кораблик, сделанный из тетрадного листа. Или зайти босиком в самую глубокую лужу и изо всей силы шлепнуть ногой по мутной поверхности, еще — прогуляться при луне по острой кромке крыши...

«Она мне что-то подмешала в чай. Только бы не клофелин...»

— Я вам расскажу лишь о самых неординарных из них... Сашенька... Он был романтиком, с неумным воображением. Чувственным и вспылчивым, ревнивым, но незлопамятным. Иногда был очень милым, иногда — острым на язык, иногда пошлил, но, знаете, пошлил так... симпатично. Я была для него всем... Потом его убили... Второй... У него был сложный характер. Он часто говорил: «Мне грустно, что я вас люблю, и знаю, что за этот легкий день нам придется дорого рассчитываться». У него был непростой характер, и не каждый мог найти с ним общий язык. Иногда он был заносчив, язвительен

и дерзок, беспощаден к слабостям других и высокомерен. Говорили, что он существо желчное, угловатое, испорченное и предающееся самым неизвинительным капризам. Только я видела Мишино любящее сердце, отзывчивую душу и идеальную глубину мысли. Ему не было 30... Еще был Сережа. Милый красивый мальчик Сережа. Деревенский простачок. Но очаровательный и страшно влюбчивый. У него было очень много женщин.

— Вы ревновали?

— Я радовалась за него. По сути, я была его единственной настоящей любовью. Я всегда была рядом. Я помогала ему. Он много страдал. Много пил и скандалил. Потом его объявили сумасшедшим. Он искал гибели. В Баку он прыгнул в цистерну с нефтью. В Москве пытался выброситься из окна, вскрыть вены. А однажды написал: «Захочешь лечь, но видишь не постель, а узкий гроб и — что тебя хоронят». Потом его тоже не стало...

Она замолчала и невидящими глазами уставилась в иссеченное острыми каплями дождя окно.

— Потом было много других. Одни хотели славы, другие — денег, третьи — власти. Многие умерли.

— Странная вы женщина. Сначала мужчины вас используют, и вы говорите об этом с восторженным придыханием. Потом они почему-то умирают один за другим, и вы о них сожалеете. Вы мазохистка? Или киллер?

— В какой-то степени я была причиной их смертей. Косвенной. Но я не убивала. Я лечила их душевные раны. Я давала им силы. А сегодня я выбрала вас.

— Даже так? И зачем же я вам нужен ?

— Это не вы мне... это я вам нужна... Я решила, что буду вашей. Всецело, до конца, до последнего часа... Но только вы тоже должны быть всегда рядом со мной, дарить мне ваши дни, часы, минуты, секунды! Вспоминать обо мне в ночном поезде и в толпе народа. Жить и дышать только мной... Страдать и любить...

— Вы бредите!

— Нет! Я сделаю вас счастливым! Вы никогда об этом не пожалеете!

— Вы сумасшедшая. И ваше место в психиатрической больнице! Немедленно уходите!

— Но там дождь...

— Вот пятьсот рублей. Возьмите такси.

Она усмехнулась странно, одними уголкам губ. Поднялась, неловко смахнув со стола чайную ложку.

— Я ухожу. Простите. Я обозналась. Мне показалось, что вы — Он. А теперь я поняла, что это не так. Мне жаль вас. Прощайте.

Она подошла к двери.

— Вы не спросили, как меня зовут. Мое имя Муза. Я принадлежу всем. Но только избранные могут называть меня своей. Своей Музой.

Хлопнула входная дверь. Сквозняк взметнул кипу исписанных листов, и они зимним листопадом закружились по кухне. Из крана с тусклым ржавым звуком капала вода. Кашкин тупо смотрел в окно, ожидая, что из подъезда в дождливый полумрак выйдет простоволосая женщина в ситцевом платье, с мокрой горжеткой на плечах. Но двор был пуст. Только на скамейке сиротливо мок забытый кем-то томик стихов Есенина, открытый на 69-й странице. Любопытный дождь заглянул в него и задержался взглядом прозрачных глаз на последнем четверостишии:

Захочешь лечь,
Но видишь не постель,
А узкий гроб
И — что тебя хоронят.

Джинн для учительницы биологии

Если этот поганец Комаровский еще раз плюнет в нее через трубочку жеваной бумагой, Лида треснет его указкой по голове. Кошмар какой-то! Этот седьмой «б» в полном составе можно отправлять в колонию для несовершеннолетних. Петарды, дохлые лягушки, пистоны под ножками стула да много еще чего Лидия Андреевна могла бы припомнить своим мучителям. И, главное, непонятно, почему семикласники так невзлюбили ее, тихую тридцатипятилетнюю учительницу биологии. Может, за то, что ее вес давно перевалил за центнер и она напоминала примятую дождями копну сена, втиснутую в сарафан мышинового цвета. Или за то, что безжалостно ставит этим оболтусам заслуженные двойки, не взирая на чины их родителей. А может, виноват переходный возраст этих прыщавых Ромео и Джульетт, которых интересуют только обжималки

в гардеробе, новые марки «сотиков» и фильмы в формате 3D. А земноводные и млекопитающие, о которых рассказывает Лидия Андреевна, им абсолютно по барабану. Хорошо, что через три дня у нее начнется законный отпуск. И проведет его Лидия Андреевна на юге, у школьной подруги. Хоть две недели отдохнет от своих мучителей.

...На море Лидия Андреевна никогда не была, поэтому, когда из окна вагона она увидела эту сводящую с ума пульсирующую бирюзу, то подумала, что небо расплескалось по земле, а горизонт бесследно исчез. Моря было так много и оно было такого мультяшного цвета, что она буквально задохнулась от восторга...

На станции ее встретила Настя.

Приняв душ и накинув яркий сарафан, Лидия Андреевна — теперь уже просто Лида — отправилась на пляж. Она сняла сабо и побрела вдоль берега, с завистью поглядывая на длинноногих, густо загорелых девиц, кокетничающих с мускулистыми мачо. В поисках уединенного места Лида свернула в пустынную бухту. Она спустилась к морю, зашла в воду и уверенно поплыла к горизон-

ту. Солнце, словно дождавшись, пока она заплывет подальше, выглянуло из-за курчавого облака. Лида засмеялась облаку, солнцу, морю и опустила лицо в воду. Вода была прозрачная, отчетливо просматривалось морское дно, по которому степенно перемещались подводные солнечные зайцы. Лида заметила крупную розовую раковину, наполовину утонувшую в песке. Рядом с ней виднелся продолговатый предмет, покрытый зеленой бахромой водорослей. Лида нырнула, вытащила раковину, а заодно и непонятную штукюину. Через минуту она была на берегу.

Странная находка оказалась бутылкой. Под плотным слоем скользких водорослей угадывалось изящное изделие из ярко-красного непрозрачного стекла.

— Ой, да она запечатана сургучом, — ахнула Лида. — Ну-ка, ну-ка. Вдруг в ней письмо от путешественника, потерпевшего кораблекрушение. Или сокровища...

Она потрясла бутылку. Нет. Сокровищ, пожалуй, там нет, но все равно стоит выяснить, что находится внутри.

Лида расковыряла сургуч и, подцепив краем маникюрных ножниц пробку, с усилием

вытащила ее из бутылки. Из горлышка повалил бурый дым.

«Должно быть, это какой-то ядовитый газ, образовавшийся внутри за сотни лет», — успела подумать Лида и потеряла сознание.

Очнулась она от того, что к ее голове приложили какой-то холодный предмет. Лида открыла глаза и села. С ее лба на гальку свалился мешок, напоминающий гигантский куриный желудок. Очень холодный желудок...

Лида обернулась назад и ахнула. В нескольких метрах от нее... или нет — практически над ее головой возвышался...

«Бред!!! Я перегрелась! Или перекупалась... Ах, да, газ... в бутылке был галлюциногенный газ», — подумала она, изумленно разглядывая симпатичного черноволосого гиганта, который, казалось, был величиной с трехэтажный дом. Великан сидел на песке и восхищенно смотрел на Лиду.

— Э-э, я... знаете... в общем... как бы ... — проблеяла Лида и замолчала.

— Слушаю тебя, моя прекрасная, луноликая госпожа, и повинуюсь, — нежно промолвил детина.

— Ка-к-кая?

— Луноликая, подобная утреннему цветку, — воодушевленно продолжал тот. — Позволь мне смиренно любоваться твоими бездонными, как море, глазами, которые сияют ярче всех сокровищ на свете! Твои лукообразные губы улыбаются самой соблазнительной улыбкой. Твой точеный нос подобен ирису в юном цветении весны.

«Хм, — Лида скосила глаза на “подобный ирису” нос. — Кто-то из нас точно не в своем уме. И я, кажется, догадываюсь кто».

А великан не умолкал.

— Госпожа, повелевай. Три желания есть у тебя, о прекраснейшая из прекраснейших. Три любых желания! И я счастлив, что именно ты, принцесса, подарила мне вожделенную свободу. Приказывай!

Лида оглядела детину с ног до головы. Если бы он был нормального роста, то был бы о-о-чень даже ничего... Широкие плечи, мощные бицепсы, узкие упругие бедра, прикрытые набедренной повязкой, широкая безволосая грудь... Глаза у детины были цвета поздней подмороженной вишни, и эти глаза смотрели на нее так...

По телу Лиды пробежала мимолетная, легкая дрожь.

— А вы кто? — смущенно спросила она.

— Джинн! Меня зовут Абдрахман ибн Саид. Так как же, госпожа?

— Что?

— Три желания... Но умоляю, не бросай меня снова в море. Мне было очень скучно в бутылке. Целых семьсот лет я не видел солнца, неба, прекрасных женщин, подобных тебе, среброкожая принцесса.

«Джинн? Семьсот лет? Обладеть можно... Семьсот лет без женщины! Вот, подружка, учись, — потрясенно подумала Лида. — А ты, дурочка, переживаешь, что тебе тридцать пять, а ты все еще девственница».

— Я могу подумать? — наконец проговорила Лида, разглядывая прямой крупный нос джина и красивый изгиб восточных бровей.

— Думай, госпожа! Я буду ждать, сколько тебе угодно! — сложил на груди руки джинн.

«С ума сойти, — размышляла Лида, украдкой разглядывая странного собеседника. — Это что же, значит джинны существуют?! Интересно взглянуть на эту проблему с точки зрения анатомии. Как у них устроена система пищеварения, кровеносная система, мозг,

как, в конце концов, выглядит... мгм...» — Лида бросила вороватый взгляд на бедра джинна и покраснела.

— Э-э-э, вы не могли бы принять нормальные человеческие размеры, — нарушив затянувшуюся паузу, попросила она.

— Прости, госпожа, что я не догадался об этом сам. — Джинн щелкнул пальцами и «ужался» до нормального человеческого роста. Сейчас его рост был приблизительно метр восемьдесят — метр восемьдесят пять, по человеческим меркам. В новом обликии он выглядел гораздо привлекательнее.

— Итак, моя госпожа, ты придумала, что будешь желать?

— Почти, — вздохнула Лида и бросила камешек в море. — Два желания у меня есть, а третье я придумать не могу. Вы мне можете?

— Я?

— Вы.

— Ты неповторима, моя госпожа. Наверное, ни одного джинна в мире никто не просил о подобном.

— Прошу вас... не называйте меня госпо-

жой. Меня зовут Лида. Лидия Андреевна.

— Ли-иди-и-и-я... — нараспев протянул джинн, и, прикрыв глаза, повторил: «Ли-иди-ия-я».

— Итак...

— Итак, Лидия...

— Мне бы хотелось жить в собственном уютном домике, в поселке, где когда-то жил дед, а не в коммуналке, — это первое желание. А во-вторых — похудеть...

— Зачем? — Джинн огорченно поднял брови. — Зачем портить такую потрясающую фигуру?

— Потрясающую? — Лида на мгновение потеряла дар речи, но тут же взяла себя в руки. — Похудеть! — решительно повторила она. И в-третьих...

...Конечно, можно было бы попросить у джинна мужа, но Лида скорее бы язык себе откусила, чем озвучила такое дикое на ее взгляд желание...

— А давайте сделаем так, — наконец сказала она, — исполните два моих желания, а третье все-таки придумайте для меня сами.

— Ты уверена, моя гос... Лидия, что нужно сделать именно так?

— Ой, да я все равно ничего не придумаю.

— Ты не пожалеешь?

— Но ведь вы не захотите мне навредить?

— Ни за что! Клянусь Аллахом!

— И что я теперь должна сделать?

— Произнести свои желания вслух. И разбить бутылку.

«Ой, как жалко, — подумала Лида, — такой раритет...».

— Я готова. — Она подошла к скале. — Итак, дом в поселке, похудеть, и... ваше желание для меня.

— Бей...

«Дзинь-нь!»

Лида почувствовала дурноту и мягко сползла на прибрежный песок. Очнулась она, когда солнце уже по макушку погрузилось в море. Рядом никого... Лида осмотрелась — осколков от красной бутылки тоже нигде не было видно.

«Оп-па! Временное помешательство, вследствие солнечного удара», — огорченно подумала Лида и потерла висок. Голова раскалывалась от боли.

Дома она приняла две таблетки аспирина и провалилась в сон.

Оставшиеся десять дней они вместе с Настей плавали в море, собирали на берегу

ракушки, ездили на экскурсии. О странном событии Лида почти не вспоминала.

...Город встретил Лиду промозглым дождем и туманом. Коллеги постарше бросали завистливые взгляды на ее плечи, покрытые золотистым южным загаром, подружки вгоняли Лиду в краску, спрашивая о страстных черноморских кавалерах.

Через день ее вызвал к себе директор школы. В кабинете он был не один.

— Вы ведь Кораблева Лидия Андреевна? — спросил подтянутый молодой человек в строгом костюме, поднимаясь со стула и протягивая Лиде руку. — Я Денис Кропот, нотариус. Вы знали Парамонова Игоря Николаевича?

— Нет, никогда о нем не слышала.

— А он хорошо знал вашего деда. Судя по письмам, найденным у него, они даже были друзьями. Игорь Николаевич жил в поселке Липки, в десяти километрах от города. Не вспоминаете?

— Нет...

— Ну, неважно. Парамонов Игорь Николаевич недавно скончался в возрасте девяноста трех лет. Он оставил завещание на ваше имя. Вы наследуете особняк в Липках и прилегаю-

щую территорию — парк, водоем и небольшой участок леса.

— Шутите...

— Не тот случай. За столом в вашем приятном обществе я бы еще это себе позволил. Но в серьезных делах... Вы будете вступать в наследование?

— Я... не знаю.

— Вы можете подумать, время у вас есть. Позвоните мне, когда решитесь. — Он протянул Лиде визитную карточку. — Позвольте откланяться.

У Лидиных коллег привалившее биологичке наследство вызвало неоднозначную реакцию. Кто-то злобно бросал вслед: «Везет же дуракам», кто-то искренне поздравлял. Даже кошмарный седьмой «бэ» поприветствовал Лиду недружным хором: «Нашей Лидандре ура! ура! ура!»

Через день ошалевшая от невероятных событий Лида ехала в Липки взглянуть на свое будущее жилище и размышляла: «Так был все-таки джин или нет?! Или это простое совпадение? И, кстати, откуда взялся этот таинственный Игорь Николаевич со своим завещанием?!

Она разыскала нужный дом, который действительно оказался трехэтажным особняком

из красного кирпича с башенками, балконами, арками, и позвонила у ворот.

— Вам помочь?

Лида обернулась.

— У меня есть ключи от ворот и дома. Я сосед Игоря Николаевича. Мы с ним очень дружили. Надеюсь, мы подружимся и с вами.

Лида удивленно смотрела на стройного, красивого мужчину в белом свитере и джинсах и мучительно размышляла, где она уже видела эти глаза цвета поздней подмороженной вишни...

...Через пять месяцев Лидия вступила в наследство и вышла замуж за своего соседа. Жених был чрезвычайно хорош собой и, по слухам, умопомрачительно богат. Кроме того, как шепнула в учительской всем по секрету подруга Лидии, Татьяна, Артур Лидочку просто обожал, постоянно носил ее на руках и называл «луноликой принцессой» и «своей прекрасной повелительницей».

А второе желание почему-то так и не исполнилось. Действительно, незачем портить такую потрясающую фигуру!

Достойные проводы

— Славно проводили! С душой, с изюминкой! Моя-то как рыдала, а?! И коллеги молодцы, на венок не поскупились. Из живых лилий, между прочим. И гроб для меня тоже выбрали достойный, красного дерева, с позолоченными ручками. Заслужил!

Толстяк в дорогом черном костюме, в галстук, заколотом золотой булавкой, вальяжно развалился на скамье в центре полутемного ритуального зала.

В скорбном помещении он был не один. На соседней скамейке, выпрямив спину и вздернув пухлый подбородок, сидела дебелая блондинка с громоздкой прической из сильно начесанных, асимметрично уложенных надо лбом в виде ракушки волос. Слева от нее, небрежно закинув ногу на ногу, устроился тип с испитым лицом и ссадиной под глазом, справа — худощавый лысоватый мужчина во фраке и белых тапочках. Отдельно от всех,

в самом углу, притулилась старушка в пестром платке и сатиновой кофте, купленной, должно быть, еще в советские времена.

Ровно сорок дней назад все они поочередно, согласно предписанию, оказались клиентами скорбного зала, расположенного на первом этаже здания судебной экспертизы. Точнее, не клиентами, а главными действующими лицами. Усопшими. Сегодня истек последний день пребывания их душ на земле. И здесь они собрались не по собственному желанию, а потому что так было надо. Неважно кому и почему. Надо и все!

— Так вот, я и говорю, не зря жил. У меня коттеджей три штуки, замок в Испании, яхта, любовницы. Сын в Кембридже учится. Жена костюмы в Лондоне заказывает. Собаку во Францию на вязку с чемпионом породы возим.

— Да, жена у тебя ничего. Софи Лорен в молодости. А кто это рядом с ней сидел, и скорбно по коленке гладил? — ехидно поинтересовался мужчина во фраке.

— Ах, это... это так, друг семьи.

— Ага, ага, понятно! Ну, не переживай, тебя друг этот и при жизни успешно заменял, и теперь вдове твоей пропасть не даст.

Они после поминок, обнявшись, к нему подались. Интимной скорби предаваться...

— Да я тебя!!!

— Слабо. Не забывай. Ты усоп. И времени тебе земного осталось всего ничего. Вот положенные минуты здесь отсидим — и по своим местам и заслугам. У меня-то заслуг много. Я член Союза композиторов.

— А тебя случайно сюда не Сальери определил? — мстительно поинтересовался толстяк, который не мог простить владельцу фрака «друга семьи». — Думаешь, раз со мной на час позже прощались, не слышал, как твои коллеги ехидно обсуждали, что ты не столько симфонии писал, сколько жалобы строчил. И что с твоим уходом в мир иной все свободно вздохнут. А папками с твоими ораториями подопрут шкаф в бухгалтерии. На другое они не годятся... пустая и никому не нужная музыка. И даже не музыка, а так — скрежет ножа по стеклу.

— Гнусная ложь! — воскликнул фальцетом фракносец.

— Души не лгут, сам знаешь, — мрачно усмехнулся толстяк. — Кстати, я и сам знаю, что жена у меня — шлюха, друзья — иуды, компаньон — скотина, даже врага достойного

нет. Это пока там был, все за чистую монету принимал. Но похороны достойные! Достойные!!! Сорок дней прошло, а о них до сих пор в городе говорят.

— Ну, у меня тоже, слава тебе господи, богатые получились похороны, — вмешалась в разговор дама. — Я директор рынка. Меня весь мой рынок пришел проводить. Такие трогательные речи говорили.

— Да уж, — буркнул тип с испитым лицом. — Одни торгаши ехидно обсуждали, как бездарно гример положил краску на физиономию, другие держали пари — кому достанутся драгоценности. Дочки наследство делили, чуть при всех глаза друг другу не выцарапали. А тексты ритуальный писака накарябал. Ему заплатили натурой — тухлой говядиной, которая санконтроль не прошла.

— Ну и что? У тебя и таких похорон не было.

— Почему это? У меня все приятели пришли, с которыми... дружил. Искренне переживали.

— Ну-ну, то-то их чуть не с милицией выводили, один решил показать татуировку на... ну, словом, прямо здесь раздеваться начал, другой с бутылкой и стаканом к гробу полез

за здоровье усопшего пить, — презрительно фыркнула дама. — Алкаши чертовы! Житья от вас нет! Поубивать мало!

— Опоздала мать, — хихикнул мужчина с испитым лицом. — Я уже тут. И тебе придется некоторое время терпеть мою компанию. Кстати, хоть друзья у меня и алкаши, а все пришли как один. И помянули потом у гаражей.

— И все равно у меня народу было больше, чем у всех вас, вместе взятых, — высокомерно перебил его толстяк. — Значит, я достоин того, чтобы меня столько людей провожало.

— О себе скромно промолчу. — Композитор по-ленински заложил палец за полу фрака и дернул тощим кадыком. — У меня вообще на похоронах были самые известные в городе люди. Это хорошо, когда ты достойный человек. Тебя и похоронят с почестями, и помянут. — Он с превосходством покосился на старуху, которая, стараясь казаться еще незаметнее, вжалась в угол.

Старуха была ничейная. Родных у нее не было. Приятельниц тоже. Все умерли давным-давно — еще в прошлом веке. Да и сама она уже несколько лет не жила, а грезила, одна в

пустой квартире, куда три раза в неделю приходила женщина из социальной службы.

Старуха утасла тихо и бесппроблемно. Квартира отошла государству, а нехитрый скарб — соседям.

— Да-с! Достойный уход еще заслужить надо, друзья мои, — продолжал композитор. — В этом смысле нам всем повезло. Почти всем, — исправился он.

Все согласно кивнули и замолчали, с наслаждением воскрешая в памяти пафосные речи сослуживцев, горы цветов и постные лица родственников.

Старуха, убедившись, что больше никто не обращает на нее внимания, разжала сухой кулачок и улыбнулась. В бледной сморщенной ладони лежал маленький пластмассовый автомобиль из шоколадного «киндер-сюрприза»...

В тот вечер два дюжих санитаря ненадолго занесли в ритуальный зал гроб с ничейной старухой и вернулись в экспертную комиссию за документами.

На скамейке, в самом углу помещения, поджав под себя ноги и не шевелясь, сидел семи-

летний сынишка здешней уборщицы — даун. Равнодушно проводив глазами санитаров, он слез со скамейки. Затем, косолапя, подошел к гробу и уставился на старухино лицо с застывшими нестрогими морщинками. Помедлив, мальчик достал из кармана крошечный автомобиль, который собрал собственными руками, положил игрушку старухе в гроб и на цыпочках вышел из зала. Через минуту санитары вернулись, подхватили гроб и понесли его во двор, где ждал грузовой рафик.

... — Ну, что, коллеги, пора, — засуетился толстяк. — Пора в небесные пенаты.

Его плотная фигура заколыхалась, словно марево над горячим асфальтом, и пропала. Следом за ним исчезли, растворившись в воздухе, дама с пышной прической, тип с испитым лицом и композитор. Последней истаяла старуха.

— Вот неслух! Я же запретила ему играть в ритуальном зале! — в помещении, опершись на швабру, стояла немолодая, усталая женщина в синем халате. — Вот, пожалуйста, — машинка его любимая! А я думала, на улице потерял. Вот обрадуется сынуля...

Она покачала головой и спрятала игрушку в карман.

Мимолетный сквозняк, словно чей-то легкий задержавшийся выдох, тронул край ее рабочего халата и так же неожиданно взмыл под потолок устыдившись своей неловкой сентиментальности...

Испорченное полотно

Спиной я ощущал его взгляд. Худощавый, в растянутой футболке, этот мальчишка каждое утро приходил на косогор, где я устраивался со своим мольбертом. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, отмахиваясь веткой от разжиревших комаров.

На третий день мальчишка заговорил.

— Небо, — хрипловато пробормотал он, ткнув пальцем с обкусанным ногтем в подсыхающий холст.

— Что небо?

— Ничего не видно.

— А что должно быть видно?

— Так... Звезды. Миры. Вселенную.

— Какие звезды днем? Ты же видишь, на картине летний полдень.

— Все равно. Неправильно.

— Ты фантазер.

— А вы ничего не понимаете. — Мальчишка принялся утрюмо отколупывать подсохшую болячку с коленки.

— Послушай. Ты не мог бы присмотреть за моим имуществом, — сказал я. — Мне должны позвонить из города. А я сотовый телефон забыл дома. Приглядишь?

— Ну.

— Видишь ли, завтра в городе выставка. Я хочу отправить на нее эту работу. Не подпускать посторонних к холсту. Договорились?

— Ну, — снова односложно буркнул он.

На телефоне оказалось два неприятных вызова. Звонил Карен — мой бывший одноклассник, нынче директор престижного выставочного зала. Я набрал его номер.

— Карен, привет, это Анатолий.

— Ну, что, как твое шедевральное полотно, Офеня? Что ты представишь?

— Пейзаж.

Карен хмыкнул с досадой:

— Банально. Тривиально. У меня девять полотен с одним и тем же сюжетом — три березы, две сосны, гора, озеро. Озеро у тебя есть?

— Есть.

— А березы?

— И березы, и сосны, — расстроился я. — Но ведь пейзажи все равно разные. У каждого свое видение...

— Ладно, Офеня, ладно. Просто я хочу, чтобы твоя карьера, наконец, двинулась вверх. У меня ведь покупатели будут серьезные. Из Швейцарии, Германии. Ты хочешь, чтобы картина висела в Дрезденской галерее?

— Хочу.

— Ну вот, напиши что-нибудь эклектичное.

— Я реалист.

— Ну-ну, не обижайся, Офеня, добра же хочу.

...Я брел по пыльной теплой дороге, чихая и шмыгая носом. Цвела амброзия, а у меня на нее застарелая аллергия. Вот и берег, мои две березы, желтый зонт над мольбертом... Только мальчишки нет.

«Должно быть, купаться убежал, — с досадой подумал я. — Какие все-таки ненадежные люди, эти мальчишки».

Я подошел к своей картине и ахнул. Полотно было безнадежно испорчено. Небо — варварски испещрено разноцветными кляксами, полосками и брызгами краски.

Я крепко выругался и, сложив свои ма-
натки, отправился в деревню. Все. Накрыл-
ся вернисаж! Мою картину не купит гость
из Милана или Дрездена. Меня не узнают за
границей. Я так и останусь провинциальным
маляром Толей Тригоровым.

Вечером заявился Карен. Видимо, жела-
ние пополнить экспозицию чем-то эклекти-
ческим его не покидало.

— Ну, показывай, Офеня, что ты там на-
малевал. — небрежно сказал он, плюхаясь на
табурет и закидывая ногу на ногу

— Ничего.

— А как же пейзаж?

— Нет пейзажа. Испортил.

— Как испортил? Офеня, ты с ума сошел?

Я огорченно махнул рукой в угол. Теперь эта,
с позволения сказать, картина годилась только
на то, чтобы прикрыть бочку с огурцами.

Карен подошел к картине. Долго молчал.
Потом выдал:

— Эклектика. М-да. Стиль, конечно, мут-
ный. Но можно попробовать. Выставим.

— Этот кошмар? Ни за что!

— У тебя нет выбора. Ты заявлен в каталоге.
А все твои остальные работы, прости, Офеня,
еще хуже.

— Делай что хочешь!

— Ладно. Я заберу. Здесь темно, может, там она заиграет. В галерее освещение хорошее, а в твоём отсеке вообще шикарное, пересечение трех световых лучей. Не забудь — завтра в двенадцать.

На выставку я не поехал. Думаю, нет смысла объяснять почему.

Целое утро я бродил по густой росной траве, растущей вдоль лесных посадок. Нарезал корзину грибов — белых, подосиновиков, сыроежек, сверху положил пять роскошных мухоморов. Для антуража.

Зла на мальчишку у меня не было. Один только вопрос не давал мне покоя. Зачем? Зачем он это сделал? Ведь видел, пацаненок, сколько времени я провел у озера, корпя над этим пейзажем.

Днем я ходил на речку, искупался, посидел у мостков с удочкой.

В шесть утра позвонил Карен.

— Ты балбес, Офеня. Почему не приехал?! Тут такое...

— Ясно! Поплясали-таки заочно на моих косточках? Интересно, кто громче всех смеялся? Полянский? Михайловский?!

— Балда! За твою картину вчера дрались все приглашенные гости. Ты что мне голову морочил? Решил разыграть? Галерею не закрывали даже на ночь. Народ шел и шел. Тут и сейчас давка. Прессы понаехало. Тебя требуют. Ты, Офеня, такое сотворил и молчишь как партизан!!! А я-то, дурак, купился. Ты ведь специально в угол картину поставил? Знал, что в темноте она не раскроется?!

— Карен, ты о чем? — Я сел в кровати. — Какая пресса?! Что ты меня разыгрываешь? Кто «не раскроется»? Я ничего не понимаю.

— Темнишь, Офеня. В общем, приезжай сюда, разбирайся с прессой и покупателями. Я машину пришлю. Жду.

У здания художественной галереи было многолюдно. Не то что яблоку — косточке вишневой упасть было некуда. Такую очередь на вернисаж я видел лишь в начале восьмидесятых в Москве, на Малой Грузинской. Тогда огромный ветвящийся хвост протянулся по всей улице.

Я принялся протискиваться сквозь густую толпу. Люди неохотно расступались, вполголоса переговаривались. Не прекращая работать локтями, я прислушался.

...Сказка. Я никогда такого не видела! Маленькие феи с прозрачными крылышками танцуют в воздухе...

...Феи? Это не феи — ангелы, и они не танцуют, а спят в цветах.

...Мама, а там дракончики разноцветные на радуге сидят и улыбаются... они радуются, что покрасились?

...Смотри, Санек, розовые рыбы летают. Эх, на рыбалку бы сейчас... с сачками...

...Нанотехнологии, принцип микронного замещения... или там внутри системник.

...Голограмма...

...Он гений.

...После Леонардо да Винчи он первый...

...Несколько слоев... перспектива бесконечности... вы обратили внимание на слоистость планов?

...Схема прозрачности...

...Но это нереально! Невозможно!!!

Ко мне протиснулся Карен.

— Ну? Слышал?

— Слышал. Но пока ничего не понимаю.

— Ты шутишь?

— Карен! Я действительно не могу понять, почему такой ажиотаж вызвала моя

испорченная картина. Что у нас теперь — мода на плохой абстракционизм?

— Какой абстракционизм? Ты сделал открытие века! Ну, ты что, Офеня, правда, ни сном ни духом? — Карен подтолкнул меня, и я оказался возле своего полотна, которое было почему-то огорожено толстым красным музейным шнуром.

Я поднял глаза на картину. Две березы на месте, сосны... небо, озеро, мальчишкины каракули и кляксы...

Но что это?! На моих глазах каракули начали переплавляться в спиральное багровое облако. Внутри его взвихренно кружились звезды яростно-желтого цвета. Одна из них стала увеличиваться, заполняя собой все пространство полотна. Вот появились туманные очертания незнакомых морей, материков, они приближались, словно я спускался на парашюте вниз на неведомую планету. Вот мелькнула аквамариновая поляна, очень похожая на ту, где я писал пейзаж. Возле ветвистого дерева с пурпурными влажными листьями стояла женщина. Прекрасная, с бледным, словно выточенным из слоновой кости лицом. Тонкий и длинный нос, пуши-

стые золотые ресницы, глаза невероятного цвета... Она была божественна!

Минута — и на полотне остались только глаза — громадные, с сияющими фиалковыми радужками. Прошла, должно быть, вечность, и все повторилось в обратном направлении: глаза — лицо — фигура — поляна — планета — звезда — спираль...

Открыв рот, я стоял перед полотном, не замечая, как клубится, сгущается вокруг меня толпа. Через минуту я оказался в кольце людей с камерами, микрофонами и фотоаппаратами...

...Карен отвез меня в деревню в начале первого ночи. На счете в банке у меня теперь лежала сумма, которую невозможно было потратить за несколько моих жизней. Картина улетела в Швейцарию.

Утром я описал хозяйке внешность мальчугана, который приходил ко мне на косогор, и спросил, где он живет. Хозяйка с сожалением покачала головой и сообщила, что детей в деревне не было уже несколько лет. Правда, раньше приезжал к Петру Акимовичу сын, но сейчас «мальчишке» уже за двадцать... Ничего не смог узнать я и в соседнем селе...

Потом у меня началась депрессия. Целый месяц я ходил на холм рисовать знакомый пейзаж, но мой мальчишка так и не появился. А я исчерчивал невозможными каракулями уже готовые картины, но ни разу больше не удалось мне заглянуть за нарисованные облака и увидеть божественной красоты лицо незнакомки с фиалковыми радужками глаз.

Каждому свое...

...Никем не замеченные, они спустились по веревке с козырька крыши на балкон пятого этажа. Затем скользнули в комнату через приоткрытую дверь.

Сидор Андреевич сидел в глубоком кресле, не сводя глаз с экрана телевизора «Горизонт». Транслировали матч, комментатор нервно хрипел, трибуны неистовствовали, то и дело взрываясь воплями, гудками вузузел и свистом, поэтому появления незваных гостей Сидор Андреевич не заметил.

Посетители на цыпочках подошли к креслу, остановились за спиной старика и некоторое время наблюдали за ходом игры. В то самое мгновение, когда в ворота «Аргентины» влетел решающий мяч, а старик охнул, схватившись за грудь, один из посетителей — чернявый хмурый тип со скошенным, приплюснутым носом — быстро и грубо заломил пенсионеру руки за спину.

Сидор Андреевич вздрогнул и открыл рот, намереваясь позвать кого-нибудь на помощь, но второй — низкорослый, с грязно-сивыми волосами — угрожающе щелкнул у него перед лицом ножом с выкидным лезвием:

— Тиха! Б-б-абки, цацки, орд-д-дена... — Бандит заметно заикался. Голос у него был глухой и сиплый. — Ж-живо или к-к-коньки откинешь.

Чернявый съюморил:

— Да он и так коньки откинет, без нашей помощи, да, дедунь? Так где захоронки у тебя, колись, старче?

Сидор Андреевич попытался было встать, но чернявый грубо толкнул его в грудь.

— Папаша, не гоношись. Скажи, где барахло, может, поживешь еще денек-другой...

Сидор Андреевич обреченно мотнул головой в сторону шкафа. Там на верхней полке, завернутые во фланельку, лежали его боевые награды, три тысячи рублей и серебряное колечко умершей пять лет назад жены Антонины.

— Ну вот, так-то лучше, — ухмыльнулся чернявый, а сивый подошел к шкафу, пинком открыл его и, достав сверток, вывалил на диван добычу.

— Молодец, дед, на лету схватываешь.

Чернявый встал перед стариком, внимательно оглядел его, словно прикидывая, что делать со своей жертвой. Затем вытащил из кармана рулончик скотча и моток веревки.

— Сивый, иди сюда. Вяжи ему руки. И к креслу приматывай. Покрепче. А чтобы наш доблестный ветеран ненароком не попортил нервы соседям, мы ему звук убавим. — Он ловко заклеил скотчем старику рот. — Иди на кухню, глянь, какая у дедка плита.

— Газовая.

— Ништяк. Открывай. А я пока свечечку запалю. Мы ему газовую атаку устроим с фейерверком. Пусть молодость вспомнит. Поностальгирует. Да, старче?

Сидор Андреевич забился в кресле, словно рыба в сетях, и принялся гримасничать, пытаясь отделаться от липкой ленты.

— Все дед, бывай. Богу привет передашь от Васька и Сивого.

Хлопнула дверь. Все стихло. Сидор Андреевич дернулся, но веревки держали крепко. Лицо перепоясывала и мешала дышать прозрачная липкая лента. Старик замычал, рванулся в сторону, вместе с креслом грохнулся на пол. Над линолеумом невидимой

смертельной пеленой расплзлся бесцветный газ...

— Полезли на крышу, веревку снимем.

— Н-на фиг. А вдруг рванет?..

— Придурок, это улика. По ней нас любой мусор отыщет. И потом — дедок один живет. А полыхнет, максимум, минут через десять — двадцать. Не дрейфь.

Чернявый поднял люк, выбрался наружу и подошел к краю крыши.

— Никого. Давай, помогай. — Он подергал за веревку. — Ч-черт, зацепилась за что-то.

— О, гля, какие к-к-кошаки! — удивился сивый. — Пухлые, с-сволочи. Зажрались. Тут людям хавать н-ничего, а их, небось, печенкой каждый д-день кормят.

Неподалеку, у парапета, сидели два гигантских кота — белый и черный. Увидев людей, животные вытянули шеи, приняв позу «копилки».

— Эт, наверное, порода какая-нибудь специальная, — хмыкнул чернявый, — я слышал, есть такие, что вырастают выше дога.

— Б-брехня, — отмахнулся сивый. — Т-ты лучше глянь, какие цацки у них на шеях.

— Точняк! Ремешки с блестяшками. Думаешь, брюлики? А чо... Может, это коты какого-нибудь бизнесюги, у которого бабок немеряно. Я читал, есть магазины для котов и собак, так там точно всякая шняга для них... и с брюликами есть.

— С-снимем?

— Не дадутся, сволочи. Порвут. — Чернявый втянул голову в плечи, сторбился и по-кошачьи плавно, на цыпочках двинулся в сторону животных. Те внимательно наблюдали за человеком, не предпринимая ни малейшей попытки улизнуть.

— Есть, — радостно воскликнул чернявый, ухватив котов за ошейники. — Точно, брюлики, а еще зеленые камушки, типа изумруды... Иди, помоги снять.

Ошейники оказались из материала, похожего на холодное мягкое стекло. Камни были вплавлены в прозрачную поверхность.

— Вот з-зараза. Где же у него застежка? — выругался сивый. — Н-надо ножиком его, ножик у меня как б-бритва, сам точил.

— В этот момент что-то щелкнуло, и в руках у бандита оказался сверкающий разноцветными камнями ошейник.

Коты во время процедуры вели себя на удивление смирно, не вырывались, не царапались и даже не мяукали.

— Интеллигенты чертовы, блин! — буркнул чернявый, разглядывая ошейник с прозрачными и темно-зелеными камнями.

— Мне тоже сними, — подпихнул сивый к приятелю второго кота.

— Ух ты, а у этого камушки покрупнее, — пробормотал чернявый и потянулся за вторым ошейником. — Держи второй.

Через секунду оба прилаживали к запястьям необычные украшения с идеально ограниченными камнями. Безделушки синхронно защелкнулись...

...Что-то произошло. Посторонний наблюдатель ничего бы наверняка не понял, ничего не почувствовал. На крыше по-прежнему находились четверо: два огромных кота — белый и черный и двое мужчин — сивый и чернявый.

...Смирные еще минуту назад, животные сорвались с места и принялись бешено метаться по крыше, то пронзительно завывая, то шипя, словно две рассерженные гадюки.

Два человека стояли у парапета, удовлетворенно оглядывая друг друга.

— Так просто? — спросил сивый. — А ведь пятидесяти лет еще не прошло.

Он перестал заикаться. И голос у него поменялся, теперь он говорил мягким баритоном.

— Нас же предупредили. — Его спутник посмотрел в сторону беснующихся животных. — Браслеты с нас могут снять до истечения срока преступники более опасные, чем мы. — Вероятно, на совести этих не одна безвинная жертва...

— Значит, наше заключение закончилось? Мы помилованы? И можем лететь домой?

— Да, через несколько часов мы будем на орбите Октериуса. — Чернявый запрокинул голову и с наслаждением принялся вглядываться в небо, затянутое облаками.

— Ну так чего мы тогда ждем?

— Погоди, есть одно дельце.

Чернявый подошел к люку, спустился на лестничную площадку и зашел в квартиру...

На следующий день Сидор Андреевич в компании соседки по лестничной площадке Нины Васильевны в пятый раз вслух перечитывал небольшую статью в ежедневной газете под рубрикой «Город. События. Люди»:

«...Накануне из Анарской тюрьмы бежали два опасных преступника, осужденных на пожизненное заключение. Вчера они были замечены в Кировском районе возле дома номер тридцать. Спустившись с крыши на балкон пятого этажа, они проникли в квартиру ветерана Великой Отечественной войны, кавалера нескольких боевых орденов Карпова Сидора Андреевича. Преступники привязали пожилого человека к стулу и забрали ордена и три тысячи рублей. Уходя, один из них открыл газовые конфорки и зажег свечу. Именно так они обычно поступали со своими предыдущими жертвами... Однако спустя несколько минут бандиты неожиданно вернулись, отвязали старика, извинились перед ним и отдали ветерану все его награды и деньги. Когда Сидор Андреевич окончательно пришел в себя, он обнаружил, что воры оставили на столе не три тысячи, украденные у него, а сто пятьдесят пять тысяч в тысячерублевых ассигнациях и пятьсот евро одной купюрой.

— Наверное, они меня просто узнали, — объяснил нашему корреспонденту странное поведение жуликов Сидор Андреевич. — Двадцать лет назад я вел при нашем ЖЭКе кружок авиамоделирования. Наверное, эти

люди еще мальчишками туда ходили. Сразу-то меня не признали, а потом, видать, вспомнили и застыдились. Значит, не совсем пропащие люди. Есть надежда, что исправятся.

Однако следователи и сотрудники ГУИН мнения ветерана не разделяют. По следу беглецов были пущены служебные собаки с проводниками. Следы привели к раскопкам Иванова городища за чертой города. Возле большой круглой плиты со следами подпалин собаки потеряли след. Если бы преследователи верили в чудо, они бы решили, что бандиты вознеслись в небеса. Но, скорее всего, за ними прилетел вертолет с сообщниками. Всем сотрудникам органов УВД выданы ориентировки...».

Сидор Андреевич аккуратно сложил газету и налил себе и собеседнице зеленого чая из пузатого чайника в форме зайца.

На крыше внесезонно истерили коты.

Происшествие с бегущей строкой

Корреспондент редакции информации, двадцатипятилетняя Марина Ларина, рассеянно тюкала по клавиатуре компьютера. Мысли ее были далеко от заседаний Думы и посевной, сюжеты о которых она только что отредактировала.

— Так что же все-таки ответить Виктору? Может, помучить его еще чуть-чуть? Чтобы с крючка не сорвался. И никакого интима. Ни-ни! А то знаем мы вас, мужиков! Вечером покувыркался, утром след простыл. Не-ет, с интимом мы погодим!

— Люди, сохраните сюжеты, перезагружаю систему. — Системный администратор Саранского телевидения Гоша заглянул в кабинет, тряхнул пышной шевелюрой и ментально испарился.

Марина огорченно вздохнула. Опять перезагрузка. Сколько можно!

Она переводила текст сюжетов в бегущую строчку. Обреченно исправляла безумные ляпы журналистов, сокращала тексты и до бесконечности проверяла... проверяла... проверяла.

Сегодня компьютер капризничал как никогда и трижды отказывался отправлять текст на сервер. Марина в сердцах выругалась и шлепнула рукой по мышке. Строка пошла.

«Так, что там по монтажному листу?.. Приветствие. Потом первый сюжет — «Метро. Пуск горнопроходческого комплекса», — он хоть и коротенький, но будет возможность перевести дыхание».

«Здравствуйте. В эфире программа Саранского телевидения “Информвести”». — Строчка бежала весело, без задержек. Ничто не предвещало неприятностей.

Ведущий — очаровательный плейбой Левушка — протараторил анонс и, прилипнув взглядом к видеосуфлеру, продолжил: «Сегодня был пущен горнопроходческий комплекс «Ловат». Теперь недалек тот день, когда мы сможем перемещаться по городу на стремительных подземных поездах».

Марина отвела взгляд от красивого Левушкиного лица, взглянула на бегущую строку и ахнула.

«Сегодня, 29 марта, в Москве, на станции метро “Третьяково” прогремел взрыв, погибли 25 человек, число жертв может возрасти. По предварительным данным, 14 человек погибли в вагоне поезда, 11 — на платформе».

«Боже мой! Какой взрыв, какое метро? — мысленно ахнула Марина. — Это не моя строчка. У меня не было такого сюжета. И никаких взрывов в Москве не было. И вообще, сегодня 28 марта. Чья это идиотская шутка?»

Марину бросило в жар, потом в холод. По спине потекла холодная липкая струйка. Девушка закрыла глаза, помотала головой и снова посмотрела на экран.

«На открытии медкомплекса для инвалидов присутствовали строители, главный архитектор города, жители мегаполиса...». Знакомый текст, вон имя и фамилия московского инженера — Арлан Поликовский. Марина час назад звонила журналисту, снимавшему сюжет, уточняя, как правильно пишется имя почетного гостя — Арлан или Орлан.

«И что это было? — думала Марина, тупо уставившись в монитор, по которому бежал знакомый текст. Кто мне это подстроил и что мне за это будет?»

После выпуска она заглянула во вторую аппаратную к режиссеру Ольге Зотовой.

— Оль, ты видела, что у меня в первом сюжете было?

— Что, запятую не туда поставила? — Ольга устало посмотрела на Марину. — Я ничего такого не заметила.

— Оля! На первый сюжет наложились информация о взрыве в московском метро. Левушка говорит о «Ловате», а у меня бежит строка о взрыве. О том, что в московском метро на станции «Третьяково» был совершен теракт. Двадцать девятого марта.

— Мариш, сегодня двадцать восьмое.

— Знаю. А только я за пультом чуть не поседела от страха.

— В отпуск тебе надо, подруга, — ясно? И никакие теракты мерещиться не будут!

День прошел более-менее спокойно, а утром Марину разбудил звонок сотового. Звонила Ольга:

— Маринка, ты телевизор смотришь?

— Я сплю. У меня сегодня вторая смена. Что там у вас, пожар? — недовольно проворчала Марина.

— Хуже! По всем центральным каналам — информация о теракте. Взрывы в Москве. Метро «Третьяково».

— Что? Марина мгновенно села на кровати. — Ты шутишь?

— Если бы! Представляешь, какое совпадение? До мелочей! Может, ты медиум? Или с террористами в стоворе. Ты ведь за сутки все знала...

— С ума сошла? Это не я! Это строка! Сама!

— Ну-ну. На выпуск не опоздай.

Марина включила телевизор. Диктор общал о теракте, а в нижней части экрана бежала строчка... та, вчерашняя. «По данным медиков, погибли 25 человек, пострадали 12. Источник в правоохранительных органах сообщил, что во втором вагоне поезда в семь пятьдесят две раздался взрыв...».

Марина автоматически оделась, кое-как доплелась до студии и заперлась в кабинете. Мысли путались. Наконец, она собралась с духом и включила компьютер. Пробежала взглядом список сегодняшних сюжетов.

«Отстрел бродячих собак». «Соревнования по керлингу». «Подготовка к посевной». «Выборы».

На первый взгляд, ничего криминального. Хотя, теперь она ни в чем не была уверена.

Через полтора часа Марина отправила выпуск на сервер и побрела в аппаратную.

— Сережа, — попросила она техника из соседней аппаратной. — Посиди со мной за пультом. У меня строчка дергается.

— Ладно, — кивнул Сергей, устраиваясь рядом.

Прошла заставка. Побежала строчка с приветствием. Начался первый сюжет.

«Сельхозпредприятия нашей области в течение ближайшей недели приступят к посадке картофеля, посеву моркови, свеклы, капусты и однолетних трав, — со счастливой улыбкой сообщил плеейбой Левушка. — В настоящее время завершается подготовка земель к посевной...»

«Число жертв землетрясения в Турции официально превысило 200 тысяч человек. Более одного миллиона человек остались без крыши над головой!» — бежала зловещая строка внизу экрана. Текст, который Марина определенно не писала.

Она ахнула и повернулась к Сергею.

— Ты видел?

— Что?

— Строчку. Про Турцию?

— Посевная в Турции? Ну, Мари, ты даешь. Нам бы тут картошку посадить, а ты — Турция...

— Ну, ведь строчка была про земле...

— Про земельные угодья? Так там у тебя не Турция, а Тарцево — это в Саркисовском районе. Я внимательно смотрел. Не было ошибки, не волнуйся. И строчка не дрожала.

— Да, конечно, это я сама перепутала...

На следующий день Марина с упавшим сердцем слушала по первому каналу информацию о чудовищном землетрясении в Турции. Уже знакомая строка издевательски бежала внизу экрана.

Через день на текст о премьерe спектакля наложилась «бегушка» о крупном пожаре в одном из городов. Погибло несколько десятков человек. Потом был взрыв самолета, обрушение многоэтажного здания, столкновение маршрутки и бензовоза. Почти каждый день бегущая строка информировала Марину о трагических событиях, а назавтра эти события неукоснительно происходили.

Марина похудела, перестала ходить в столовую и пользоваться косметикой... Не отвечала на звонки Виктора. Благоразумно помалкивала о странном явлении. И только в конце апреля упросила свою подругу Галку сдать билет на московский рейс. Галка должна была лететь на фестиваль документальных фильмов о войне.

— Пожалуйста, другим рейсом, — умоляла ее Марина.

Галка долго сопротивлялась, потом уступила, за что битый час выслушивала нотацию разъяренного зампреда. В результате все-таки поменяла билет и полетела в Москву более ранним рейсом. Излишне говорить, что самолет, на который Марина непустила Галку, разбился под Тулой.

Странное происшествие все сочли совпадением, а Галка, вернувшаяся из Москвы поездом, пришла к Марине с бутылкой бананового ликера. Когда ликер закончился, Галка сбегала за водкой.

Утром, оторвав свинцовую голову от подушки, Марина жалобно застонала. Гремучая смесь ликера с водкой принесла свои черные плоды. Дико болела голова. Во рту словно эскадрон ночевал. Руки дрожали. И тошнило.

Марина доехала до работы, поставила рядом с собой бутылку минералки и обреченно облокотилась о стол.

Строчка послушно бежала по экрану. Встреча школьников с польскими дизайнерами, проблемы села, ЕГЭ, писатели области, — никаких коллизий, знакомый текст, собственноручно выправленный Мариной. Закончился последний сюжет, пошли спортивные новости. «Неужели отпустило? — не веря собственным глазам, подумала Марина. — Неужели я смогу вернуться к спокойной жизни? Хорошо, что не побежала к генеральному со своими проблемами... представляю, что бы он мне сказал... Куда бы послал!»

Несколько недель строчка радовала плановыми сюжетами об экономике, бензине, посевной. А первого июня вместо строки об открытии новой детской площадки в Советском районе появилась другая, страшная: «Одновременно проснулись сразу шесть вулканов планеты. В мире — паника. Отключено энергоснабжение в Лондоне, Нью-Йорке и еще нескольких мегаполисах Европы. Пепел засыпает города. Горят леса. Еще никогда в мире не было такого природного катаклизма. Ученые дают самые печальные прогнозы.

У населения планеты остались только одни сутки».

Марина почувствовала головокружение, тошноту и закрыла глаза.

Каким-то чудом она не сорвала выпуск. Заторможенно спустилась на первый этаж, вышла из здания телестудии. Потом шла по улице, прощально лаская опрокинутым взглядом первые листья, голубей возле теплых луж. Гладила желтые шапочки одуванчиков, жадно вдыхала горячий воздух. Кислорода не хватало. Земля под ногами чуть заметно подрагивала...

Она позвонила друзьям, с которыми не виделась несколько недель. Потом поговорила с мамой. Со всеми была ласкова и мила. Затем поехала к Виктору.

«Как долго я откладывала жизнь на потом, — печально думала она, засыпая в объятиях любимого. — Если бы я могла повернуть время вспять, я бы не ждала. Я бы сама предложила ему быть вместе, а потом родила троих детей. Жаль, что второй попытки не будет...»

Утром Марина не пошла на работу. У мира и у нее оставался в запасе только один день... Они с Виктором отключили телефоны,

задернули шторы и провели этот день вместе. Последний день гибнущей планеты. Вечером Марина все-таки позвонила Галке. Попрощаться...

— Мариша — ты в своем уме? — сердито закричала в трубку подруга. — Выпуск сорвала!!! Дома тебя нет! Телефон не отвечает! Николай Сергеевич в ярости — строка не вышла!!! Что за фокусы?!!

— А разве ты не в курсе? Мир рушится. В Европе энергетический коллапс. Проснулись вулканы. Шесть штук. Это конец света. Нам остался один день... даже меньше.

— Марина-а-а!!! Ка-кой вулкан?!! Ты что, сходила на закрытый ночной показ нового фильма Филиппо Герни «Последний день цивилизации»? Хотя... туда только журналистов из «Киноведа» пустили... В общем, давай, дуй завтра на работу взбучку получать. Николашка потребовал объяснительную. Напишешь, что давление поднялось, от слабости даже врача не могла вызвать. Ясно?

— Галочка!!! Так значит... катастрофа отменяется?! Ты супер!

Свадьба у Марины и Виктора была шумная и веселая. Были приглашены все журналисты,

режиссеры и техники Саранского областного телевидения. Гуляла вся общага Виктора.

Компьютер перестал пугать Марину коллизиями и катастрофами. А через восемь с половиной месяцев в бегущей строчке неожиданно появилась информация о том, что у Марины и Виктора Дунаевых родилась тройня, два мальчика и девочка. Марина уже лежала на сохранении в роддоме, строку выдавала заменившая ее Галка, которая клялась и божилась, что текст об этом событии не набивала. Самое удивительное, что строчку эту, оказывается, видели режиссер Ольга Зотова и ассистент Стас. А техник Сергей даже утверждал, что лично видел фразу: «Мэр города вручил молодой семье ключи от новой трехкомнатной квартиры». Галка немедленно позвонила в роддом Марине и сообщила о странном явлении. Та без удивления переспросила:

— Тройня, говоришь? Смотри-ка, а мне сказали, что будет двойня. Значит, завтра. Ну спасибо тебе, подруга! А Сережке спасибо вдвойне — за ключи от квартиры!».

Кубик Рубика

В пятницу, тридцатого ноября, сторожу автостоянки Виктору Петровичу Лапину продали бракованный кубик Рубика.

Обнаружил он это вечером, после ужина. Желтых сегментов на кубике оказалось восемь, а красных — десять.

— Безобразие! — возмутился вслух Виктор Петрович. И ведь наверняка из всей партии такой кубик был один... а достался именно ему, пятидесятитрехлетнему холостому неудачнику с кучей болячек и проблем.

Неразговорчивый, обиженный на весь белый свет Виктор Петрович жил в своей «хрущевской» полуторке абсолютно один. Даже принесенные с улицы кошки не приживались в его квартире, а одна, самая отчаянная, сиганула с четвертого этажа.

К слову, Виктор Петрович знал, кто виноват в его сегодняшнем бедственном положении. За последние годы он проштудировал

километры литературы по психологии, пытаясь определить причину своего тотального невезения.

«Ищите корни ваших сегодняшних проблем в детстве», — было написано в одной умной книге.

Да, определенно все проблемы у Виктора Лапина начались в пятом классе, когда к ним пришел новый классный руководитель — Валерия Николаевна Ковалева, незамужняя тридцатилетняя старая дева — «синий чулок» и «гюрза», как называли ее за спиной педагога. Уже спустя много лет от кого-то из приятелей Виктор узнал, что Валерия Николаевна перешла к ним из другой школы, где она чуть не искалечила своего ученика, изо всех сил стукнув его головой о парту.

В новой школе Валендра — как окрестили училку пятиклассники — деликатными методами воспитания тоже не отличалась. Она могла ударить ученика линейкой по рукам, вышвырнуть его за дверь, обозвать «дебиллом», «тупицей» и «дегенератом».

Виктор вспомнил, как Валендра вызвала его к доске и заставила решать задачу про пешеходов, которые куда-то все шли и шли и никак не могли прийти.

— Посмотрите на Лапина, — проговорила она с ядовитой усмешкой. — Он не может решить самой простой задачи для первоклассников. Когда он вырастет, то будет собирать бутылки по помойкам, потому что у него куриные мозги...

Виктор Петрович передернулся от неприятного воспоминания.

«А ведь если бы я не испугался тогда, если бы сумел постоять за себя, все было бы иначе, — подумал он. — Валендра меня сломала. Я стал трусом в квадрате и нулем в кубе! Эх, если бы можно было хотя бы на десять минут вернуться в прошлое и все ей высказать!»

Виктор Петрович вяло потыкал пальцами в пластины кубика. Внезапно он почувствовал дурноту. Перед его глазами бешено закружились стороны кубика Рубика — зеленая, красная, оранжевая, опять зеленая, вспыхнул яркий свет...

Виктор Петрович зажмурился, затем осторожно открыл один глаз. От увиденного — непроизвольно открылся другой. ...

Прямо перед ним на темно-зеленой, исписанной синими чернилами парте лежали раскрытая тетрадь, учебник по математике, пенал. Виктор Петрович перевел взгляд на

свои ДЕТСКИЕ пальцы с обкусанными ногтями, на ладони, выпачканные в чернилах, испуганно скосил глаза вправо, затем влево. Справа, слева и перед ним сидели одноклассники, какими он знал их в далекие школьные годы. Вон алеет ушами его лучший школьный друг Тимонин Вовка, — в девяносто девятом его посадили за бандитизм. Рядом с ним — Игорь Огородников — хилый забитый пацан, — умер от передоза в чьем-то гараже лет пятнадцать назад. А вон Ленка Ларина. Ее Валендра просто патологически ненавидела. У Ленки были удивительные глаза — фиалковые, с небольшой косинкой. Однажды Валендра нашла у Ленки в тетради листок со стихами — что-то про весну и любовь — и обозвала девочку «профурсеткой» и «стихоплеткой». Ленка потом отчаянно рыдала в коридоре. В последние годы подурневшая, сильно располневшая Ларина работала гардеробщицей в областной больнице, которую часто посещал Виктор Петрович. Он сухо здоровался с женщиной и старался поскорее отойти от гардеробной стойки, словно чувствуя за собой какую-то вину...

— Лапин, — услышал он неприятный металлический голос и по детской привычке

испуганно втянул голову в плечи. — Мечтаем, Лапин? Ворон считаем? Именно этим ты и будешь заниматься, когда закончишь школу. Хотя ты школу наверняка не закончишь. Будешь в каждом классе по три года сидеть, с дружками за компанию. По Тимонину давно колония плачет, по Огородникову — спецшкола для дебилов!

— Не смейте! — вдруг неожиданно для себя тонким мальчишеским голосом воскликнул Виктор Петрович, вскакивая и с грохотом откидывая крышку парты. А может, это крикнул троечник Витя Лапин, который панически, до тошноты и обморока боялся Валендру. — Не смейте, слышите?! Вы садистка! Вы же ненавидите детей! Вас на пушечный выстрел к школе подпускать нельзя.

— Что-о-о-о? — глаза Валендры почти вылезли из орбит. — Ты что несешь? Ты в своем уме? Да я сейчас... к директору. Да ты из школы в один момент...

Валендра вылетела из класса, хлопнув дверью. Одноклассники уставились на Виктора с ужасом и восхищением.

— Т-т-ты... ч-ч-ч-чего, В-в-в-витюха? — испуганно спросил Виктора его сосед по парте Саша Курицын.

После школы робкий, заикающийся Сашка устроился работать водителем в автопарк. Поступать в институт он не рискнул, хотя задачки и примеры щелкал как орехи.

— Т-т-ты ч-ч-ч-то, с-с-совсем т-т-т-того? В-в-в-валендра т-т-теперь т-т-тебя с-с-с-совсем с-с-с-сожрет!

— Подавится! Ребята, мне нужно многое вам сказать! Не перебивайте и не удивляйтесь, — попросил Виктор Петрович. — Я к вам — из нашего общего будущего, в котором всем нам уже по пятьдесят с хвостиком. И судьбы почти у всех сложились не так, как бы хотелось. И все из-за Валендры.

Кто-то прыснул.

— Ребята, вы мне должны поверить. Если я успею все объяснить, многое в вашей в жизни будет не так хре... не так плохо, — исправился Виктор. — Саша! Ты обязательно поступишь в институт и станешь инженером. Таня... — Виктор посмотрел на бесцветную, робкую девочку с тощей косицей. — Ты станешь знаменитой актрисой. Только не обращай внимания на эту дуру. Не позволяй на себя кричать... Толик... — Виктор вспомнил, что вчера его соседа по дому Анатолия Сергеевича отвезли в больницу. Третий инфаркт... — Не прогибайся

перед этой крокодилицей. Ты станешь знаменитым спортсменом, тяжелоатлетом и будешь ездить на соревнования в Европу и Америку. Ленка — ты станешь известным писателем, твои романы переведут на все языки мира. Палинин будет конструировать корабли...

Виктор говорил быстро, захлебываясь, он должен был успеть подарить каждому его новую будущую биографию.

— А Валендру забудут! Понимаете, забудут! Как будто никогда не было на свете такого человека, Валерии Николаевны Ковалевой. А вообще, ребята, в будущем здорово! Там столько всего изобретут к тому времени, когда вы станете взрослыми. А сколько всего изобретете вы! Только не дайте себя сломать! И ничего не бойтесь!

— А я кем буду?! — Тимонин повернулся к приятелю и теперь смотрел на него с недоверием и надеждой. — Валерия постоянно говорит, что мое место в колонии...

— Глупости! Ты изобретешь необходимый людям медицинский прибор. И многим спасешь жизнь...

— Знаешь, Витек, — Тимонин внимательно изучал Виктора. — Ты и правда совсем другой... как будто и не ты вовсе... и говоришь,

как взрослый. Я тебе, конечно, верю. Но все-таки, чем ты докажешь, что из будущего?

— Чем?.. — Виктор принялся шарить по карманам школьной формы... шарики, резинка — нет, не то, а это что?.. кубик Рубика... — Вот, — он победно вскинул руку вверх. — Вот! Это кубик Рубика. Его изобретет через пять лет венгерский скульптор и преподаватель архитектуры Эрне Рубик. Этой головоломки нет в вашем... нашем сегодняшнем дне.

Неожиданно распахнулась дверь, и в класс вошел Семен Иванович Наколюшкин — директор школы. За ним со скорбной миной на лице шествовала Валендра.

— Лапин! Опять хулиганишь? — укоризненно спросил Виктора директор.

— Семен Иванович, вы должны меня выслушать, — скороговоркой зачастил Виктор Петрович. — Валерия Николаевна — жестокий, неуравновешенный человек. Неужели вы считаете, что учителем в школе может быть человек с неустойчивой психикой?! — Виктор Петрович подошел к Валендре и остановился, глядя ей в глаза снизу вверх. — Я не боюсь вас! Даже если вы меня вышвырнете из класса, как недавно вышвырнули

Толика, или ударите по пальцам линейкой, как ударили Таню! Или снова назовете идиотом, дебиллом и придурком лагерным! Я ВАС НЕ БО-ЮСЬ!!!

Валендра вспыхнула и принялась хватать ртом воздух.

Семен Иванович внимательно посмотрел на Лапина, на Валендру, медленно обвел взглядом оцепеневший класс.

— Я так понимаю, назревает внеочередное родительское собрание. Если, конечно, Витя говорит правду.

— Он н-н-н-не врет, — с места подал реплику Сашка. — В-в-в-валерия Н-н-николаевна — о-она з-з-з-верь!

— Она ненавидит нас, обзывается. И еще говорит, что если мы пожалуемся родителям, то ничего не докажем, а она потом нам наставит колов, — подала голос Татьяна.

— Значит так, в следующую пятницу — собрание. Прощу предупредить всех родителей. Вы не против, Валерия Николаевна? — Директор поверх роговых очков посмотрел на классную.

Но Валендра застыла как соляной столб, уставившись на Лапина взглядом, полным яда и ненависти...

В этот момент Виктор почувствовал уже знакомую дурноту, перед глазами замелькали красные, желтые и зеленые пятна...

...— Пап, опять? — услышал он звонкий юношеский голос и открыл глаза. Он сидел за ноутбуком на веранде большого, красивого дома. По дорожке из гравия в его сторону шагали смеющаяся рыжеволосая женщина и двое молодых людей.

— Пап, у тебя же выходной! Оторвись ты хоть на время от своих пациентов. И почему ты не отвечаешь на звонки? Мне позвонил дядя Саша Курицын. Он получил Госпремию за свое очередное изобретение и сказал, чтобы ты немедленно ехал к нему на фуршет в офис. У него там директора концерна и японцы, но он сказал, что без тебя за стол не сядет, — объявил юноша постарше, подкидывая в руках какой-то квадратный предмет.

— Хочешь, скажу, что будет потом, — смеясь, подхватил первый, — все закончится тем, что ты опять уедешь на месяц за границу корректировать сердце очередному премьер-министру Масако Хиродаки.

— Милый, все в порядке? У тебя утомленный вид. — Рыжеволосая женщина подошла

к Виктору Петровичу и поцеловала его в висок.

«Неужели получилось? — волнуясь, подумал Лапин, — черт меня побери, значит, все-таки получилось!»

В его голове ускоренными кадрами пролетали фрагменты его жизни.

Окончание школы — аттестат с одними пятерками. Золотая медаль.

Два института — медицинский и инженерно-технический — оба с красными дипломами.

Свадьба с Леной, любимой и самой замечательной из женщин.

Рождение Юрки и Игоря, — крепких, умных мальчишек, теперь — талантливых, перспективных хирургов.

Создание кардиологического центра, которым он руководит уже два десятилетия.

Верные друзья — Тимонин, Огородников, Курицын...

Вовка создал прибор ранней диагностики рака, спас тысячи людей, Игорь Огородников — генерал-майор, летчик. Таня играет в театре на Таганке, много снимается.

...— Кстати, Жанна пригласила меня в школу, — услышал он и вынырнул из сво-

их мыслей. — Я обещала выступить перед ее бандитами. Только не представляю, о чем я буду с ними говорить. О том, что у меня вышла десятая книга фантастики? Сказку, что ли, для них написать?.. — Лена засмеялась и присела рядом с Виктором Петровичем, нежно просяив фиолетовыми, с легкой косинкой глазами. — И все-таки, с тобой все в порядке, милый?

— Все нормально, — сказал Виктор Петрович. — Кстати, Леночка, а ты помнишь нашу учительницу Валерию Николаевну Ковалеву?

— Валерию Николаевну? — наморщила лоб Лена. — Нет. Ты, наверное, что-то путаешь. Не было у нас в школе такой учительницы... Никогда не было!

— Надо же, — довольно хмыкнул Лапин. — Схожу-ка я завтра с тобой в школу. Давно за партой не сидел.

— Нет, нет, папа, — возмущенно перебил его Игорь. — Какая школа? Ведь мы завтра идем на состязания стронгменов. Там и дядя Толя будет, он собирается очередной рекорд установить... Да, посмотри, что я нашел в чемодане на чердаке. Неужели раньше их тоже делали? Никогда бы не подумал. Ему, должно быть, сто лет, не меньше!

Сын протянул Виктору Петровичу потре-
скавшийся, с поблекшими гранями кубик
Рубика.

— Представляешь, у него восемь желтых
и десять красных квадратиков! Раритет!

Любимая Игрушка

Он крался, сливаясь со своей тенью, то и дело настороженно прижимаясь к стене из теплого искусственного камня. Древний как мир инстинкт охотника гнал его вперед. Ноздри его широко раздувались, вбирая сотни запахов. Но сейчас для него существовал только один запах. Он мог бы часами рассказывать о нем — волнующем, остром, манящем.

Он знал запах Партнеров — так пахнут спокойствие и сознание собственного могущества.

Его ноздри ловили запах капризных избалованных Моделей — тонкий, нервный, пронзительный.

Иначе пахли Воспитатели, которые следили за детьми с самого их рождения, учили их ходить, бегать, играть. Воспитатели пахли молоком, детскими тапочками, каучуковыми мячами.

Интеллы пахли хорошими сигарами, изысканностью и шармом. И еще о многих подобных запахах мог бы рассказать крадущийся вдоль стены человек. Потому что он знал об их владельцах абсолютно все.

Вдоль гладкой стены из пузырьчатого камня крался последний на Земле Собачий Вор.

Триста лет назад Законом Гуманных было запрещено истреблять Собак или причинять им вред. В городах их осталось немного, но все четвероногие жители имели статус Священных Псов. Собачий Вор еще от своего деда слышал, что несколько столетий назад собаки были дикими, неразвитыми существами, большинство из них скиталось по помойкам и свалкам в поисках пищи. Теперь же они стали полноправными жителями планетарного мегаполиса. За эти несколько столетий псы поднялись на высокую ступень видовой иерархии, и причинение вреда кому-либо из них строго каралось Законом.

На планете существовали псовые касты. Высшая из них — Псы-Эзотеры. Этих странных тварей с тяжелым гипнотическим взглядом уважали, но старательно избегали все представители земной расы. Что именно стало толчком к взрыву паранормальных способ-

ностей этих собак — селекция, естественный отбор или какие-то внутренние силы развития собачьего разума — Собачий Вор не знал, но Эзотеров он тщательно обходил стороной.

Невероятные слухи ходили о представителях этой псовой касты. Рассказывали, что Эзотеры могли погрузить человека в гипнотический транс и заставить его пережить минуты высшего блаженства или адские муки — в зависимости от своего к нему отношения. Они заранее знали о событиях, которые могли произойти, и нередко спасали от неминуемой гибели хозяев, сосуществование с которыми считали, скорее, неизбежной необходимостью. Как правило, хозяева даже не подозревали о подлинной сущности своих питомцев. Интеллы, Сторожа, Целители — любой из них мог оказаться Эзотером. А еще Эзотеры могли бесследно и бескровно уничтожить человека. Дурного человека.

Так говорили... Слухам этим можно было верить или не верить, но Собачий Вор однажды по недомыслию попытался украсть месячного щенка-Эзотера — рыжего заморыша-полукровку... Вернее, не так. Он только на секунду представил, как приманивает щенка на запах ветчины с помощью электронно-

го излучателя запаха. Но пес уставился на охотника свинцовым взглядом, и тот чуть не скончался на месте от сильнейшей головной боли.

Придя в себя, Вор дал себе слово обходить Эзотеров стороной, хотя самой сладостной и недостижимой мечтой было — поймать уникального пса и, сделав из него чучело, поместить в своем музее.

У мужчины имелось в запасе несколько способов отлова собак. О, это было великое искусство, тонкости которого передавались из уст в уста на протяжении нескольких поколений Собачьих Воров! От самых примитивных — на живца, когда роль подсадной утки выполняла синтетическая сука Алта, до утонченных и изысканных, которыми охотник гордился, как гордятся ученые своими открытиями. Голограмма-парализатор, ультразвуковая сеть, серпантинная ловушка — все эти приспособления были успешно опробованы еще его отцом.

Вор на секунду прикрыл глаза от сладостного предвкушения добычи. Мысленно он уже представлял свою новую жертву. Маленький глупый Пекинес — из касты Любимых Игрушек, тупомордый, доверчивый.

Любимым Игрушкам не нужно быть умными, люди не напрягали их знаниями, не изводили подготовкой в собачьей школе. Игрушки развивались сами по себе, изредка получая толику знаний от Псов-Воспитателей, которые снисходительно относились к забавным, игривым, но глуповатым псинкам.

В пантеоне Вора уже стояло чучело Любимой Игрушки, но эта — другая — могла бы занять почетное юбилейное место. Игрушка должна была стать тысячным экспонатом.

Под ногами скрипнуло искусственное травяное покрытие, мужчина мысленно чертыхнулся и прислушался. Постояв минуту у стены, он присел возле ливневого люка, выполненного в виде клумбы, и быстрым движением сдвинул его в сторону. Оглядевшись по сторонам, Вор стремительно скользнул вниз и вернул крышку в прежнее положение.

Лавина запахов буквально обрушилась на охотника. Он вынул из кармана плазменные фильтры и вставил их в ноздри. Теперь нужно было пройти несколько метров в темноте, затем подняться по вертикальной лестнице и осторожно отодвинуть крышку очередного ливневого люка.

Дальше — ожидание жертвы. Пойманный пес доставлялся к автолету, который перемещал охотника и его жертву в дом. Там Вор мог заняться таинством преобразования недолговечного суетливого существа в бессмертное произведение таксидермического искусства.

Охотник ловко выскользнул из люка, вернулся на место крышку — здесь она была декорирована под гранитную округлую глыбу — и двинулся к густому кустарнику. Он похвалил себя за то, что догадался надеть пластинейлитовый маскировочный комбинезон болотного цвета. Теперь оставалось только ждать.

Проходили минуты, тянулись часы. Вор привык к ожиданию. Иногда ему приходилось лежать на камнях и в лужах по несколько суток. Но результат того стоил. И сейчас он внимательно прислушивался к звукам неспешной жизни в доме. Вот в детской пробили часы, и Пес-Воспитатель монотонно забормотал что-то, уговаривая своего подопечного лечь в постель. Вот мягко прошелетели тапочки главы семейства. В невидимой электромойке монотонно позвякивала посуда, где-то гудел биопоглотитель мусора.

Еще несколько часов прошло в напряжении, и вот, наконец, в нижней части входной

двери беззвучно открылась ниша. Через мгновение серый комок вылетел наружу. Любимая Игрушка выглядела именно так, как и представлял охотник. Пушистый палевый хвост, лохматой астрой разложенный на темно-серой спине, забавная мордочка нашкодившей обезьянки, пышный розовый бант на шее...

Пес совершенно не чувствовал грозящей ему опасности. Сердце же охотника неожиданно екнуло. Какая-то невнятная, но знакомая тревога холодком запульсировала в области желудка и опустилась к низу живота. Разум подсказывал Вору, что оснований для беспокойства нет. Люди в это время в своих дворах уже не показываются. Поэтому опасности быть застигнутым на месте преступления у Вора не было. Но интуиция шептала другое...

«Старею», — подумал охотник и приготовился к приманиванию глупой Игрушки. Пес энергично носился по двору, то и дело подбегая к Специальному Столбику, чтобы отправить свои собачьи надобности. Вот он щелкнул зубами, пытаясь поймать муху, но промахнулся и сердито тявкнул на врага. Затем, сосредоточенно почесав задней лапой живот, принялся гоняться за собственным пушистым хвостом.

Если бы площадка возле дома не была застлана специальным покрытием, имитирующим песочную дорожку, пес был бы уже похож на пыльную шерстяную метелку.

— Пылесборник, — снисходительно усмехнулся Вор и беззвучно вытащил из рюкзака одну из самых примитивных приманок — серпантинную ловушку. Принцип устройства был прост до умиления. Ловушка имела вид небольшой спирали, которая издавала характерные звуки и запахи: хруст и благоухание сахарной косточки, мяуканье и запах шерсти кота, тьяканье собаки, и даже самые искусственные псы, влекомые любопытством, неизменно пытались выяснить природу звука и запаха. Когда заинтересованное животное подходило к ловушке поближе и просовывало голову в основание спирали, срабатывал фотоэлемент, и собака моментально втягивалась внутрь. Основания спирали смыкались, и заложник любопытства становился пленником ловушки.

Охотник с закрытыми глазами мог безошибочно определить, какую картину видит тот или иной пес. Мышь, кот, миска с кормом, птица — каждое изображение проецировало свой характерный запах. И эти запахи Вор знал все без исключения.

Любимая Игрушка заметила спираль и озадаченно остановилась перед манящим отверстием. Вор вынул фильтры из ноздрей и принюхался. Запах ловушки на этот раз был знакомым, очень знакомым, но впервые охотник не смог определить его природу. Он мысленно — словно по клавишам гигантского рояля — пробежался по всем запахам, но не смог вспомнить, где он встречал этот привычный дух.

«Точно, старею, — снова усмехнулся он. — Вот уже и память подводит. Надо заканчивать. Сегодня отловлю последнего пса и все, баста. Круглое красивое число, последний трофей для пантеона — это достойный финал карьеры».

Вор терпеливо ждал, когда Игрушка подберется вплотную к спирали. Мужчина выскользнул из укрытия и нагнулся над ловушкой. Весь процесс был просчитан до секунды, за несколько десятилетий система не разу не дала сбоя. Но на этот раз все пошло не так, как обычно...

Любимая Игрушка не спеша убрала голову из основания спирали и пристально посмотрела на мужчину. Страшная тяжесть заполнила все клеточки, все нервные окончания, все

кровеносные сосуды охотника. Он почувствовал, как раскаленный свинец разливается по телу, дикая животная боль разрывает виски, глаза вылезают из орбит. Окружающий мир словно распадался на куски, которые пылали и тлели огненным, беспощадным маревом. Из этого марева появилось несколько гигантских псов с оскаленными пастьями. Они рванулись к охотнику и принялись терзать его тело. Рот Вора заполнился шерстью, которая плавилась, забивала горло, легкие, бронхи. Один из псов — гигантский ротвейлер — вцепился в ногу охотника и, утробно рыча, рвал мышцы, дробил мощными клыками кости. Две овчарки прогрызли живот и тянули из него связки кишок, мотая окровавленными мордами. Тощая болонка, вцепилась в лицо мужчины, остальные раздирали мышцы шеи, спины, рук. Словно со стороны, наблюдал охотник, как все прибывающие и прибывающие полчища псов раздирали его тело на мельчайшие кусочки и растаскивали по уже не желтому, а багровому от крови песчаному покрытию. Угасающее сознание мужчины поймало последнюю, мимолетную мысль, он, наконец, понял какой запах шел из спирали — привычный запах тела самого охотника. Спустя

несколько секунд Вор перестал существовать. Маленький пушистый комок минуту посидел перед распластавшимся на стерильно-чистом искусственном песке телом человека. Со стороны казалось, охотник просто прилег отдохнуть и заснул в неудобной позе. Подойдя к лицу лежащего, Эзотер оскалился. Лицо Вора было искажено нечеловеческой гримасой панического ужаса, мертвые глаза смотрели в небо, рот был распахнут в беззвучном крике.

Пес деловито подцепил когтями из рюкзака вора миниатюрный анигилятор и, перехватив его зубами, положил на тело человека. Анигилятор деликатно зажужжал.

Когда от мужчины не осталось даже воспоминания, Эзотер проделал то же самое с рюкзаком Вора, а затем установил прибор на режим самоликвидации. Через минуту все было кончено. Забавная, пушистая Любимая Игрушка невозмутимо отряхнулась и порысила к Собачьей двери. В доме ее ждала розовая пластиковая миска с косточкой и ежевечернее сюсюканье и тисканье примитивных, глупых, но бесконечно добрых людей.

Молодильные яблоки

Герман пребывал в состоянии бешенства и отчаяния одновременно. В одночасье следовал контракт на пять миллионов. Любимую жену, красавицу Леночку, вернувшийся из командировки Герман банальным образом застукал в супружеской спальне с дизайнером по интерьеру Родионом. Они целовались!

Это вообще было полной бредятиной: манерный и жеманный хлыщ оставлял стойкое впечатление абсолютной голубизны! Говорил врасстяжку, по-московски акая, то и дело вставляя излюбленные словечки «небесного меньшинства»: «противный», «дорогуша», «гадкий», «милый»...

Сережка... друг детства рыжий Сережка, с которым в садике восседали на соседних горшках, а в школе горой стояли друг за друга... Сережка, который из солидарности бросил политех, когда у Германа вышла идеологическая размолвка с ректором и его вы-

турили с четвертого курса... Этот самый Сережка подложил другу гигантскую свинью: пока тот был в командировке, переманил к себе в фирму гениального сисадмина, компьютерного бога, которым Герман гордился, как гордятся эксклюзивным ювелирным украшением или последней моделью «майбаха». И в завершение всех неприятностей — пропал сотовый телефон. Сама труба — пустое, ерунда. Но вот симка... В ней была его жизнь. Работа. Связи.

Герман включил поворотник и раздраженно просигналил, — по полустертой зебре перехода неспешно чапала старуха с эмалированным ведром, прикрытым цветной ситцевой тряпкой. Старуха вздрогнула и заковыляла энергичнее.

— Ну, шевели кульками, старая, — буркнул Герман и просигналил еще раз.

Старушка, уже ступившая на тротуар, обернулась и внимательно посмотрела на Германа. Глаза их встретились.

Герман на секунду замешкался и чуть не врезался в маршрутное такси.

— Тьфу, пропасть, — выругался он и, затормозив, приткнул машину за переходом. Руки заметно дрожали.

Герман вышел из машины и нервно закурил. «Так и в ДТП попасть недолго, — подумал он. — Надо успокоиться».

Он подошел к киоску, купил бутылку минеральной, скovyрнул пластиковую крышку и сделал глоток. Солнце пряталось где-то в кучерявом перманенте сизых облаков, в грязных лужах невнятно мелькали отражения погруженных в свои проблемы прохожих.

«Отдохнуть бы, — подумал Герман. — Бросить все и свалить в Гоа, в Швейцарию, в Турцию... А смысл? Ехать в Турцию, чтобы весь день в номере с ноутбуком проторчать, а потом сломя голову нестись в аэропорт, потому что начальник отдела продаж, видите ли, не знает, что делать с договором по поставке некондиционного металла из Таганрога, а пермяков с их золотым перспективным проектом необдуманно послал к чертям собачьим».

Герман затоптал сигарету. Поправил зачем-то дворники. Постучал носком ботинка по колесу. Сел в кабину. Посидел, снова вышел...

«Паранойя», — подумал он и направился к старухе, которая со своим ведром расположилась на фанерном ящике неподалеку от

арки. В ведре лежали зеленобокие, мелкие — не больше грецкого ореха — яблочки.

«Забавно, — подумал Герман, подходя к старухе. — Первые яблоки должны пойти по крайней мере месяца через полтора... Не сезон...»

— Берите, берите, — улыбнулась старуха. Морщинки на ее лице лукаво заиграли и улеглись каждая на свое место. — Не смотрите, что зеленые. Они вкусные. Только с дерева.

— Так май месяц на дворе, — буркнул Герман. — Они у вас что, оранжерейные? Или дерево в кадке в домашних условиях вырастили?

— Может, и вырастили, — уклончиво ответила старуха.

— И почему эти дички?

— А сколько дашь, мил человек, столько и стоят. У них цены нет.

— Ерунда, — сказал Герман, — у любой вещи есть своя цена. Сколько за килограмм? Сто? Триста? Пятьсот?

— Старушка покачала головой и внимательно посмотрела в глаза мужчине.

Герман почувствовал неопределенное томление, тоску, желание куда-то немедленно бежать, что-то искать, и даже почему-то плакать навзрыд, как в детстве...

Он нахмурился и, пряча глаза, достал тысячную банкноту.

— Сдачи не надо...

Старуха пошуршала полиэтиленовым пакетом и, наклонив ведро, пересыпала в него яблоки.

— Э-э-э, мне столько не нужно, — замотал головой Герман.

— Не нужно, так вон с ими и поделишься. — Старуха мотнула головой в сторону арки за спиной Германа.

Герман обернулся. Арка вела в грязный двор-колодец. Пространство под аркой и сам двор были выложены ровными серыми булыжниками.

«И что я там забыл? — хотел было спросить Герман, но, повернувшись, не увидел ни старушки, ни ее ведра. — Фу ты, чертовщина», — нервно подумал он, доставая очередную сигарету. Зажигалка капризничала, нежный огонек не выдерживал схватки с пронизывающим ветром и, едва появившись, умирал.

— Черт, — выругался Герман, зашел под арку и щелкнул зажигалкой. Огонек застыл, как вплавленный в стекло. Герман прикурил и бросил взгляд в глубь двора. Небольшая площадка десять на десять, мусорный бак, два

подъезда. Один — со старинной и, кажется, давно и наглухо забитой монолитной дверью. Другой — посовременнее, с дверью — сплошь исписанной местными асами граффити...

Пакет с яблоками оттягивал руку. Герман достал из пакета кривоватое яблочко. Надкусил. Неказистое яблоко оказалось таким вкусным, что Герман ахнул и на мгновение зажмурился. Стало радостно, щекотно, словно теплый, радужный поток солнечных зайчиков закружился вокруг него. Когда он открыл глаза, то не увидел ни грязного двора, ни обшарпанной двери. Вокруг розово пенился цветущий яблоневоый сад, а сам Герман стоял рядом с высоким деревянным крыльцом. Чуть левее солнечно-желтой двери красовалась вывеска: «Детский сад “Ромашка”». На крыльчке стояла знакомая с детства воспитательница Антонина Ивановна и ласково улыбалась.

— Герик, ну куда же ты опять убежал? — укоризненно покачала она головой. Затем шагнула вниз и, взяв Германа за руку, повела его вверх по высоким ступенькам. Все вещи вокруг почему-то увеличились в размерах. Дверные ручки оказались на уровне глаз, а самой Антонине Ивановне он едва доставал до локтя.

Они вошли в дом, миновали раздевалку с узкими шкафчиками-пеналами. Герман узнал свой — с изображением мухомора. Мухомор был красивый — с красной в белый горох шляпкой и кудрявой розовой манишкой.

Герман шел по длинному коридору и изумленно вертел головой. Вот спальня — его кровать у окна. На подушке лежит белый заяц, набитый опилками. Вместо глаз у него — бельевые пуговицы, вместо носа — розовая бусина, а хвоста нет вовсе.

А вот кухня — туда детей не пускают, там царит толстая румяная повариха тетя Маша, которая умеет готовить потрясающий клубничный мусс. А это — игровая. В комнате находилось десятка полтора ребятишек. Вон — в синей рубашке — его лучший друг Сережка — рыжий, с оттопыренными розовыми ушами. Сквозь каждое в ясный день, если очень захотеть, можно увидеть солнце. А вон там, у шкафа — Леночка. В пышном коротком сарафане, с куклой в одной руке и плюшевым медведем в другой. «Ей всегда было мало чего-то одного, — подумал Герман». А это Филя — Филипп, он недавно приходил устраиваться к Герману на работу. Герман ему отказал. Фирме требовались энер-

гичные и креативные молодые сотрудники. А Филипп... с ним нужно было нянчиться. Вводить в курс дела. Терять время, деньги... А вон к стеклу аквариума прижал сплюснутый нос Димка. Своим первым миллионом Герман обязан именно ему. Только поступил он с Димкой очень непорядочно. Увел у него клиентскую базу. Но бизнес есть бизнес. Тут друзей не бывает.

Постепенно мысли становились мягкими и прозрачными, воспоминания ускользали, куда-то улетучивались проблемы.

— А давайте играть в пятнашки, — предложил Сережка и первый крикнул: — Чур не я.

— Чур не я, чур не я, — закричали вокруг.

— Чур не я! — крикнул и Герман, но опоздал. Оказался последним.

— Герка водит, — засмеялась Леночка и, взвизгнув, бросилась наутек. Ребята прыснули в разные стороны. Гера бросился было за Сережкой, но тот, ловко уворачиваясь, носился между столиками. Гера догнал Леночку и дернул ее за косичку. Леночка ойкнула, а через секунду заплакала от боли и обиды. Гера растерянно смотрел на нее и сам чуть не плакал.

— Уйди, дурак, — услышал он и отошел в сторону.

— Рева-корова! — принялся дразнить девочку толстый конопатый Петька.

— Как сейчас дам! — бросился на него с кулаками Гера.

— Ну, дай, дай. — Петька показал язык. — Только попробуй. Тебя мой брат побьет. Он уже в третьем классе.

— А мы тогда из твоего брата котлету сделаем, — запальчиво воскликнул Сережка, бросаясь Гере на выручку. — Пусть только попробует. Правда, Герик? — Сережка обнял Геру за плечи. — Мы друг друга в обиду не даем. У нас дружба до гроба, понял? А ты не реви, — кивнул он Ленке. — Он же нечаянно. Он больше не будет. Мы тебя всегда защищать будем, правда же?

— Правда, — серьезно кивнул Гера.

На обед они ели вкусный гороховый суп и круглые мясные ежики с пюре, пили вкусный компот из чернослива. Потом был тихий час.

— Ты кем будешь, когда вырастешь?

Кровати Геры и Сережки стояли рядом. Они соорудили из одеял пещеры-раковины и тихонько перешептывались.

— Я — космонавтом. А ты?

— Я тоже космонавтом. А когда тебя украдут космические пираты, я тебя спасу. Сам погибну, а тебя спасу, — сказал Сережка.

— А я тебя.

— Здорово.

После сончаса в живом уголке они кормили глупого пышного хомяка Хому, щекотали перышком нос сибирскому коту Ваське, у которого были косые, как у зайца, глаза. Васька чихал, отворачивался, но не убегал.

— А знаешь, что такое аквариум? — хитро спросил Сережка.

— Что?

— Это телик для котов, — фыркнул Сережка, указывая на Ваську, который не отводил желтых раскосых глаз от золотых рыбок.

— А у меня есть витаминки, — сказал, подходя к ним, Филя, и протягивая на ладошке несколько маленьких желтых шариков. Хотите?

— Давай.

Потом они носились по летнему саду с высокими и толстыми, как баобабы, яблонями. Сережка поймал шмеля, который басовито жужжал в коробке, наверное, ругался пошмелиному. Тут Герман вспомнил, что мама дала ему с собой пакет яблок, и бросился

в спальню. Он угостил всех маленькими яблочками. И Ленку, и Сережку, и Димку, и Филю, и даже забияку Петьку.

Мы ведь никогда не будем ссориться, да? — Леночка посмотрела на Геру карими с золотинками глазами. — Да же?

— Конечно, мы будем друзьями навсегда. Давайте поклянемся!

Гера, Сережка, Леночка, Филя и Димка положили свои руки одна на другую.

— На всю жизнь?

— На всю жизнь.

— Гера, тебе пора.

К ребятам подошла Антонина Ивановна. — Идем, малыш.

— Пока.

— Пока.

— Пока.

Воспитательница подвела Германа к калитке.

— Иди, тебя там ждут. Будь послушным мальчиком. Не обижай друзей. Никогда. Хорошо?

— Ага...

...Герман вздрогнул и огляделся. Он стоял у незнакомого крыльца, сжимая пустой целлофановый пакет. Накрапывал дождь. Тяже-

лое небо, словно свинцовая крышка, закрыло проем «колодца». Возле обшарпанной двери подъезда сидел сибирский кот с раскосыми, как у зайца, глазами и вопросительно смотрел на мужчину.

— Кыс-кыс, — пробормотал Герман, шагнул на крыльцо и, взявшись за монолитную ручку, попытался открыть дверь. Та не поддалась. Приглядевшись, Герман увидел, что дверь забита гигантскими строительными дюбелями.

Кот укоризненно дернул кончиком хвоста и юркнул в подвальное окно.

Герман зашагал прочь. Выходя из арки, он не выдержал и оглянулся. И вновь увидел деревянное крылечко с козырьком, желтую дверь, вывеску. На секунду ему показалось, что в окне мелькнула рыжая шевелюра и ярко-синяя рубашка...

Откуда-то глухо донесся телефонный зуммер.

Герман похлопал себя по карманам джинсов, затем радостно чертыхнулся. Телефон надрывался в заднем кармане.

— Горыныч, привет. — Знакомый баритон весело ворвался в уличный шум. — Ты на меня не в обиде за Славку? Понимаешь, какой-то

гнус взломал базу данных, и я попросил твоего компьютерного гения поработать на меня, пока ты в командировке. Звонил тебе, но ты был вне зоны... Он пробил бандюг. Поставил защиту. За сим — возвращаю его тебе в целости и сохранности. Кстати, меня тут пригласили в Кимры. На две недели. Таежный домик, озеро. Охота, рыбалка, банька. Ты как? И жен возьмем. Меня Любаня уже запилила: три года без отпуска. Да, мне тут Димыч звонил. У него юбилей. Заодно и отметим.

— Сережка! Скотина ты рыжая! — радостно пробормотал Герман. — Еще спрашиваешь! Конечно поеду. За мной — мясо для шашлыков.

— Заметано. За мной — коньяк.

Глупо улыбаясь, Герман зашагал в сторону автомобиля. Не успел он включить зажигание, как телефон ожил снова.

— Гера, это я. Пожалуйста, не бросай трубку... Я понимаю, что ты не хочешь меня видеть. Но, знаешь, ты все время в отъезде... Я одна, мне без тебя плохо. А это... это было какое-то наваждение... Знаю, что не простишь. Такое не прощают... Ты можешь подать на развод. Но я хочу, чтобы ты знал. Я тебя люблю. Очень...

— Ленка, а давай махнем с тобой в Кимры! Как раньше. Сережка с Любой, Димка, я и ты. Хочешь?

— Гера...

— Я ближе к вечеру приеду. И мы все решим. Хорошо?

В трубке всхлинули. Герман нажал на клавишу отбоя и набрал номер, случайно сохранившийся в опции принятых вызовов.

— Филя, ты? Привет. Ты подскочи ко мне до шести. Есть местечко начальника отдела продаж, — у тебя ведь в школе по математике пятерка была? Ну, давай. Только сегодня. А то я завтра в отпуск уезжаю. Нет, не на Кипр. В Кимры. Есть такое местечко в Сибири.

Герман бросил трубку на сиденье и повернул ключ зажигания. Отъехал от тротуара, притормозил на перекрестке.

По пешеходной «зебре» энергично семенила старушка с ведром, прикрытым яркой ситцевой тряпкой. Герману показалось, что она ему лукаво подмигнула. Через секунду старушка скрылась в толпе. Сзади сигналили. Герман довольно хмыкнул, включил радиоприемник и покатыл по проспекту.

Персональные черты бизнесмена Воротилова

— Доктор, ради бога, помогите, только на вас надежда!

В кабинет известного в городе психиатра, профессора медицинских наук Сергея Николаевича Абросимова ворвался мужчина лет тридцати, с трехдневной щетиной на щеках и блуждающим взглядом.

— Успокойтесь, молодой человек, присядьте и расскажите, что вас так взволновало.

— Я Ваня... Иван Воротилов я... Бизнесмен. У меня несколько магазинов нижнего белья. Понимаете, доктор, мне мерещатся зеленые черти. Вот такого размера. — Воротилов потянулся за металлической фигуркой Дон Кихота, украшающей стол, но психиатр проворно перехватил бюст легендарного испанца и убрал в выдвижной ящик стола.

— Так-так, — с интересом потирая ладони, протянул он. — И что, какие они на вид, эти ваши... э-э-э черти?

— Ну, обычные черти, рога, хвосты, копыта! Вы только не подумайте, я ведь пью нечасто и немного... ну, там с друзьями по пивку иногда. А тут... Это что у меня — белая горячка или шизофрения?

— Все может быть, все может... Скажите, любезный, а в вашем в роду ни у кого не было заболеваний подобного рода?

— Вы хотите знать, не было ли у меня в роду психов? — нахмурился Воротиллов. — У нас, знаете ли, в роду все больше кузнецы были, купцы еще... А психов точно не было!

— Тогда, может быть, они страдали какими-нибудь специфическими заболеваниями. Были ли у кого-нибудь из них, к примеру, люэс?

— Чего?

— Сифилис. А, может, у вас такая неприятность наблюдалась?

— Ну, вы даете, — обиделся Воротиллов. — Я хоть и разведенный человек, но по борделям не шляюсь и проституток на улице не снимаю. Да и предки этим точно не грешили!

— Ну, не обижайтесь, дружочек, мне ведь нужен анамнез. Скажите, а к наркотикам вы

никакого отношения не имеете? Может, таблетки пьете, травку покуриваете...

— Нет. Траву не курю, не колюсь, клей не нюхаю.

— А черти, значит, мерещатся?

— Черти мерещатся.

— Любопытно, любопытно. И скажите-ка мне, как они себя ведут? Не шалят?

— Наоборот! Не поверите. — Воротилов приблизил свою встревоженную физиономию к лицу доктора и, с опаской оглядевшись по сторонам, прошептал: — Они у меня все починили. Знаете, перед уходом моя супруга всю технику в квартире разгромила. Что-то уже потом перегорело и сломалось. А мне некогда ждать мастеров. Я же кручусь как белка...

— Замечательно, — обрадовался профессор. — Прелестно! Совершенно новый случай в моей практике! Но вы, дружок, продолжайте, продолжайте. Это очень интересно!

— В первый раз они появились в среду. В двенадцать ночи. Как раз наши играли с немцами. Я вышел на кухню чайник поставить, стал искать зажигалку. У меня розжиг не работал. И вот только я зажигалкой щелкнул, как он тут как тут...

— Зеленый черт?

— Ну. Сел задом на конфорку, махнул хвостом. Что-то щелкнуло, и вспыхнул огонь. А он посередине конфорки в центре пламени сидит и ухмыляется. Ну, я напугался, для храбрости коньяка глотнул — у меня на всякий случай в серванте стоит бутылочка — и в комнату. А там... на телевизоре...

— Черт?

— Три штуки. Сидят, свесив хвосты, ими по экрану шлепают и о чем-то болтают.

— На русском языке?

— Нет, конечно. На своем: «Гры-гры-гры...» Я так и сел мимо дивана. А тут экран телевизора как всегда темнеть начал — там внутри какой-то контакт отходит, так я каждые полчаса телик по боковой панели кулаком шаражаю. А они — черти, то есть, — задницами по крышке поелозили, полопотали — телик мой показывать стал — лучше не надо. А черти исчезли. Я еще коньяка глотнул — ну, понимаете, такие кошмарики не каждый день мерещатся. Сижу, размышляю, за каким чертом они ко мне явились. Ну, думаю, если попросят душу продать — не продам. Накось выкусь. — Воротилов продемонстрировал доктору волосатую фигу.

— Ну а дальше-то что?

— А дальше они починили вентилятор, стиральную машину, холодильник, кран тоже течь перестал, перегоревшая лампочка в коридоре загорелась, все часы в доме пошли... в общем, ужас, ужас... — Воротилов сжал руками виски и принялся обреченно раскачиваться из стороны в сторону.

— Ага. — Возбужденный врач нарисовал на листе бумаги невнятную загогулину, затем покусал кончик авторучки, вскочил, походил по комнате и снова уселся на свое место.

— Оч-чень интересный случай, просто удивительный. — Конечно, с одной стороны, это *Delirium tremens* — белая горячка, но с другой — достоверная реальность: горящие лампочки и работающие электроприборы... Ну, что я вам могу посоветовать, голубчик... Давайте-ка вы у нас в клинике полежите, отдохнете, мы вам проведем специальную терапию. Электросон, укольчики. Выйдете — будете как огурчик...

— Доктор, вы определенно думаете, что я сумасшедший?

— Все мы, батенька, в той или иной степени ГМ-М-М... того-с.

— А черти потом ко мне не вернуться? Вы гарантируете?

— Ну конечно! У меня недавно от этого же самого лечился один мой приятель, профессор... Имя не назову, оно слишком известно в широких кругах. Только ему не черти, а Карл Маркс с Розой Люксембург мерещились. В ящиках стола от него прятались, любовью занимались. Он у нас полгода полежал, потом все в норму пришло, снова в университете лекции по социологии читает. Так значит договорились? Завтра зайдите в банк, перечислите на счет нашей клиники сто тысяч, квитанцию отдайте администратору — и заселяйтесь. Клиника у нас — лучшая в области.

— Хорошо. Только знаете... я тоже человек в определенных кругах известный. Знаете, клиенты, конкуренты...

— Ну что вы! Даже не думайте! Конфиденциальность — наш главный принцип.

Воротилов огляделся по сторонам и на цыпочках вышел из кабинета. Доктор хмыкнул, достал из шкафа заветную мензурку со спиртом и сделал глоток. Выпив, крикнул и, прихватив со стола медицинскую газету, уселся в массажное кресло. Оно давно не работало

и использовалось как дополнительное место для сидения.

Вдруг что-то щелкнуло, затем монотонно загудело. Кресло завибрировало. Профессор оглянулся и от удивления уронил очки. На спинке кресла в позе лотоса сидел зеленый черт и индифферентно дергал профессорским пинцетом волоски из своего грушевидного носа.

— Чур меня, — охнул профессор, вскакивая и замахаясь на черта газетой, но черт на жест Сергея Николаевича никак не отреагировал.

Психиатр икнул и трижды осенил зеленого гостя крестным знаменем. Никакой реакции.

— Кыш, — фальцетом крикнул Анисимов, снял ботинок и запустил его в зеленого наглеца. — Брысь! Изыди, нечистый!

Ботинок просвистел у черта между рогами и плюхнулся в середину стола, по пути задев и обрушив на пол кучу папок с историями болезней.

Черт невозмутимо вынул пинцет из носа, внимательно его осмотрел, но с места не двинулся.

— Ах так? — рывкнул доктор, кидаясь в сторону незваного гостя... — Ну, все!

Заглянувшая в кабинет секретарша, и по совместительству — любовница профессора, Ирина Романовна, застала руководителя клиники неврозов сидящим на полу. Член медицинского совета, доктор наук в расстегнутой рубашке со сбитым набок галстуком сидел возле массажного кресла и колотил по нему снятым с ноги ботинком. Второй ботинок валялся в центре стола. По всему кабинету летали листы бумаги.

— Сергей Николаевич! — ахнула перепуганная женщина. — Что с вами?! Может, позвать кого-нибудь? Или водички?

— Вам что? Почему без стука? Вон!!! — рывкнул профессор.

— Я только хотела спросить, на кого счет выписывать, — обморочно пролепетала Ирина Романовна. — Систему реанимации, ну, ту, которую из Лондона доставили и никак наладить не могли, кто-то сегодня запустил, а кто — не знаем. Она работает, а мы ищем наладчиков...

— Систему? Наладили?

Абросимов как ни в чем не бывало встал, отряхнул брюки и поправил галстук. Затем босиком подошел к столу и, радостно потирая руки, сказал:

— Ирочка, дайте-ка во все городские газеты следующее объявление: «Моментальный ремонт бытовой и производственной аппаратуры. Быстро и недорого. Адрес. Телефон». И срочно освободите склад от матрасов и кроватей. Перенесите их... ну, к примеру, в подвал. Да, еще — позвоните моей жене, пусть приготовит всю неработающую технику. Я пришлю машину. Вы все поняли?

— Да... Я все поняла. Объявление.... склад.

— Вот и молодец! Вот и умница! Кстати, там у нас с вами занимательный больной намечается. Вы подготовьте к завтрашнему дню коммерческую палату, ту, в которой тенор из драмы лежал. И приглядите, чтобы наш постоялец был всем доволен.

— А чей адрес и телефон давать? Ну, на объявлениях...

— А я не сказал? Наш, наш адрес и телефон, — хихикнул профессор, а когда Ирочка скрылась за дверью, удовлетворенно потер ладони и пробормотал: — А с зелеными чертами я договорюсь.

Пиво «Золотая рыбка»

С самого утра нестерпимо хотелось пива! Несколько раз Валентин порывался смыться из цеха в ближайший ларек, но суровый взгляд бригадира останавливал на полпути надежнее всякого шлагбаума. Наконец смена закончилась, и Валентин, наспех ополоснувшись и переодевшись в свое, опрометью кинулся на улицу.

У ларька, негромко переговариваясь и муся с сигаретки, уже толпились страждущие. В городе стоял знойный июль, тела и глотки настойчиво требовали влаги. Нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, как застоявшийся жеребец, Валентин поглядывал на витрину, уставленную вождеденными банками. В голове крутилась картинка из рекламного ролика. Солнечно-золотая струя заполняет запотевший стакан, пушистая пена белым облачком пульсирует над краями... И хотя Валентин знал, что рекламщики при съемках

вместо пива используют окрашенную охрой и густо сдобренную пенообразующим порошком жидкость, а капельки выполнены из глицерина, мысленная картинка манила и дразнила. Валентин то и дело судорожно сглатывал, дергая кадыком. Наконец он протиснулся к заветному окошку.

— Мне «Балтику», девятку, темное. Две банки.

— А «Балтики» нет. — Знакомая продавщица сочувственно улыбнулась Валентину.

— Ну тогда «Мастер».

— И «Мастер» разобрали. А возьмите «Золотую рыбку» — экспериментальное. Всего пять банок завезли. Я хотела своему взять, но он, паразит, опять назюсюкался, так что хрен ему, а не пива. А вы у меня — постоянный клиент!

— И что это за «рыбка» такая? — недовольно спросил Валентин. — Небось помои с сиропом. Меня как-то Васька из столярки угостил — фруктовое, говорит, попробуй. Я глотнул — такая мерзость. Тьфу!

— Ну, не знаю, что это за пиво, а только крепость у него — девять оборотов. У фруктового такой не бывает.

— Ну, давайте пару банок. — Валентин расплатился, запоздало пожалев, что не взял

«Тройку», и направился в ближайший сквер на любимую скамейку. Место тут было тихое, отгороженное кустами. Из тенистого закутка был виден почти весь сквер с асфальтовой дорожкой, клумбой и памятником Лермонтову.

Валентин развалился на прохладных зеленых жердочках, чпокнул жестяной крышкой и осторожно отхлебнул из банки. Пиво оказалось холодным и очень приятным на вкус.

«Ух, ты, — подумал Валентин, — научились-таки наши делать стоящее пиво. Похоже на то, что Славка из Германии привозил, пряное, ароматное. С едва заметной горчинкой».

Когда в банке осталось совсем чуть-чуть, возле скамейки появился местный бомж Миша. Несмотря на жару, Миша был одет в теплую замызганную куртку, вязаную шапочку неопределенного цвета и жутковатого вида опорки — не то ботинки, не то калоши, перемотанные веревочками. Валентин познакомился с ним месяц назад — перекинулся словом, завязалась беседа... Миша бомжевал уже несколько лет, ночевал в теплоцентрали, ел что придется, собирал бутылки. Милостыню не просил из принципа, не воровал из нравственных соображений. У Миши не было правого глаза и половины зубов. Бомж

подошел к лавке и, вытянув шею, заглянул в урну. Затем деликатно пристроился с краю, усиленно делая вид, что присел он здесь совершенно случайно и ему никакого дела нет до Валентина и его банки.

— На, освежись. — Валентин добродушно протянул банку с остатками пива Мише. Душа распухла от блаженства, хотелось творить добро. Миша поблагодарил Валентина не лишенным достоинства кивком, принял банку и, культурно оттопырив мизинец, поднес ее ко рту. Затем он зажмурился, крикнул и жадно заглотил остатки пива. Банку положил на землю, шваркнул по ней ногой, затем бросил сплюснутую жестянку в пакет, в котором что-то позвякивало.

Валентин сочно чпокнул второй крышкой. Миша напрягся и принялся усиленно разглядывать столб фонаря, окрашенный серебрянкой. Валентин не торопясь допил пиво, оставив граммилку Мише, и, потянувшись, зажмурился.

— Ну, как она, жизнь? — Валентина потянуло на светскую беседу.

— Да так. Ничего. Только в животе что-то скребет. Это, наверное, оттого, что вчера с Коляном какой-то химии хряпнули в сквере. Его

еле откачали, а у меня вот кишки болят. А так что — живем.

— А у меня жена заначку нашла, — пожаловался Валентин. — Я, блин, в валенок бабки спрятал, хотел в августе удочку прикупить, а она пронюхала, вытащила. Говорит, не на что даже колбасы купить. Ну как не на что, когда я ей всю получку отдаю?.. Почти всю.

— Да с бабами всегда так. Они, стервы, последнее готовы оттяпать. Я вот женат не был и не собираюсь, — похвалился Миша. — Вот разбогатею когда-нибудь, махну в Европу, мир поглядеть.

— Мир? — переспросил Валентин. — Мир — это хорошо.

— Не веришь? Что разбогатею?

— Да что не верю? Верю.

— Вот и верь. Руки у меня целы. Я ж слесарем хорошим был. Только не повезло вот. Мне бы такую золотую рыбку живьем. — Он уставился на банку. — Я бы м-м-м-м.

Миша поставил жестянку возле скамейки и, сплющив, как и первую, бросил в пакет.

— Ну, бывай. А за пиво спасибо.

Он поднялся и покултыхал в кусты.

— Ага. Давай, — кивнул ему вслед Валентин. По телу растекалась истома.

«Ах, хорошо, — подумал он. — Вот еще бы пару “девяточек” забубенить, и счастьем было бы конца».

Он с хрустом потянулся и мазнул рукой по холодной, влажной жести. Опустив глаза, Валентин с удивлением обнаружил на лавке возле себя две запотевшие банки темно-коричневого цвета.

— Оп-па! Что за ерунда! Откуда?..

Валентин вскочил и принялся оглядываться по сторонам, ища неизвестного благодетеля. Затем снова посмотрел на скамейку. Пиво не исчезало. Он протер глаза — то же самое.

«Ага, Миша! — догадался Валентин. — Это Миша, должно быть, сбегал к киоску, купил пива... отблагодарить решил... Нет, не сходится. В киоске “девятки” нет. А до следующего ларька двадцать минут ходу. А может, у него с собой было? Или оно тут раньше стояло?»

Решив больше не ломать голову, Валентин откупорил банку и сделал несколько больших глотков.

«Ах, как славно! — подумал он. — Теперь бы...» Внезапно его внимание привлекли две худосочные девицы, остановившиеся неподалеку. Одеты они были по-летнему легко, в короткие шелковые сарафанчики.

«А вот, например, дунул бы ветер да задрал этим соплюхам подолы, — шаловливо хмыкнул Валентин. — Интересно посмотреть, что за бельишко нынешние носят».

Он вспомнил Райкины «парашюты» пятьдесят восьмого размера, занявшие все веревки на балконе, и вздохнул. В этот момент неизвестно откуда взявшийся порыв ветра сорвал шляпу у проходившего мимо старика, погнав по дорожке сизое облако пыли. Подолы у девчонок задрались, представив на обозрение Валентину пару симпатичных попок, обтянутых белыми и розовыми кружевными трусишками.

— Ох ты, елки, — сконфуженно охнул Валентин, воровато оглядываясь по сторонам

Девчонки взвизгнули, затем, хихикая, одернули сарафанчики и устремились в глубину аллеи, а он, прихватив непочатую банку, поплелся следом.

«Надо бы Райке позвонить, — подумал он, оценивающе разглядывая две пары длинных ног в легких босоножках. — Эх, свалила бы она на недельку куда-нибудь, отдохнул бы от ее визга...»

Не успел Валентин додумать эту крамольно-сладостную мысль, как из кармана донеслась телефонная трель. Вынув сотовый

и взглянув на дисплей, Валентин досадливо поморщился. Жена.

— Валь. Слышь, чего. Мне тут мама позвонила. У них в Макеевке наделы бесплатно дают, так я на недельку съезжу. Ты ничего, справишься? Пельмени в холодильнике, я четыреста штук налепила. С голоду не помрешь. Все, я на вокзал.

— А-а-а, — проблеял было Валентин, но Райка уже дала отбой.

— Ни хренаськи! — ахнул Валентин. «Так вот какая ты, “Золотая рыбка”. Так вот ты какая! Так это же я... елки... да я себе сейчас...» Воровато оглядевшись по сторонам, он быстро дошел до гаражей, свернул за крайний и уселся на теплую каменную плиту. Сердце колотилось о ребра, как сдуревший дятел об сосну, воздуха не хватало.

«А вдруг?.. А может, это совпадения?..» Лоб у Валентина похолодел. «Надо еще раз проверить. Так... что бы мне... как курить-то хочется!.. Во, мне бы пачку “Примы”!»

Валентин почувствовал какое-то теснение в кармане брюк и, запустив туда руку, нащупал пачку сигарет.

— Работает, — обрадовался он. — А ну-ка, пусть пойдет дождь!

В этот момент небо неожиданно потемнело, и на голову Валентину капнуло.

— Так. Не надо дождя — пусть будет очень жарко!

Солнце выглянуло из-за туч и радостно зажарило во всю мощь.

Валентин задумался: «Что бы еще пожелать?.. Ну, например, пусть у дворовых ребятшек появится нормальная детская площадка. Чтобы там — качели-карусели, горки, всякие домики, пирамидки». Валентин улыбнулся, вспомнив детство золотое... двор возле дома.

Его семья жила в небольшом рабочем поселке, работяги сами вырубили из дерева лесовиков, рыцарей, принцесс. Посреди площадки стоял красный в белый горох грибок, рядом горой был навален чистый желтый песочек. Такой замечательный, что маленький Валька частенько запихивал горсть себе в рот и сидел, блаженно жмурясь, чувствуя, как рот заполняется смешанной с песком слюной.

«Эх, детство, детство, где ты? — взгрустнул Валентин. — А если... — шальная мысль взорвала мозг, — а если мне взять и загадать?..» — Он ахнул, сердце екнуло от предчувствия чего-то сладкого, восторженного, сказочного.

Так он себя чувствовал только в детстве под Новый год, стоя у двери в большую комнату. Там его дожидалась елка и чудесные новогодние подарки...

— Сейчас, сейчас, — заволновался Валентин, — только вот... — Он мелко передернулся, огляделся по сторонам и мелкой рысцой потрусил в глухой уголок. Пиво настойчиво просилось наружу...

С облегчением застегнув брюки, Валентин вернулся к скамейке, сел, закурил и выдохнул:

— Хочу вернуться в детство. В день, когда мне исполнилось семь лет.

Он зажмурился. Ничего не произошло...

Валентин открыл глаза. «Что-то не так сделал, — сообразил он. — Хочу помолодеть, — теперь уже мысленно приказал он. И снова ничего не изменилось. Хочу... хочу, чтобы пришел кто-нибудь, все равно кто...»

В этот момент из-за гаражей вынырнул Степан, сосед Валентина по дому. Вид у него был ошалелый, взъерошенный и даже какой-то обиженный.

— Что я тебе сейчас расскажу! — Степан брякнулся на лавку. — Про Мишку-бомжа!

— Что? — с замиранием сердца спросил Валентин.

— Знаешь, где я его сейчас видел? В джипе. При галстуке. И с чемоданами долларов.

— Врешь!

— Ни грамма! Я тоже сначала глазам не поверил, к машине подошел, заглянул в окошко... точно он!!! А на заднем сиденье — несколько чемоданов. Один при мне раскрылся, а из него зеленые хлынули. Вот оно как!

— Охренеть, — ахнул Валентин. — Это же мое пиво... «Золотая рыбка»... Это же я должен...

— Да, самое главное. Он на меня гаркнул, а у него зубы! Как в Голливуде у актеров — белые и сверкающие. И глаз... понимаешь, Миша же косой был — а тут глаз. Конечно, не настоящий, но как живой. Меня взглядом прошил с ног до головы.

«Пусть и у меня в карманах появятся деньги, — уже не слушая Степана, истерично подумал Валентин. — Много денег. Доллары, евро... крупными купюрами!!!»

Он принялся хлопывать себя по карманам. Чуда не произошло, карманы остались пустыми.

— Ты чего с лица сбледнул? Из-за Мишки что ли? Брось! Пошли лучше пивка тяпнем. Моя в гости к подруге намылилась.

— Да... пиво... конечно, пиво, — ахнул Валентин и, сорвавшись с места, резво припустил по улице.

— У вас осталось пиво «Золотая рыбка»? — растолкав покупателей, отчаянно крикнул он.

— Ну, куда без очереди прешь? — заворчали очередники.

— Да мне только спросить.

— «Золотая рыбка»? Понравилось? А его уже нет. После вас приходил учитель, он часто у меня пиво берет, так забрал оставшиеся три банки. А вы не расстраивайтесь, возьмите «девятку» — вот к вечеру завезли. А «Золотую рыбку» я вам закажу.

...Полгода городок гудел, обсуждая три потрясающие новости.

Во-первых, непостижимое и стремительное превращение бомжа Миши в мультимиллиардера. Прикупив несколько гектаров земли за городом, Миша начал там строительство поселка для местных бомжей, а сам махнул за границу путешествовать.

Второй темой был появившийся в одночасье чудесный детский городок во дворе дома номер восемнадцать. Там и тут празднично сияли свежей краской качели-карусели, горки,

резные домики, пирамидки. Поодаль застыли выточенные из дерева фигурки лесовиков, рыцарей, принцесс. Посреди площадки возвышался красный в белый горох грибок, рядом горой был навален чистый желтый песочек.

А третья новость — все без исключения ученики тринадцатой школы стали побеждать в олимпиадах и конкурсах города и области, и даже были приглашены в академию наук на тестирование. Жители района всерьез начали поговаривать, что тут не обошлось без инопланетян.

И только три человека могли дать исчерпывающую информацию по этим вопросам. Но один из них колесил по Европе в поисках новых впечатлений, другой готовился к конкурсу «Учитель года», а третий коротал время в местной психиатрической больнице и время от времени слезно просил санитаров принести ему пиво от золотой рыбки. Персонал жалел бедолагу, изредка подкидывая ему банку-другую «Балтики», а жена, раз в неделю приходя на свидание, кормила пельменями и терпеливо, в очередной раз выслушивала историю про пиво, золотую рыбку и горы долларов, зарытые в песок под красным в белый горошек грибком.

Побочный эффект

Эта невероятная история произошла в прошлом году в середине июня. А началось все с того, что соседка Соломона Аркадьевича, живущая этажом выше, уезжая на дачу, забыла завернуть вентиль крана в ванной. Воды в доме не было уже два дня. И, скорее всего, не предвиделось еще неделю. Рядом с подъездом зияла мрачная сырая яма, похожая на воронку от фугасного снаряда. В яме коротали время работяги похмельного вида.

Ночью в трубах ни с того ни с сего забулькало и зафырчало, а утром на мирно спящего Соломона Аркадьевича с потолка обрушился ливень. Соломон проснулся и поднял глаза к потолку. Увидев на нем безобразное серое пятно, он огорченно выплеснул воду из тапочек, снял с гвоздя запасные соседские ключи, и отправился предотвращать стихийное бедствие. Приведя жилище соседки в порядок, Соломон вернулся в свою квартиру, развесил

на балконе мокрое постельное белье и уныло поплелся на кухню жарить осточертевшую яичницу.

Соломон Аркадьевич Шлейдерович трудился слесарем-сантехником. Профессия была хоть и не стерильной, но хлебно-колбасной — слесари требовались везде и всегда. Ну, а такие, как сантехник Шлейдерович, — вообще были на вес золота.

Соломон Аркадьевич не пил! Ни капли! Ни с кем! Ни при каких обстоятельствах! Работу свою он выполнял добротнo, гонорар брал достойно, не матерился и не оставлял под раковинами грязные разводы и драную ветошь. И была у Соломона Аркадьевича красивая мечта. Он хотел вывести новые сорта помидоров со вкусом лесных ягод. Вся квартира была заставлена горшками, коробками, банками, из которых торчали чахлые зеленые кусты с привитыми к ним черенками малины, черники и брусники. Помидоры проросли, давали пару-другую листьев, но категорически отказывались цвести и, тем более, плодоносить. Соломон советовался с садоводами, добавлял удобрения, рыхлил землю, но результата не было. Как только установилась теплая погода, по совету одного из специалистов-

огородников он выставил горшки с рассадой на балкон. Половину балконной площади занимали грозоразрядные зеркальные преобразователи. За это изобретение в ностальгические совдеповские времена Шлейдерович, тогда еще инженер закрытого учреждения, получил премию сто тридцать рублей двенадцать копеек и грамоту. Установки не работали и использовались хозяином исключительно в качестве подставок под горшки с томатами.

Итак, вернувшись из соседской квартиры и развесив на леске за периметрами балкона простыню и пододеяльник, Соломон Аркадьевич поставил сковороду на огонь, занес нож над яйцом, бросил взгляд за окно и ахнул...

Прямо над балконом неподвижно висела зловещая темно-зеленая туча. Из нее на развешанное белье и горшки с помидорами раскаленной лавой стекал водопад слепящего зеленого огня и фейерверком сыпались искры.

— Ах ты, зараза!

Рукой с зажатым в ней яйцом Соломон задел сковородку. Сковородка с грохотом свалилась на пол. Яйцо разбилось и холодной медузой скользнуло в левый тапок Соломона.

Соломон горестно охнул и, скинув тапок, кинулся на балкон спасать драгоценные кусты. Но не успел он схватить ближний горшок с рассадой, как тысячи горячих иголок вонзились в его грудь, лицо и плечи. Соломон провалился в темноту.

Очнулся он от щекотки. Ощущение было чудное — словно кто-то, шая, щекотал его по лысине мягкой метелочкой для пыли.

Охая и покряхтывая, Соломон сел и потерявший затылок. Драгоценные кусты были поломаны и смяты, горшки треснули, земля высыпалась на пол.

Соломон с досадой оглянулся, пытаясь понять, какой же это шутник возит по его голове метелкой для пыли, и оцепенел. За его спиной, стоя на упругом рифленном хвосте, покачивался толстый питон, похожий на зеленый волосатый шланг.

Соломон всхлипнул, закрыл лицо ладонями, выждал минуту-другую. Затем снова обернулся. Питон не исчезал. Был он весьма упитан и покрыт густой зеленой шерстью. Головой пресмыкающееся отдаленно напоминало ризеншнауцера, которого хозяин спьяну искупал в зеленке.

— Галлюцинация! — прошептал Соломон и неуверенно ткнул пальцем питону в глаз.

Питон покачулся, удивленно свистнул, но исчезать даже не подумал.

«Нужно его чем-нибудь оглушить и вызвать службу спасения, — подумал Соломон. — Черт бы побрал этих соседей. Накупят всякой экзотики, а потом она расплзается по всему дому и людей терроризирует».

Тем временем питон отвернулся от Соломона и, уставившись на один из погубленных помидорных ростков, принялся мелодично посвистывать.

Соломон, стараясь не делать резких движений, ретировался в комнату и, кинувшись к телефону, набрал ноль два.

— Дежурный по городу слушает.

— Здравствуйте, — вежливо прошептал в трубку Соломон, — видите ли, у меня на балконе... змей. Большой, зеленый и волосатый. Он сидит перед помидором и свистит.

— Сейчас заберем тебя на пятнадцать суток — будет тебе и змий зеленый, и закуска из помидоров — два в одном, — пообещали на том конце провода.

Соломон положил трубку мимо рычага и задумался. В этот момент в дверь позвонили.

На пороге стояла только что вернувшаяся с дачи донельзя расстроенная Маргарита Ивановна.

— Соломон Аркадьевич, я так виновата, так виновата, — с порога запричитала она, заламывая в отчаянии руки. — Я возьму расходы на ремонт, на обои...

— Маргарита Ивановна, — нервно почесывая подбородок, перебил ее Соломон. — Будьте так любезны, подойдите к балкону. Посмотрите, там никого нет?

— К вам залез жулик? — округлив глаза, прошептала Маргарита Ивановна. — В милицию позвонили?

— Позвонил. Меня неправильно поняли. Я вас убедительно прошу, загляните на балкон.

Маргарита Ивановна на цыпочках подкралась к балконной двери. Внезапно, всплеснув руками, она выскочила наружу и воскликнула:

— Ах, Соломон Аркадьевич, да вы шутник! Вы все-таки сделали это, вы их вывели!

Соломон в недоумении шагнул следом и оглядел балкон. Волосатой змеи на балконе не было. Поломанные кусты помидоров непостижимым образом восстановились, вы-

тянулись и загустели. Теперь они напоминали полутораметровые пальмы с плотными как лопухи листьями. Ветви ближнего куста пальмы сгибались под тяжестью крупных, размером с кулак, помидоров, очень похожих на перезревшую малину. На другом — туманно запотели белесым маревом плоды темно-синего цвета.

— Голубчик, Соломон Аркадьевич, я знала, что у вас все получится, — восторженно кудахтала соседка. — Теперь вам непременно дадут Нобелевскую премию. Ах, я много бы отдала, чтобы попробовать это чудо селекции. Дорогой мой, можно угоститься по соседски? Ах, ну я вас прошу! Вы ведь такой щедрый. Можно, да?

Не дожидаясь разрешения, она сорвала несколько гигантских ягод и, послав Соломону воздушный поцелуй, упорхнула к себе на пятый этаж.

Соломон задумчиво присел под кустом, понюхал малино-помидор, затем дотронулся до него губами. Плод был прохладным, упругим и пах малиной. Соломон осторожно надкусил диковину.

Малина как малина. Лесом пахнет, пыльной, сладкими цветами... И лишь легкий,

едва уловимый вкус томата вклинивался в привычный ароматный букет.

Соломон зачихнул в рот ягоду и зажмурился.

«Я определенно сплю, — подумал он. — Или у меня галлюцинации... Точно, в меня ударила молния, и теперь мне все это чудится. На самом деле я лежу в коме среди поломанных кустов помидоров. Никаких ягод, никаких гадов. Коллапс».

Соломон машинально сорвал влажно притуманенную помидоро-чернику и вонзил в нее зубы.

«Неземной вкус, — подумал он. — Убедительная галлюцинация».

Соломон шагнул было в комнату, но так и замер с занесенной над порожком балкона ногой.

В кресле-качалке, подаренной Соломону коллективом ЖЭКа на юбилей, уютно свернувшись плотной спиралью и выставив голову с вздыбленной шерстью, покачивался змей. Тот самый. Зеленый.

— Проходите, коллега, не стес-с-сняйтесь, — добродушно предложил он и указал кончиком хвоста на диван. Гость гово-

рил дискантом, чуть присвистывая и делая большие паузы между словами.

Соломон на ватных ногах подошел к дивану и обреченно присел на самый край, подалее от волосатой рептилии.

— Вы, конечно, догадалис-с-сь, что я ваш... с-с-собрат по раз-з-зуму, — сердечно сообщил змей, засунул в пасть невесть откуда взявшийся зеленый шарик, прикусил его и блаженно прикрыл глаза.

— Прос-с-стите, не могу отвыкнуть, дурная... привычка, — удав выпустил из пасти зеленый дым.

Соломон закашлялся. Дым оказался едким и вонючим.

— Я к вам, коллега, вот по какому... вопрос-с-су, — начал зеленый собеседник, разгоняя хвостом дым. — Вы человек образованный, талантливый. Я хочу предложить вам с-с-сделку. Некоторого рода культурный... обмен.

Удав повозился в кресле, устраиваясь поудобнее.

Соломон тоже поерзал на диване и, откашлявшись, проямлил:

— Я, собственно, сантехник. У меня, разумеется, есть университетский диплом... но, уверяю вас, мне нечего вам предложить.

В смысле знаний. Это вам нужно к зоологам. Или метеорологам, — вспомнил он зеленую тучу над балконом.

— У вас, землян, хорошее чувство юмора. — Удав зашелся в мелодичном долгом свисте.

— А вы кто? — осмелел Соломон. — Марсианин? Венерианин?

— Не гадайте, — засвистел-засмеялся удав. — Наша планета в другой галактике. Вам ничего не с-с-скажет ее название. У нас, например, нет вот этого теплого ис-с-ссточника чистой энергии. — Удав грустно мотнул головой в сторону окна, за которым по-летнему щедро сияло солнце.

— Вы имеете в виду солнце? — удивился Соломон.

— «С-с-с-солнце»? Ну, пусть будет «с-с-с-олнце». Откровенно говоря, о нем и пойдет разговор. Вокруг нашей планеты — бес-с-с-конечное ледяное пространство. А вам в этом плане очень... повезло.

Удав с завистью уставился на солнце и надолго замолчал.

— Простите. А с кем все же я имею честь? — прервал неловкое молчание Соломон.

— Я профес-с-с-сор, — скромно ответил удав и присвистнул.

— Каких наук?

— Всех! — обиделся собеседник. — У вас разве не так?

— Не так.

— Какая странная планета! Значит, мне нужно искать узкого с-с-специалиста... Профессора по вопрос-с-с-сам чистой энергии.

— Солнечной энергии, — уточнил Соломон.

— Да, — кивнул тот. — Нам нужно изготовить аналог вашего с-с-солнца.

— Даже так? — изумился Соломон. — Но солнце нельзя получить искусственным путем.

— Чушь, — пренебрежительно махнул кончиком хвоста собеседник. — Все можно получить искусственным путем. Нужно только знать ингредиенты. Да, кс-с-с-стати, мы не берем знания в долг. Мы обмениваемся. Вот вы, например, мечтали вывести новые с-с-сорта э-э-э-э...

— ...помидоров, — подсказал Соломон.

— Вот-вот. Для нас — это давно пройденный этап. Теперь вы можете с-с-снимать урожай каждое утро, но взамен вы должны помочь нам создать с-с-с-солнце.

— Честное слово, не имею представления о том, как это сделать.

— А кто имеет?

— Наверное, астрофизики, атомщики, астрономы.

— Жаль, — загрустил удав. — Ну, может, вы хотя бы знаете ингредиенты, из которых состоит ваше с-с-с-солнце.

— На семьдесят два процента — из водорода, а остальное — гелий, эти газы очень легкие, — припомнил Соломон материал по астрономии из школьной программы.

— Так-так, — оживился удав, — продолжайте.

— Газовая оболочка Солнца разрежена и имеет толщину не более ста километров. Температура внешней оболочки Солнца пять тысяч девятьсот градусов. А в центре газ нагрет почти до пятнадцати миллионов градусов.

— Вот с-с-с-спасибо, — заволновался удав. Зеленая шерсть на его макушке снова встала дыбом и возбужденно зашевелилась, гость закатил глаза, производя в уме какие-то сложные вычисления. Посидев таким образом минут пять, он устался на Соломона. — У вас есть огнеупорный с-с-сосуд? Я сейчас буду создавать... с-с-с-солнце. Как бы мне у вас чего не попортить.

— Есть кастрюля из огнеупорного стекла, — растерянно пробормотал Соломон.

— Тащите, — благосклонно разрешил удав и пополз на балкон.

Соломон как загипнотизированный отправился на кухню, отыскал кастрюлю и принес ее гостю.

— Благодарю, — сказал удав и свистнул.

Над балконом вновь зависла зеленая туча. Что-то щелкнуло, полыхнуло зеленым, в воздухе резко запахло озоном. Соломон на всякий случай зажмурился. Когда он открыл глаза, то увидел, что удав, приблизив голову к кастрюле, не сводит взгляда с плавающего в ней ослепительно белого шара, величиной с апельсин.

— Ну вот, — радостно потирая кончиком хвоста волосатую макушку, сказал удав. — Ваши знания, коллега, бесценны. С-с-солнце мы, разумеется, увеличим преобразователем. Да, кстати, имейте в виду, вполне возможен побочный эффект... я имею в виду м-м-м ваши помидоры... Хотя, возможно, что и нет... Чюс-с-с. — Удав галантно склонил голову. Раздался хлопок, и гость исчез.

— Кастрюлю спер! — обиженно буркнул Соломон. — Жулик! А может, мне все это приснилось?

Он ущипнул себя за щеку. Щека заныла. Ягоды упрямой реальностью висели в полуметре от его лица, распространяя неземной аромат.

— Значит, не сон. Не галлюцинация, — снова сказал сам себе Соломон. Затем, махнув на все рукой, достал с антресолей ведро и принялся собирать неожиданный урожай.

Утром ветки гигантских кустов вновь ломились от малины, черники и брусники размером с помидор. А ближе к обеду к Соломону заглянула Маргарита Ивановна с подругой — заведующей овощным магазином.

— Поверите, не удержалась, рассказала о вас Людмиле Петровне, — защebetала она. — И вы знаете, у нее есть к вам деловое предложение.

Через полчаса стороны разошлись довольные друг другом. Уложив ягоды в три ведра, Маргарита Ивановна и Людмила Петровна отправились в магазин реализовывать экзотический товар.

«Гора с плеч, — подумал Соломон, глядя из окна на женщин, которые, сгибаясь от тяжести, тащили ведра, накрытые полотенцами, к овощному павильону. — Теперь одна забота — снимай ягоды с кустов да складывай в ванну».

День пролетел незаметно. Соломон не стал готовить надоевшую яичницу, а пообедал и поужинал помидоро-малиной с молоком. Еще три раза приходили Маргарита Ивановна и Людмила Петровна, оставляя взамен ягод стопки крупных купюр. Похоже, на помидорные ягоды был большой спрос.

Перед сном Соломон отправился в ванную.

— Что такое? — строго спросил он у зеркала, почти уткнувшись носом в гладкую поверхность стекла. Еще днем лысая как локоть макушка Соломона сейчас была покрыта густым зеленым пухом.

Соломон повернулся в профиль и, скосив глаза, принялся рассматривать себя сбоку. Нежный зеленый пушок покрывал весь его череп.

— Кошмар! — ахнул Соломон и, отыскав в шкафу бритву, принялся нервно сбривать поросль. Закончив неприятную процедуру, сполоснул бритву под струей теплой воды, взглянул в зеркало и крикнул от огорчения. Зеленый пух появился снова, только теперь он стал длиннее и окутывал череп Соломона ровным симпатичным горшочком. Соломон схватился за ножницы...

«А может, ну их, ничего, — думал Соломон, разглядывая себя через пару часов. Теперь уже не пух, а густые зеленые волосы покрывали его голову, доставая до плеч. — Куплю черную краску. Покрашусь. Собственно, этот побочный эффект не так уж и плох».

От этих мыслей его отвлек требовательный звонок. Натянув на голову старую шапку-ушанку, Соломон направился к двери.

— Что вы наделали?! — На пороге стояла разъяренная Маргарита Ивановна с полотенцем на голове. — Вы меня уничтожили! Ко мне сейчас придет друг тромбонист, а я... посмотрите... в каком я виде! — Она сдернула с головы полотенце, и Соломон увидел, что вся голова соседки покрыта зелеными крутыми кудряшками. — А у Людмилы Петровны и вовсе зеленая борода выросла, как у водяного! Она сидит в подсобке, рыдает и обещает подать на вас в суд. Вы с вашими экспериментами весь город отравили!!! Сейчас же избавьте меня от этого кошмара!

Схватившись за голову, Соломон бросился в ванную.

— Это что? — возмущенно спросила Маргарита Ивановна, уставившись на бритвенный станок, который трясущейся рукой протяги-

вал ей сосед. — Вы надо мной издеваетесь! Имейте в виду, я так этого не оставлю. Я вас засужу! Я вас посажу!

Она выскочила из квартиры Соломона, хлопнув дверью.

Весь следующий день Соломон нервно вздрагивал от телефонных звонков. В дверь непрерывно стучали, звонили, грозили милицией, санэпидемстанцией, психушкой.

Наконец нервы Соломона не выдержали. Он схватил топор, разрубил проклятые кусты с диковинными ягодами на мелкие части и, облив керосином, сжег в ванной, а остатки спустил в канализацию. Затем пошвырял в чемодан вещи, спустился по пожарной лестнице и махнул на попутке в провинцию к двоюродной тетке.

Утром все выросшие на лысине Соломона зеленые волосы остались на подушке.

Но вернуться в город Соломон так и не решился. Он устроился истопником в местную котельную и постарался забыть эту жуткую историю.

Он так и не узнал, что к вечеру следующего дня волосы у Маргариты Ивановны снова порыжели, а через месяц она вышла замуж за тромбониста. Людмила Петровна до утра

просидела в подсобке, где ее и нашел дымящийся от ревности муж. Правда, соперника в овощном магазине он так и не обнаружил, но осадок недоверия в душе у супруга все-таки остался.

Многие жители города, купившие необыкновенные ягоды, тоже обросли зелеными волосами. Весь день по окольным улочкам, пугливо озираясь, перебежками перемещались одинокие пешеходы в панاماх, шляпах, надвинутых на самые уши, и даже в зимних шерстяных шапках. В парфюмерных магазинах моментально скупили черную и коричневую краску для волос. Медики, не успевавшие на вызовы, объявили было пандемию зеленого оволосения, но внезапно весь процесс сошел на нет.

Постепенно в городе начали забывать об инциденте. Через подставное лицо Соломон продал квартиру Петру Петровичу Иванькову, купил дом в поселке и навсегда исчез из виду.

Петр Петрович выращивал в домашних условиях зеркальных карпов и страстно мечтал вывести новую породу рыб, мясо которых должно было напоминать по вкусу колбасу, сыр, котлеты, мед, и другие продукты питания.

На балконе он установил огромный бак и запустил туда рыбную молодь. На зеркальных тарелках грозоразрядных преобразователей, которые Иваньков оставил на балконе, нашлось место для банок с водорослями и улитками.

А на прошлой неделе, когда Петр Петрович жарил в кухне до чертиков надоевшую яичницу, над балконом зависла искрящаяся багровая туча...

Полтысячи за Пегаса

— Купите коняшку. Недорого. Хороший конек. Послушный.

Я шел по птичьему рынку, лениво заглядывая в аквариумы и клетки. Хотелось купить какую-нибудь зверушку для души. Чтобы с полуслова понимала, любила и, в конце концов, превратила меня — алкоголика с двадцатилетним стажем — в нормального члена общества. Говорят, в Англии алкоголики устраиваются зрителями в цирки и зоопарки и таким образом преодолевают свою пагубную страсть.

А что, идея неплохая. Так, кто там у нас? Перс... Кошек я недолюбиваю, наверное, сказывается мой независимый характер: в доме хозяином должен быть я, а не мурка со своими «раскогтевками» и «кошачьими тараканами».

С собаками тоже морока. Прививки, прогулки, чумка, глисты. Нет, собаки не годятся. Попугаи — мелковаты и глупы. Хомяки —

вонючки, да и какой друг может получиться из хомяка.

Я подошел к небольшому портативному вольеру, в котором беззаботно дрыхла симпатичная розовохвостая крыска. Тварюшка дернула носом и потешно чихнула. Вот кого я возьму себе в сотоварищи, — решил я, — крысы невероятно умны, миролюбивы, преданны. Никаких тебе прогулок, ест мало, да и стоит всего лишь пятисотку. Я сунул руку в карман, где лежала полутысячная купюра.

Тут он ко мне и подошел.

— Купите коняшку. Недорого. Хороший конек. Послушный. Дешево отдам.

— Уважаемый, я живу в десятиэтажном доме, на восьмом этаже. Общая площадь тридцать три квадрата. Санузел совмещенный. Как вы себе это представляете — конь в квартире?! — с иронией усмехнулся я.

— Так ведь он еще жеребенок.

— Ну, допустим, я поселю вашего конька-горбунка у себя в квартире. А мои соседи, живущие этажом ниже? Он же будет цокать копытами по линолеуму день и ночь. А прогулки? В лифте его возить? А, простите, чем я его кормить буду?! И к кошачьему ящику он у вас наверняка не приучен...

— Ну, что вы. Во-первых, он преимущественно летает. Ничего не ест и, простите, не гадит.

— Слушайте, отстаньте от меня, — пробурчал я. Вот только ненормальных продавцов лошадей мне сегодня для полного счастья не хватало. — Я не собираюсь покупать вашего коня.

В это время из-за спины мужчины выглянула потрясающая лошадиная мордаха с глазами чайного цвета. Длинные загнутые вверх ресницы заставили бы сойти с ума не одну модницу. Окрас у карликового конька был необычный, розово-палевый.

— Это что же за порода такая? — изумился я.

— Пегас. Конь поэтов и писателей. Спутник великих стихотворцев.

— Даже так? Но я не писал стихи и не намерен заниматься подобными глупостями. Считаю это пустой тратой времени.

— Но вы ведь можете писать прозу. Вот, например, Лев Толстой...

— Я не Толстой! И прозу я писать не собираюсь. Что мне, больше делать нечего?!

— Ну возьмите!..

В этот момент конек моргнул и просительно заглянул мне в глаза. И столько в этом до-

верчивом взгляде было робкой надежды, что сентиментальная душа прожженного алкоголика не выдержала.

— Сколько? — вырвалось у меня против воли.

— Ой, да совсем даром. Пятьсот рублей.

— Смотри-ка, точно даром. Ладно. Так, кроме шуток, чем его кормить?

— Кроме шуток — ничем!

— То есть как?

— Он питается, как бы вам сказать, вашими эмоциями, рифмованными чувствами, и, кстати, насчет того самого... повторяюсь, не гадит. Совсем.

Я с иронией посмотрел на собеседника. Ну, заливает, хрен курносый. Не ест, не пьет, не гадит, летает, — просто ангел небесный, а не конь. И все-таки кто-то из них — конь или его владелец — меня загипнотизировал. Я отдал повеселевшему продавцу пятисотку, взял под уздцы свое приобретение и отправился домой. Конек семенил за мной, почти не касаясь копытами мостовой, иногда потешно взбрыкивал ногами, с любопытством оглядывался по сторонам.

Уже подходя к подъезду, я понял, что совершил величайшую глупость. Придет ко

мне сегодня в гости Ирочка, прелестное создание (она в нашей библиотеке работает). А я ей — мол, извини, впустить не могу.

Она мне: «У тебя там кто?»

А я ей: «Конь в пальто». Бред!

А может, пока не поздно, отвезти его в деревню Самокатки к Василию, моему старинному приятелю? Он тоже пьет, причем основательно и самозабвенно, из запоев выходит редко, для того лишь, чтобы заработать на бутылку — кому сено сгребет, кому дров нарубит. Ладно, посмотрим...

Мимо меня продефилировала соседка Марина — разбитная безотказная деваха с блудливыми, ярко подведенными синькой глазами.

И неба синь упала вам в глаза,
С моей щеки скатилась слеза, —

неожиданно для себя продекламировал я, глядя на необъятную Маринину корму.

— Ты что, Виталик? — отозвалась общительная фемина, — ты никак у нас стишки кропаешь?

Да нет, это я невзначай
Ты счастье мое и печаль!

— Класс! — зарделась Марина. — У меня сегодня выходной. Приходи. Посидим, стишки мне считаешь, то, се... Бутылочку приговорим.

Миниатюрного конька, смиренно стоящего со мной рядом, она, похоже, не заметила.

— Э-э-э, — замялся я.

Бегут часы, их ход необратим,
И я спешу к делам своим большим.

— Сам козел, — обиделась Марина. — Думаешь, самый умный? Стихоплетешка!

Она развернулась и, надув губы, пошла по аллее.

«Ч-черт, и что за хрень мне мужик впарил, — подумал я. — Я сроду двух строчек срифмовать не мог, а тут...» Думалось, слава богу, не в рифму.

Возле подъезда, монолитно вцементированная в скамейку, застыла цветная гирлянда подъездных старушек, с вялеными, как инжир, лицами. Местный «госконтроль». Престарелые говоруньи на время приостановили обсуждение очередного хахала Людки из пятой квартиры и уставились на меня. Я поздоровался и приготовился выслушать возму-

ценную речь о недопустимости содержания в общественном подъезде парнокопытного, о неизбежной антисанитарии у меня в квартире и о том, что меня выселят на сотый километр, но я ошибся.

— Здравствуй, Виталик, — медово пропела старшая по подъезду, тетя Маша. — А что это ты не на службе, не заболел часом?

— А к вам тут Ирочка приходила, очень огорчилась, что не застала, — с нетерпением вступила в разговор ее соседка, она жила на первом этаже и содержала десятка три обшарпанных, как старые воротники, беспредельно вонючих кошек. Стоящего рядом со мной коня, похоже, никто не замечал в упор.

Я не пойму, какая вам забота
Следить за мной от дома до работы, —

с пафосом продекламировал я. И, дернув Пегаса за уздечку, шагнул в подъезд.

Бабушки сначала онемели, затем заговорили все разом. Дверь захлопнулась, прервав их возмущенную дискуссию. Мы с конем зашли в лифт и доехали до восьмого этажа. Он то и дело поднимался в воздух и с любопытством изучал короткие и емкие надписи на

стенах кабины. Зайдя в квартиру, Пегас процокал в кухню и скромно устроился под кухонным столом.

— Хана соседским потолкам, — решил я и достал из холодильника початую бутылку беленькой — для себя, яблоко и пару морковок — для гостя. Морковь я помыл и предложил коняшке. Тот удивленно посмотрел на меня своими карими глазами.

Тебя кормить морковью или сеном?

Но ты молчишь. Почти как эти стены, —

произнес я и огорченно замолчал. «Это что же теперь, я всю время в рифму разговаривать буду? Кошмар!»

Тишину разбил резкий звонок. Я поднял трубку.

— Привет, — пропел нежный девичий голосок. Звонила Ирина.

Привет, привет, создание эфира,

Ты вовремя звонишь сегодня, Ира.

— С ума сойти, — сказала Иришка, — ты и стихи! Ладно. Мы в кино идем сегодня?

Кино, кино, искусство из искусств
Волнение эмоций, дум и чувств, —

пробормотал я.

— Ну, хватит, подурачился и довольно. Ты не ответил про кино.

Так я ж сказал, великое кино
Нам как лекарство от тоски дано.

— Слушай, перестань издеваться, — обиделась Иришка. — Если не хочешь идти — не надо. А издеваться нечего. Я лучше с Витькой пойду.

Она бросила трубку, а я сел и задумался.

В течение следующих трех часов я ухитрился поругаться с родителями, с братом Толиком, с моим приятелем Василием Петровичем, который собирался пригласить меня на речку половить ершей. Но окончательно меня добил разговор с начальником, который, выслушав пару четверостиший, посоветовал мне взять отпуск за свой счет и основательно отдохнуть...

Конек все это время нарезал в воздухе круги, нарушая послеобеденный сон мух и сметая хвостом паутину с углов комнаты. Мне показалось, что он изрядно подрос.

И что мне, друг, с тобой прикажешь делать?! —

— раздраженно сказал я, плюхаясь на табурет и наливая себе водки.

Как жить теперь, как спать мне, как обедать?

Конек еще раз облетел люстру, внеся смятение в мушиный коллектив, и, опустившись на линолеум, замер предо мной, как лист перед травой. Симпатичная морда светилась невыразимым счастьем.

— Ладно, утро вечера мудренее. — Я обреченно махнул рукой и отправился спать.

Утром я хмуро поплелся на работу. Излишне говорить, что конь полетел следом за мной. Прохожие вслед нам не смотрели, в обморок не падали, пальцем на него не показывали. Похоже, моего питомца никто не видел.

Зайдя в мастерские, я, стиснув зубы, прошел к кабинету начальника, молча выслушал его речь и направился к двери. Но тут мой Пегас не выдержал, и я, обернувшись, с пафосом продекламировал:

Уйду, уйду, но для того, чтобы остаться.

Уйду совсем, но чтоб вернуться вновь.

Я научусь достойно защищаться.

Я научусь в душе хранить любовь.

Начальник с нескрываемым интересом выслушал стихотворный бред и предложил вызвать перевозку из психиатрички. Не ответив на любезное предложение, я кинулся вниз по лестнице. Конек, весело взбрыкивая, летел следом.

Жизнь моя превратилась в кошмар. От меня шарахались пассажиры в автобусе, продавцы в магазине, знакомые, соседи. А к концу недели я понял, что терпение мое иссякло. Что еще немного, и я просто придушу своего домашнего питомца. Я решил продать коня Василию и позвонил ему на сотовый. Василий пребывал в благодушном расположении духа.

— Вась, тебе конь не нужен? — заискивающе спросил я. — У меня тут бесхозный конек имеется. Купил, а мне он не нужен. Может, возьмешь? Недорого совсем.

— А на фиг покупал? — поинтересовался Василий. — На кой тебе лошадь в городе? По пьянке что ли?

— Ну, — схватился я за спасительную мысль.

— А что за порода?

— Пегас.

— Не, не слышал о такой. Ну, приезжай, коли не шутишь. Посмотрим на твоего недомерка. Если что, на мясо пустим. Конина — штука хорошая.

Через два часа я ковылял по расквашенной деревенской дороге, с руганью выдирая из чавкающей грязи чешские туфли. Не подозревающий дурного, Пегас весело порхал над головой. В голове складывалась поэма про «деревенские синие дали» и «румяную девку Наталью».

У знакомой калитки я замешкался. А если Василий моего коня не увидит, как и все остальные? Хотя... я ведь его увидел. И продавец его видел. Чем черт не шутит!..

Василий Пегаса увидел. Увидел, восхищенно охнул. Постоял, вглядываясь в доверчивые карие глаза, затем обошел вокруг, потрепал по гриве, погладил по бокам.

— Хороший конь будет, чувствуется порода. А за сколько отдаешь?

Для тебя всего за тыщу.

Коня прекрасней на земле не сыщешь.

— О, старик, ты стихи писать стал. Признаюсь, тоже балуюсь, только туго идет. А тянет иногда, так тянет! Душа просит.

Задерживаться у Василия я не стал. Отдал коня, взял деньги и мухой рванул на станцию. Всю дорогу, пока шел до поворота, чувствовал лопатками укоризненный взгляд Пегаса.

В вагоне на вопрос старушки, сколько ехать до Малинкино, ответил: «Два часа». Слова больше не рифмовались. Я облегченно вздохнул, и выйдя на своей станции, купил бутылку рябиновой настойки и достойно отметил важное событие.

С бабушками я помирился, тете Любе починил кран, а остальных угостил конфетами «Коровка». Со временем я стал забывать об инциденте. Только иногда перед глазами всплывала симпатичная конская мордаха с доверчивыми карими глазами. Пить я стал реже. Прошло года три или чуть больше, я завел себе кота с наглой рыжей мордой и дурными манерами. Кот гадил по углам и драл мягкую мебель.

Однажды вечером я сидел у телевизора и машинально переключал каналы. Вдруг прозвучала знакомая фамилия.

Я прислушался.

«Автор из деревни Самокатки, Василий Кубердяга, стал дипломантом всероссийского литературного конкурса “Поэтическая Россия”, и мы ему вручаем награду, — восторженно вещал ведущий. — Напоминаю, что главный приз конкурса — миллион рублей. А теперь — слово нашему победителю...»

Я с грохотом подвинул стул к телевизору. За столом рядом с ведущим в своей бессменной толстовке сидел Василий. За то время, пока мы не виделись, он очень похорошел. На бритом румяном лице блуждала романтическая улыбка.

— Вообще-то серьезным литератором я стал недавно, просто поэтический дар дремал во мне много лет. Меня часто приглашают в европейские университеты читать лекции по архитектонике поэзии. У меня издано сто сборников, и гонорары мои растут, как вешенки в бане, — гордо сказал он. — Год назад я стал членом Союза писателей. Просто мне помогает...

— Муза? — с готовностью подхватил журналист.

— Конь, — снисходительно сказал Василий. — Вон он, над вашим оператором летает. — Если бы не он, я бы ни строчки не срифмовал.

— Это... Конечно же, это метафора, — замечая ведущий, — вы имели в виду Пегаса.

— Я имел в виду своего Баяна. Баяшка, лети сюда.

Ведущий что-то залепетал, отвлекая публику, а я увидел, как к Василию подлетел громадный красавец-конь с мощным крыльями и длинной

блестящей гривой. Став рядом с хозяином, Пегас уткнулся чудной мордой в его плечо.

— А мы приглашаем второго победителя, — засуетился ведущий и зашелестел бумажками.

На сцену поднялась дама бальзаковского возраста и принялась благодарить членов жюри...

Я не отрываясь смотрел на грациозное животное с карими глазами, обрамленными длинными загнутыми ресницами, и думал: «Вернуть бы все назад, но как?..»

«...Кто счастье прогоняет, тот дурак», — прозвучало с экрана.

La mia mamma

«Ба-бах!» — грохнула дверь. «Дзинь!» — отозвалось оконное стекло. Мария вздрогнула и уронила на пол пузырек с таблетками...

Дочь снова устроила скандал. А весь сыр-бор разгорелся из-за ерунды. Мария попросила Людочку вынести мусор. Это ведь несложно. Мусорные баки — в трех шагах от дома, а дочь все равно все вечера проводит на улице. Та отказалась, Мария решила настоять...

Дочь давно относилась к ней, как к чужо-му человеку. Могла нагрубить или, напротив, сделать вид, что не слышит просьбы матери. Наверное, оттого, что ее отец, муж Марии, относился к жене, как к поденщице. Может, он когда-то и любил ее, да только это было так давно, что даже не верилось, что было на самом деле.

«Жалко, личная жизнь у Людочки не складывается, — подумала Мария, — глядишь, 198

вышла бы замуж — подобрела. Действительно, девице уже двадцать три, а все одна».

Мария вздохнула и посмотрела на часы. Четверть десятого. Муж опять придет поздно. Или не придет вовсе. Последние годы они живут как соседи по коммунальной квартире. Существуют рядом, но не вместе. Она несколько раз пыталась поговорить с ним, только все было бесполезно. Павел отмалчивался или отвечал междометиями. А неделю назад Мария узнала, что у него есть любовница. Женщина проплакала несколько ночей, ее лицо осунулось, а Людочка не преминула присыпать открытую рану матери солью:

— Он давно уже должен был от тебя уйти. Посмотри на себя, разве с такими мужья живут?

Мария подошла к зеркалу. Честное стекло с готовностью отразило немолодую уставшую женщину с тусклыми глазами. Сквозь крашенные рыжие волосы густо проступала седина. Мария зябко обхватила руками плечи. Болела душа, она даже могла сейчас показать место, где находится эта неведомая субстанция — «душа». Чуть ниже ключичной ямки.

Снова стукнула дверь, в комнате появилась красная от злости Людочка.

— Где мой синий платок? — раздраженно спросила она. — Он висел на вешалке.

— Я его положила в твой шкаф.

— Сколько раз я просила не трогать мои вещи!

Мария инстинктивно съежилась, словно ожидая, что Людочка сейчас ударит ее или швырнет в нее чем-нибудь тяжелым.

Людочка ушла в кухню и принялась демонстративно греметь сковородками.

«Надо бы пойти что-нибудь приготовить на ужин, — подумала Мария, прислушиваясь к звукам, доносящимся из кухни. — Нет, лучше дождаться, пока Людочка уйдет в свою комнату...»

— Ты овца, — каждый раз говорила Марии ее подруга Светка. — Почему ты позволяешь так с собой обращаться?! Ну ладно, твой кобель — он гулял, гуляет и гулять будет. Но эта поганка, твоя дочь. Ты ее растила, одевала, таскала по санаториям, а она — пальцы врассыпную и разговаривает с тобой, как дочка миллионера с полумойкой. Будь жестче!

Мария и хотела быть жестче, но не успевала открыть рта, как получала отповедь от своей

острой на язык дочурки. Больше всего она боялась, что Людочка однажды поднимет на нее руку. В общем все было плохо... очень плохо.

Хотя один лучик света в этой беспросветности все же был — кошка Мартышка, она единственная из всей семьи жалела Марию.

Муж был к кошке равнодушен, так же как и к ее хозяйке, Людочка откровенно Мартышку не любила, грубо спихивала с дивана, когда ласковая кошечка сворачивалась клубком у нее в ногах.

«Да, кошка...» Мария встала и направилась в кухню. Мартышка ела рано утром, надо бы ее покормить, а потом приготовить ужин мужу и Людочке.

— Мартышка, киса, где ты, детка, — позвала ее Мария.

— Можешь не искать. Я выкинула эту тварь с балкона на улицу. Она нагадила на мои новые босоножки.

Людочка накручивала длинные русые волосы на термобигуди.

Мария обомлела: «Как с балкона? Ведь третий этаж...»

— Ничего ей не сделается. А в квартире вони будет меньше.

Дочь скрылась в ванной.

Мария прямо в тапочках и халате выскочила в подъезд.

— Марта, Мартышок, — как заведенная повторяла она. — Зачем же так-то? Она же домашняя. Она пропадет.

Под балконом пушистого кошачьего тельца не оказалось. Мария обошла вокруг дома, но кошки нигде не было.

«Хоть жива, и то хорошо, — думала Мария, поднимаясь по лестнице. — Может, еще отыщется».

Возле двери она вспомнила, что, выбегая из квартиры, не взяла ключ.

«Ах, какая досада, — подумала женщина, — придется беспокоить Людочку».

Мария надавила на кнопку звонка. К двери никто не подходил. Она нажала еще раз.

«Когда же это Людмила успела уйти»? — огорченно подумала Мария.

— Маша, вы дверь захлопнули? — из соседней двери выглянула соседка Валентина. Заходите. Посидите у меня, попьете чаю, а потом и ваши придут.

Через два часа Мария услышала, как щелкнул замок в двери. Она вышла на лестницу.

— Ты чего по соседям шляешься? — недовольно поинтересовался муж.

— Ключи забыла.

— Вечно у тебя все не как у людей.

Мария вошла в квартиру. Дочь сидела за столом и красила ногти.

— Людмила, ты была дома? Я звонила.... почему же ты не открыла?

— Не слышала, — буркнула та.

Ночью Мария не сомкнула глаз. Она пыталась понять, когда же в их семье наступил ледниковый период. Мысленно проигрывала другие сценарии жизни, в которых заботливый муж помнил о днях ее рождения и дарил цветы. В которых нежная и любящая дочь волновалась за ее здоровье...

Утром она не смогла подняться. Вроде ничего и не болело, вот только тело отяжелело, онемело, руки не слушались, ноги не двигались. Муж быстро собрался и ушел на работу, оставив после себя запах дорогого одеколona, дочь раздраженно гремела гладильной доской. Мария попыталась позвать Людочку, но из горла вырвался только сиплый писк. Через минуту та сама зашла в комнату, молча взяла с полки какую-то книгу и, не взглянув на мать, вышла.

«А ведь я умираю, — изумленно подумала Мария, уплывая на воздушной призрачной карусели... — Как легко на душе, спокойно... неужели смерть милосерднее моих близких...»

Последнее, что уловило ее угасающее сознание, была популярная итальянская песенка. Людочка слушала запись концерта Робертино Лоретти.

...С улицы доносилась незамысловатая мелодия. Высоким голосом, безбожно фальшивя, кто-то невидимый выводил «Са-анта-а Лю-у-чи-ия, Санта Лючия».

В просторной комнате с розовыми панелями и собранными в пышную невесомую пену шторами молча сидели трое. Пожилой доктор в голубом медицинском халате и колпаке, худощавый выбритый до синевы мужчина и смуглая, полная девушка лет двадцати трех.

Девушка с надеждой всматривалась в бледное лицо лежащей на кровати женщины, пытаясь уловить хотя бы мимолетное движение ресниц или легкий ветерок дыхания. Мужчина невидящим взглядом уставился в окно, за которым, не переставая, пели: «Санта-а Лючия...» На панели пульта мигали огоньки,

монотонно жужжала аппаратура, уже больше года поддерживающая иллюзорное существование почти бесплотного тела.

— Не мучайте себя. Прощайтесь и идите. Мы ничего не можем сделать, — нервно перебирая бумаги, сказал, наконец, врач. — Она столько времени в коме. У нее нет ни малейшего шанса.

— Я не позволю отключать ее от системы, — упрямо твердил мужчина. Я заплачу. У нашей семьи есть деньги. Много денег. Я знаю, она все чувствует, она слышит нас.

— Мамочка, — шептала девушка, поправляя длинные, иссиня-черные пряди женщины. — Ну, пожалуйста, очнись. Я тебя люблю. Очень-очень. И папа тебя любит. Ты очнешься, и мы поедem в наш уютный дом у моря. И, знаешь, что... Я принесла сюда нашу кошку. Она тоже тебя ждет, мяукает, спрашивает, где наша мама?

Девушка, не обращая внимания на категоричный жест врача, открыла плетеную корзину и, достав из нее пушистую дымчатую кошку, посадила ее на грудь лежащей. Кошка деловито потопталась и принялась тереться о щеку женщины, громко мурлыча.

— Папа! — воскликнула девушка, голос ее сорвался, и она закашлялась. Мужчина бросился к дочери.

— Знаешь... мне показалось... мама пошевелила рукой.

Врач взял невесомую безжизненную кисть в руку и с изумлением уставился вверх очков на присутствующих.

...Мария, наслаждаясь, плыла внутри невыразимо приятного упругого воздушного потока, упоенно нежилась, растворяясь миллионами атомов в бездонной вселенной. Еще никогда не была она так свободна и счастлива... Это блаженное состояние бесплотности было прекрасно. Не было мыслей, образов, звуков. Не было ничего. Покой... нега... счастье... И свет... сплошной нереально яркий свет, спокойный, умиротворяющий

И вдруг... в ее новое существование вмешалось тепло маленьких нетерпеливых лапок.

«Мартышка... Мартышка моя вернулась... Мне нужно ее накормить, она ведь голодная...»

Мария будто остановилась на бегу. Ее сознание сопротивлялось, не хотело возвращать измученную душу в ее законное пристанище,

в безысходность и страх. Но ведь ее ждала Мартышка...

«Я не дома, — с облегчением подумала Мария, открыв глаза. — Как здесь тихо, спокойно. А вот и моя Мартышка. Наверное, ее кто-то сюда принес. Но кто?»

Мария перевела взгляд на окружающих ее людей.

«Какие славные», — подумала она, разглядывая миловидную смуглянку в ярком цветастом платье и двух черноволосых мужчин, один из которых определенно был доктором.

— Я в больнице? — спросила Мария. — У меня был обморок?

Она осторожно, чтобы не потревожить кошку, села на кровати и потеряла ладонью лоб. Перед глазами все плыло.

— *Incredibile! Si può muovere. In che lingua parla?* (Невероятно! Вы можете двигаться. На каком языке вы говорите? [итал.]). — удивился врач.

— *E 'un miracolo. Abbiamo chiesto al Signore ed egli ci ha mandato un miracolo* (Это чудо. Мы попросили Господа, и Он послал нам чудо), — растерянно прошептал второй мужчина, обессиленно опускаясь на колени рядом с кроватью

и глядя на Марию влажными темно-кариими глазами.

— Где я? Почему я вас не понимаю?

На улице все звучал и звучал один и тот же куплет знакомой песни, словно неведомый певец забыл все остальные слова.

— *Intan, mia cara. Sono contento che tu sia con noi (Интана, дорогая. Я так рад, что ты с нами).* — Мужчина, едва касаясь губами, целовал тонкие женские руки в голубых прожилках.

— Мама, — девушка осыпала лицо Марии поцелуями. — *La mia mamma! (Мамочка! Моя мамочка!)*

— Дочка, Людочка... Павел, — Мария рассеянно провела рукой по густым волосам девушки.

— *Menya nome è Lucie, mamma (Меня зовут Люция, мамочка).*

— *Preferito! Che fortuna! (Любимая! Какое счастье!).* — Мужчина смеялся и плакал одновременно, глядя на Марию мокрыми, шалыми глазами. И было в них что-то такое...

Мария вздрогнула. В подключичной ямке — там, где она точно знала, находилась ее душа, — стало невыносимо горячо, в горле забился, запульсировал живой комок.

«“Счастье”... слово-то какое лучистое, — просветленно думала Мария, вглядываясь в две пары любящих глаз. — Жаль только, что я не понимаю, о чем они говорят... как странно... я совершенно забыла родной язык... но я непременно все вспомню, а мои любимые Пабло и Люция мне помогут».

Она неуверенно, кончиками пальцев погладила дочь по волосам, а та радостно припала к ее лицу и, щекоча щеку Марии мокрыми ресницами, прошептала: «*La mia cara mamma. Ti amo molto! (Моя дорогая мамочка. Я очень тебя люблю!)*

— *Figlia, il mio sole! Non piangere! Ho visto un brutto sogno (Доченька, солнце мое! Не плачь. Это был всего лишь сон),* — хриплым от волнения голосом проговорила Мария. И добавила, глядя на мужа и дочь сияющими от слез и счастья глазами: — *Ho visto un brutto sogno. Ma tutto è andato. Davvero... (Да, это был страшный сон. Но все уже прошло. Правда).*

Высокий мальчишеский голос на улице старательно выводил: «*Sa-a-nta Lucia-a, Santa Lucia!*»

Они жили долго и счастливо

Инспектор вышел из аптеки и обреченно посмотрел на белесое, словно выдержанное в хлорке небо.

Завтра он все-таки возьмет деньги у лекаря-китайца. Возьмет, потому что в следующем месяце ему будет не на что купить лекарства для Аси.

Машина, гараж, дачный участок — все это превратилось в драгоценные упаковки с ампулами геммотиамина. Только они еще поддерживали зыбкую жизнь дочери. Врачи разводили руками и... ничего определенного не обещали.

Уже полгода Ася была прикована к постели. Она незаметно угасала, перемещаясь из привычного мира в иной, призрачный, затягивающий ее все больше и больше. Тонкие руки с голубоватыми лунками ногтей неподвижно лежали поверх расшитого яркими цветами покрывала.

На удлинившемся личике жили только глаза, в которых колыхалось взрослое обреченное понимание конца.

Завтра Инспектор впервые совершит должностное преступление и возьмет деньги у «нетрадиционника».

Инспекция Специального Надзора отслеживала врачей, знахарей, колдунов, целителей и тому подобных нарушителей порядка. Законы строго запрещали заниматься нетрадиционной целительской практикой. Инспекторы выслеживали «нетрадов» и направляли в распределитель. Здесь задержанных подключали к сигматомолизатору. Если паранормальные способности целителя подтверждались, его отправляли в закрытый исправительный пансионат, в котором «нетрад» оставался до конца своих дней, постепенно угасая от психотропных препаратов. Если же задержанный оказывался обычным аферистом — его высылали из города вон.

Китаец был из первой категории — даже карманный сигматомолизатор Инспектора показал высочайший уровень эзотерического диапазона «нетрадиционника». Сегодня в восемнадцать пятнадцать Инспектор должен доставить «нетрада», на которого уже получена карта ордера, в распределитель.

Только теперь вместо китайца он привезет в распределитель безобидную столетнюю старуху из Окраинной Деревни. Ничего определенного на нее не было. Просто говорили, что она не такая как все. Странная. Данные подтасуют, старуху, разумеется, поместят в пансионат. О дальнейшей ее судьбе Инспектор предпочитал не думать. А завтра Сео-Сень привезет ему деньги. Много денег. Их должно хватить на полгода Асиной жизни.

Инспектор в отчаянии скрипнул зубами и, срезая дорогу, свернул в темный, загаженный людьми, собаками и голубями переулочек.

...Анна шла по узкой, как больничный коридор, улице. Здесь, в Окраинной Деревне, жизнь будто остановилась. Скупосыпанная щебнем дорога неуверенно петляла между щитовыми домиками мышинового цвета. Она то вспучивалась каменистой шишкой, то неожиданно подставляла под ноги идущему жилистый корень. Время от времени мимо Анны проносились загорелые дочерна подростки на трескучих, воняющих бензином мопедах.

Темные пыльные окна подслеповато тарачились из промежутков между косыми ставнями. В заборах, похожих на щербатые старушечьи рты, не хватало досок. Из-под ворот, как чер-

тики из табакерки, то и дело выскакивали черные, похожие друг на друга дворняжки. Одни старательно гавкали, отрабатывая свой скудный паек, другие пристраивались к пешеходу, умильно заглядывая тому в глаза в надежде на нечаянную подачку. Дома, заборы, палисадники. Если бы не таблички на домах, можно было подумать, что кружишь по кольцевой улице.

— Переулок Веры И., — вглядываясь в таблички, бормотала Анна, то и дело поправляя левой рукой спадающий с плеча ремешок сумочки.

В правой лежала пухлая безвольная ладонь дочери. Девочка покорно шла за Анной. На ее плоском, неподвижном лице теснились маленькие, бездумные, с сильной косиной глаза. Из уголка рта с толстыми вялыми губами сбегала дорожка слюны.

— Оставьте ребенка у нас, — предложили Анне семь лет назад в роддоме.

«Когда-нибудь синдром Дауна, обязательно научатся лечить», — подумала тогда она и забрала девочку.

Вот и колонка, выкрашенная наполовину в зеленый, наполовину в красный цвет. Значит, где-то здесь. Анна поискала глазами вывеску.

«Переулок Веры И., 13», — прочитала она на ржавой табличке, которая была похожа на

опрокинутый на спину полумесяц. Остальные буквы, вероятно, были смыты дождями.

Женщина толкнула тугую калитку. Калитка скрипнула и пропустила Анну с дочерью во двор.

Анна огляделась. Обычный приусадебный участок, засаженный цветами. У крыльца на широкой скамейке сидела сухонькая старушка с острым живым личиком. Она была забавно похожа на состарившуюся лисичку. Несмотря на тридцатиградусную жару, старушка была одета в черную стеганую безрукавку поверх растянутой блекло-лиловой кофты. Ноги в хлопчатобумажных чулках нелепо торчали из криво обрезанных по щиколотки сапог.

— Я к Наине! — поздоровавшись, сказала Анна. — Это ведь ее дом?

Старушка-лисичка доброжелательно кивнула и подвинулась, освобождая место рядом с собой. Анна тяжело опустилась на скамью, достала из сумки влажную салфетку и обтерла лицо дочери. Девочка стояла смиренно, исподлобья глядя перед собой застывшим, ничего не выражающим взглядом.

— За нами будете, — доброжелательно сказала «лисичка». — Я к Наине с внуком пришла.

Она повела подбородком в сторону. Возле грядки с желтыми садовыми ромашками стояла инвалидная коляска. Сидящий в ней мальчик лет пяти внимательно рассматривал солнечные личики цветов. Вокруг глаз мальчугана лежали болезненные тени, на голове топорщился короткий ежик волос.

— Меня Капа зовут, — неторопливо журчала старушка. — А внука — Ванечка. Он не ходит. Рак суставов у нас. Четвертая степень, неоперабельная.

Анна вздрогнула, а старушка спокойным ровным говорком принялась рассказывать о химиотерапии, об облучении, о переливаниях крови, о том, что диагноз поставили слишком поздно и что к Наине она привела Ванечку тайком от родителей. А Наина даже денег за прием не берет, так принимает! Вот и пошли с Ванечкой вроде как на прогулку, а сами сюда.

— Ты, детка, не горюй, — погладила старушка Анну по руке. — Наина всем помогает.

— Это не лечится, — вздохнула Анна и привлекла девочку к себе. Та прижалась к матери, продолжая смотреть в пространство свойственным лишь «даунятам» строго-блаженным взглядом.

— Наина все лечит.

— А чем... чем она лечит? Травами, заклинаниями? — с надеждой спросила Анна.

— Сказками. Все болезни, лечит, какие только есть. Но только у детишек.

— Вы что, шутите? Сказками? Все болезни — сказками?

— Стара я для вранья, — незлобиво ответила собеседница. — А только когда дите твое оттуда вернется, своими глазами увидишь. Я с утра сижу. Все видела. Побожиться могу. Сказками исцеляет.

Старушка мелко перекрестилась.

— С утра? Здесь что — очередь? — с недоумением оглядела пустынный двор Анна. — А мы даже не записаны.

— У нее все записаны, — сказала Капа. — К Наине попадают те, у кого уже надежды нет.

В эту минуту Ванечка поднял голову и замер, словно к чему-то прислушиваясь.

— Вот и нас зовут. — Капа, хлопая своими сапогами-калошами, подошла к внуку и, развернув, покатила кресло-коляску к дому. Анна помогла ей поднять коляску на крыльцо. Бабушка и внук скрылись за дверью. Через мгновение Капа вышла обратно.

— Не пускают. — Она обиженно сжала губы и села на скамью, непрерывно оципы-

ваясь, словно снимая с рукава кофты невидимые пушинки.

Повисло долгое молчание. Анна, прижав к себе дочь, не отводила взгляда от двери.

Наконец, спустя несколько томительных минут, дверь приоткрылась. В проеме показалась коляска. На сиденье никого не было! Дверь распахнулась во всю ширину, коляска тронулась с места и, докатившись до первой ступени, кувырнулась вниз. Капа вскочила и мелко перекрестилась. Анна тоже поднялась и затаила дыхание. На крыльцо неуверенно, но СВОИМИ НОГАМИ вышел Ванечка. Он медленно спустился с крыльца, подошел к клумбе с ромашками, сорвал несколько желто-белых цветков и уже почти бегом направился к оцепеневшей бабушке. Мальчик потерся щекой о ее руку и тихо засмеялся, прижав к лицу ромашки.

Анна смотрела на обоих расширившимися от изумления глазами.

— Знала, что вылечит внука, а ведь все равно от удивления онемела, — тискающая Ванечку и вытирая блестящую дорожку на морщинистой щеке, бормотала Капа. — Видели? И у дочки вашей все будет хорошо. Не сомневайтесь! Наина вам поможет.

Они вышли за калитку и, толкая пустое кресло с желтым букетиком на сиденье, зашагали по улице. Анна напряженно смотрела им вслед.

Вдруг она почувствовала, как вялая ладонь Ксении напряглась. Дочь выдернула свою руку из руки Анны, подошла к крыльцу и, неуклюже переставляя свои непропорционально короткие ноги, стала подниматься по ступеням.

Анна кинулась за дочерью. Но та уже скрылась в доме. Женщина рванула на себя входную дверь и погрузилась в густое молочно-белое облако. Она зажмурилась от неожиданности и задержала дыхание. Потом вытянула руки и пошла вперед. Наткнувшись на дверь, Анна толкнула ее и попала... во двор. Она словно сомнамбула спустилась по ступеням и пошла вдоль дома, заглядывая в темные, непрозрачные окна. Свернув за угол, Анна заметила, что створка одного из окон приоткрыта. Она встала на каменный бордюр и приподнялась на цыпочках.

В большой солнечной комнате находились двое. Одна из них — Ксения, вторая — приятная и, вероятно, очень древняя старушка в ярком атласном халате с улыбающимися драконами. Красивые седые волосы ее были

забраны на затылке и заколоты гребнем в форме тех же веселых крылатых ящеров.

— Иди ко мне, маленькая, — ласково сказала Наина, протягивая руки к девочке.

Ксения бесстрашно шагнула к старухе. Наина посадила ее на колени и открыла шка-тулку.

— Какая из них тебе нравится?

Ксения указала на что-то внутри коробки и вопросительно посмотрела на старуху.

— Бери ее. Она твоя, — кивнула Наина.

Ксения достала из коробки золотой диск. Диск в ее руке пульсировал, переливаясь сотнями огоньков-искр. Анне показалось, что в комнате включили радио. Полилась тихая ласковая речь. Ксения снова вопросительно заглянула старухе в лицо.

— Они взрослые. Не поймут, — погладила Наина девочку по голове. — Ну же, смелей!

Ксения поднесла диск, который не прекращал своего пульсирующего сияния, близко-близко к лицу и коротко засмеялась. Когда она опустила руки с диском, Анна вздрогнула от неожиданности. С лица девочки словно сняли застывшую уродливую маску. Близко сидящие глаза сдвинулись от переносицы к вискам и засветились любопытством, радо-

стью, лукавством. Редкие, сухие волосы загустели, заблестели живым глянцем. Мышцы лица стали подвижными, губы — тонкими, упругими.

У Анны внезапно закружилась голова. Держась рукой за стену, она вернулась к скамейке. Через минуту на крыльцо вышла дочь. У Анны не было сил встать. Ксения подошла к ней и, удивленно заглянув в ее мокрые от слез глаза, произнесла первые свои слова:

— Мамочка. Почему ты плачешь? Это было совсем не больно...

...Инспектор подошел к калитке и посторонился, пропуская улыбающуюся сквозь слезы женщину и живую, симпатичную девочку с сияющими, с легкой косинкой, глазами. Женщина не сводила с дочери глаз, а та, захлебываясь от переполнявших ее эмоций, тараторила:

— Принц и принцесса поженились и уехали в Розовую страну. А потом они жили долго-долго. И никогда не умерли!

Инспектор поднялся на крыльцо и открыл дверь. Маленькая, сумрачная комната едва ли отличалась от сотен таких же комнат в деревенских домах. Печь, стол из потускневшего дерева. На стенах — выцветшие от времени фотографии, в углу — иконы, на полу — само-

тканые половики. Железная кровать застелена кружевным покрывалом. Взбитые, покрытые пожелтевшим от времени тюлем подушки громоздятся в изголовье кровати. И никаких признаков живого человека. Ни шороха, ни запаха...

— Я знаю, вы здесь, — крикнул Инспектор. — Я должен вас задержать. Я жду! Ну же!

Не дождавшись ответа, Инспектор подошел к столу, накрытому малиновой плюшевой скатертью, и раздраженно взял в руки круглую плоскую жестянку с нарисованной на ней радугой. Баночка была похожа на старинную коробку монпансье. Под ней лежал тетрадный лист.

— Что за... — пробормотал Инспектор, трижды прочитав написанное. Он растерянно покрутил записку в руках, скомкал и сунул в карман. Затем взял плоскую баночку и приложил ее к уху. Ему показалось, что он слышит цокот копыт, переключку всадников, бряцанье оружия. Инспектор попытался открыть безделушку — она не поддавалась. Мужчина опустил коробку во внутренний карман пиджака и вышел из дома...

Ася спала. Накрытая все тем же пледом с экзотическими цветами, она казалась мраморным изваянием, так бледно было ее ли-

чико. Инспектор положил коробочку на одеяло, минуту постоял возле кровати дочери, тяжело вздохнул и вышел из комнаты.

Сквозь тяжелый, без сновидений сон-забытье Ася услышала удивительные звуки: где-то рядом звонко булькал ручей, пела радостная птица, бархатисто гудел шмель. Ася открыла глаза и увидела коробочку. Она взяла ее двумя руками и прижала к уху. Коробочка была теплой и тихонько подрагивала. Ася сняла крышку.

Тугой разноцветной струей восторженно рванулась к потолку освобожденная радуга, огибая кровать, весело зацокотал мелкий ручной дождик. Вокруг Аси, щебеча, запорхали крошечные птички колибри. Из пледа, словно из зеленой пушистой клумбы, пробились и протянулись к свету яркие маки, одуванчики и незабудки, вокруг которых с деловитым гудением кружил пушистый и полосатый как тигр шмель.

«В некотором царстве, в некотором государстве жили-были семь юношей, — зазвучал в комнате ласковый голос. — У одного кафтан был красного цвета. У другого — оранжевого, у третьего — желтого...»

Инспектор сидел в своем кабинете, откинувшись на спинку кресла.

«Странная старуха — думал он. — Очень странная. Откуда она знала?..»

Инспектор вынул из кармана скомканный листок бумаги, расправил его на столе. «Сергей Григорьевич. Это лекарство для Аси. Все будет хорошо», — было написано мелким изящным почерком.

Из глубины дома донесся радостный детский смех. словно кто-то провел мизинцем по крайним клавишам раскрытого рояля... Инспектор вздрогнул и уронил листок на пол. Что-то негромко скрипнуло — должно быть, дверь детской. Пара легких босых ножек живо прошлепала по коридору. В проеме двери блеснул хитрый глаз.

— Папочка, это я. К тебе можно?

Инспектор, вспотев от волнения, повернулся к двери. На пороге комнаты в длинной кружевной рубашке стояла Ася. Глаза ее горели, щеки разругались.

— Папочка, можно я сейчас же оденусь и сбегаяю к девочкам? — нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, затараторила Ася... — Я хочу им что-то показать! Они такого не видели! Я очень-очень счастливая, и у меня уже ничего не болит. Правда-правда! Ну, пожалуйста, папочка!!

— Да, конечно, конечно, детка, — едва со-
владав с дыханием, произнес Инспектор. —
А... что там было? Что было в коробочке?

Девочка взмахнула длинными рыжеваты-
ми ресницами и радостно засмеялась:

— Сказка, папочка. Самая замечательная
сказка! Такая, каких на свете не бывает!

Ася крутнулась на месте, костром взметну-
лись рыжие кудри. По коридору вновь весело
прошлепали маленькие босые ножки...

...Инспектор ошеломленно стоял у окна.
По его выбритым до синевы щекам катились
слезы. А над пустырем, еще вчера заросшим
лебедой и чертополохом, а сегодня сияющим
яркими пятнами маков, тюльпанов, ирисов,
упираясь бархатными основаниями в черные
колья забора, зыбко качалась многоцветная
радуга. Вокруг нее пестрым облаком носи-
лись шустрые маленькие птички колибри.
Тихо и ласково звучал в комнате забытый го-
лос мамы, которой не стало много лет назад:
«И они жили долго и счастливо. И никогда не
умерли».

Сбыча мечт

— Калиниченко, у тебя через час съемка! Координатор Вера подошла к Лешке и положила перед ним лист бумаги.

— Вот адрес. Информации мало. Дядька мутный, но что-то в нем есть. Профессор. Хранит у себя кучу булыжников, фокусы какие-то с ними показывает. До трех отстреляешься?

— Угу. — Лешка на секунду оторвался от сайта одноклассников. — Вер, не виси над душой! Сниму, смонтирую. Ты иди-иди!

Вера минуту помедлила, затем вздохнула и неохотно направилась в редакцию.

Через час водитель доставил Лешку и оператора Влада к дому профессора.

— Какой этаж? — хмуро спросил Влад.

— Третий. Квартира тринадцать, — ответил Лешка, заглянув в сопроводилровку.

— Слава Богу, не пятый, — пробурчал тот и, закинув штатив на плечо, направился к подъезду.

По квартире профессора уже шастали коллеги из «Прогресса» и «Студии новостей». Операторы жадно снимали шкафы, шторы, домашние тапочки со стоптанными задниками, круглые каменюки на полках, рыжего наглого кота с блудливыми глазами, который валялся на клавиатуре ноутбука, и самого героя программы — профессора геомагии Петра Ивановича Ильина. Ничего экстраординарного в профессоре не было. Усатый дядька с брюшком, в домашнем вязаном джемпере что-то вяло бормотал в микрофон.

«Зря приехал. Туфта полнейшая, — уныло подумал Лешка. — Ладно, выкручусь. Надо попросить его какой-нибудь фокус с этими камешками показать».

— Мысль — это спрессованная материя, — нудел профессор. — Только считается, что мысль витает в воздухе и воплощается силой разума во временной константе. По инерции. Но где тогда толчок, я вас спрашиваю?

Журналисты растерянно переглянулись.

— А вот вам ответ, — профессор обвел рукой шкафы с минералами. — В данном случае толчком и проводниками энергии служат агалиты. Они несколько веков вбирали энергетику Геи — земли — и теперь могут

излучать и материализовывать энергетику разума. Некоторые из них даже могут исполнять желания.

«Ох ты, елки, — мысленно ругнулся Лешка. — Профессор-то с приветом».

Телегерои со странностями в Лешкиной практике уже были. Одна бабка потребовала поздравить с днем рождения своего давно умершего родственника, а когда ей вежливо отказали, пригрозила, что пожалуется Президенту. А полгода назад в редакцию позвонил мужчина и сообщил, что на крышу его дома приземлился неопознанный летающий объект. Когда Лешка с оператором приехали снимать НЛО, выяснилось, что мужик вызвал бригаду, чтобы «попасть в телевизор».

— А вы можете сейчас продемонстрировать нам эту материализацию энергии с помощью ваших... агалитов? — спросил Костя — лысоватый журналист из «Студии новостей».

— Да, покажите нам какой-нибудь фокус, — поддержал коллегу Лешка, — нам для картинки несколько кадров отснять надо.

— Гм. Фокус? — озадаченно посмотрел на журналистов Петр Иванович. — Но я фокусами, знаете ли, не балуюсь. Хотя...

Он достал из шкафа небольшой плоский камешек.

— Есть добровольцы?

— Давайте я. — Лешка положил микрофон на стол и сделал знак своему оператору снимать видеоряд.

— Хорошо. Вы помните сказки, в которых при помощи волшебства исполнялись желания героев?

— Ну, «Цветик-семицветик», «По щучьему велению», «Старик Хоттабыч»...

— Замечательно! — Профессор протянул Лешке камень. — Действуйте.

— Что?

— Озвучивайте желание.

— Желание? — Лешка почувствовал себя полным идиотом.

Операторы «Прогресса» и «Студии новостей», прихрюкивая от удовольствия, снимали его крупным планом.

«Во, влип», — подумал Лешка.

— «По щучьему велению, по моему хотению...» — продекламировал он, взяв камень в руки.

— Можно обращаться к агалиту в произвольной форме, — улыбнулся профессор.

Операторы уже сползали от смеха под штативы.

— Ладно. Только что хоккей закончился. Мы опять пропустили! Хочу, чтобы в этой встрече «Трактор» выиграл! — буркнул Лешка.

В этот момент он почувствовал, что камень стал нагреваться. А минутой позже увидел, что на белой плоскости проявились слова: «“Трактор” — “Металлург” 3:0».

— Что там? — заерзали коллеги, заметив, что Лешка изменился в лице. Тот показал им надпись.

— Ух, ты! — воскликнул Костя. — Шурка, снимай! А что, наши и вправду выиграли?

Он вытаскил сотовый и набрал номер редакции.

— Оль, спроси у Сереги, кто выиграл в сегодняшней встрече... Ага... А с каким счетом?! А-бал-деть!

Костя нажал кнопку отбоя:

— Точно. «Трактор» выиграл. 3:0.

— А можно мне? — Оператор «Прогресса» Антон протянул руку за камешком. — У меня вопрос жизни и смерти!

— Можно. Но, учтите, запас энергии у агалитов не бесконечен!

Антон почесал подбородок и сказал:

— Хочу, чтобы меня отправили на съемки в Японию.

Он долго изучал камень, затем показал его компании: «Ваша кандидатура утверждена. Вылет через неделю».

— Бред! Должен наш Матвеев лететь, — возмущенно засопел Костя.

В этот момент раздался звонок мобильного. Антон выхватил из кармана телефон, выслушал какую-то информацию и, победно оглядев коллег, произнес:

— Звонил зампред, спрашивал, есть ли у меня загранпаспорт. А Матвеев твой ногу сломал!

— Дай мне, — нахмурился Костя. — Сейчас для чистоты эксперимента — событие, которое по определению произойти не может.

Он взял в руки агалит и, поднеся его к губам, что-то прошептал.

— Э-э-э, так нечестно, — возмутился Лешка. — Для чистоты эксперимента нужно загадывать вслух!! Говори быстро, что загадал?!

— Не твое дело, — буркнул тот, потирая макушку.

— А что, все камни такие? — возбужденно спросил у профессора Лешка.

— В той или иной степени.

— А вы не боитесь, что какой-нибудь из них украдут?

— Так и крадут, — рассмеялся профессор.

— И что?

— На следующий день возвращают. Материализация желаний, знаете, штука непредсказуемая...

Задав профессору еще несколько вопросов, Лешка незаметно приблизился к шкафу и, воровато оглядевшись по сторонам, цапнул с полки крошечный агалит.

Телевизионщики распрощались с профессором и вышли на улицу. Уже садясь в машину, Лешка посмотрел на Константина. Журналист стоял к нему спиной и сосредоточенно ощупывал макушку, заросшую густыми кудрявыми волосами.

— Ух ты! А еще час назад Костян с затылка совершенно лысым был! — ахнул Лешка и погладил лежащий в кармане агалит.

О камешке Лешка вспомнил поздно вечером, когда вернулся домой после съемок. Он взял агалит в руки.

— Хочу миллион евро! — приказал он камешку.

Ничего не произошло.

— Жулик профессор! — огорчился Лешка. — Головы нам заморочил своими камнями. Мысль материальна! Аферист.

«Ладно, — подумал он, пряча камень под подушку. — Сюжет получится забавный, а что еще журналисту надо. Кстати, надо бы сказочную литературу перечитать. Вдруг завтра кто-нибудь, к примеру, спросит, в какой сказке и у какого сказочного персонажа при разговоре изо рта монеты выпадали?»

...Проснувшись по сигналу мобильного, Лешка вскочил, убрал постель, сварил кофе. Достав камешек из-под подушки, он рассеянно покрутил его в руках и небрежно бросил в сумку.

— Так, что у нас сегодня? Выставка картин, спектакль и конференция в управе. Значит, до самого вечера. Он тяжело вздохнул и, взяв сумку, направился на студию.

... — Леш, дай координаты пресс-службы губернатора. — Влад сидел за компьютером и вяло бродил по сайтам.

— Зачем? — спросил Лешка и почувствовал во рту инородное тело.

«Что за...» — он выплюнул изо рта новенькую блестящую монету номиналом в копейку, затем еще две.

— Надо. Ты что молчишь. Язык проглотил?

— Да не язык, блин! — выругался Лешка, выплевывая еще четыре монетки.

— Тебе что, лавры вчерашнего фокусника спать не дают? — ехидно захихикал Влад.

— Иди ты! — Еще две монетки появились под языком.

«Что за хрень! — с ужасом подумал Лешка. — Мне все это кажется? А может, я вечером засунул в рот пригоршню копеек и заснул?! А теперь они выпадают!»

— Леш, у тебя выезд через полчаса. Ты не забыл? — В кабинет заглянула Вера.

— Я не забыл! — рявкнул Лешка. — Но я не могу ехать на эту чертову съемку, потому что этот чертов профессор... — Лешка выплюнул в ладонь несколько мокрых монет и выскочил из комнаты.

— Леш, ты тут? — В мужской туалет заглянул Влад.

— Тут, — слышалось из кабинки.

За дверью что-то звякнуло.

— Леш, ты у профессора ничего из квартиры не брал?

— М-г-м-м.

— Мне только что позвонил Костя из «Студии новостей». Он утащил у этого чокнутого

какой-то булыжник. И теперь не может выйти из дома.

— Почему?

— Пляшет.

— В смысле? — Лешка распахнул дверь в кабинку. Прямо в брюках он сидел на крышке унитаза, держа на ладони пригоршню облюбованной мелочи.

— Я не совсем понял. Но вроде бы в камне играет музыка, а он под нее пляшет впрысдаку. И остановиться не может.

— Офигеть!

— А ведь ты тоже влип?

— Влип. Из рта мелочь сыплется.

Лешка высыпал копейки в карман.

— Ага, — задумался Влад. — А там тебя Верка ищет.

— Влад, скажи, что у меня диарея, птичий грипп, стригущий лишай! Придумай что-нибудь!

— А может, и правда врача вызвать?

— Ты в своем уме?

— Да, это я как-то не подумал. Надо к профессору ехать! Другого выхода я не вижу. Он же сам сказал, что камни на следующий день возвращают.

Через полчаса друзья стояли у дома профессора. Не успел Лешка протянуть руку к двери, как к подъезду подъехало такси. Из него, танцуя вприсядку и шлепая себя покрасневшими ладонями по ляжкам, вывалился Костя.

— Тоже агалит спер? — обреченно спросил он мрачного Лешку.

Троица поднялась на третий этаж и замерла перед белой стеной.

— Блин, мы что, не в тот подъезд зашли? — ритмично приседая, простонал Костя.

— Нет. Дом тот. Подъезд тот. И этаж тот — видишь, царапина на стене — это я вчера штативом процарапал.

— А где квартира?

— Н-н-нету.

— А вчера была! Квартира номер тринадцать. Точно помню.

— На этаже по четыре квартиры. Значит, тринадцатая на четвертом, — сообразил Лешка, выплюнув очередную партию медяков на пол. — Мы этаж перепутали!

Троица поднялась еще на один пролет.

— Начинаются с четырнадцатой, — упавшим голосом сообщил Костя.

Компания снова спустилась на третий этаж.

— Заканчиваются на двенадцатой, — эхом отозвался Лешка. — Все, триндец нам, Костян! Черт бы побрал эти кирпичи! — Он достал из кармана камень и в сердцах шарахнул им об стену. Камень с сочным чваком вплавился в оштукатуренную поверхность и пропал.

— Что за... — начал было Лешка, но тут же замолчал, сосредоточенно шаря языком во рту. — Прошло, вроде, — неуверенно сообщил он собеседникам.

— Пусти меня, — нервно потребовал Костя, пританцовывая на месте. Он достал плоский, похожий на морскую гальку агалит и с силой запустил его в стену. Камень мгновенно «утонул» в бетоне.

— Вот это да, — покачал головой Влад. — Это что же такое было?

— Мотать надо отсюда, — прошептал Лешка и, вытряхнув на лестничную площадку мелочь из кармана, опрометью бросился вниз по лестнице. Следом за ним неслись Костя и оператор.

Выскочив из подъезда, парни столкнулись с Антоном Градовым — корреспондентом «Прогресса».

Лицо того было белым, как известка.
На спине под плащом топорщился горб.

— И ты, Брут, — ехидно заметил Костя.

Антон, не здороваясь, скользнул в подъезд. Входная дверь захлопнулась, стукнув журналиста по спине. Из-под плаща на землю выпало несколько больших белых перьев.

Наутро жильцы пятьдесят восьмого дома, недоумевая, выметали с площадки третьего этажа груды белых перьев, а бабушка из двенадцатой квартиры терпеливо собирала с полу монетки номиналом в копейку. Мелочи набралось около четырех рублей. Старушка сходила в магазин и купила себе глазированный сырок.

Кстати, сюжет о профессоре в эфир так и не вышел. Он просто исчез. Должно быть, кто-то из режиссеров по ошибке удалил его из «фабрики новостей». А Лешка на съемках теперь старается ни к чему не притрагиваться.

История одного побега

«Бумм-бух-бух! Бумм-бумм-бумм». Маргарите казалось, что по ее темени битый час колотят чугунной сковородкой. Маятник боли с хрустом перемещался от одного виска к другому. «Бумм-бумм-бу-бумм-тр-р-ах».

От этого можно было сойти с ума!!!

...Можно, если бы Маргарита и так не была пациенткой психиатрической больницы. Вот так еще денек постучат, и уже не придется доказывать, что она абсолютно здорова. А она здорова! Или, по крайней мере, была здорова, до тех пор, пока Маргаритин гражданский муж и его мамаша ее, Маргариту, сюда не определили.

Она слышала голоса. Точнее — один-единственный голос. Он «включался» неожиданно. Ласковый шепот успокаивал ее, говорил, что Маргарита — самая прекрасная женщина во вселенной, рассказывал о причудливых туманных цветах, о смеющихся птицах. Вот

только напрасно однажды Маргарита обмолвилась об этом мужу. На следующий день приехали мрачные бритоголовые типы в неопрятных халатах, запихнули ее в машину и увезли в психиатрическую лечебницу, куда помещали умалишенных со всей области.

За окном, перекрикивая отбойник и громыхая люлькой, галдели рабочие. Снаружи торцевую стену пятиэтажного здания убрали под гигантский пластиковый плакат. На нем была изображена большегрудая блондинка, почему-то косящая на один глаз, и непропорционально сложенный толстый младенец с лицом олигофрена. Художественное произведение должно было символизировать счастливое материнство, одновременно скрывая от нескромных взглядов забранные под решетки окна.

Маргарита лежала на кровати, плотно прижав к голове подушку. Можно было, конечно, пойти в холл, где больные смотрели телевизор, но она не могла себя заставить хотя бы минуту провести в обществе этих людей. Она их боялась. Маргарита даже в столовую приходила позже всех, садилась за пустой столик, брезгливо протирала ложку платком и только тогда приступала к еде. На прогулке старалась

сесть на свободную скамейку. А если скамейки были заняты, просто гуляла по аллеям крошечного зимнего сквера. Территория больницы была огорожена высокой каменной стеной. Маргарита слышала разговор двух больных о том, что по верху стены пущен электрический ток и бежать отсюда невозможно. Наверное, так оно и было. Только, скорее всего, никто отсюда бежать и не собирался — зачем?

Тридцать три страдальца без прошлого, будущего и настоящего, живущие в межмирье. Маргарита была одной из этих тридцати трех. Будущего не было, о прошлом думать не хотелось, настоящее было кошмарно...

Единственный человек, с которым Маргарита могла заставить себя общаться, — соседка по комнате Лиза. Тихая, заторможенная женщина, постоянно кутающаяся в несколько пуховых платков, она плакала по ночам, еще глубже погружая Маргариту в состояние черной депрессии.

Шум за окном, наконец, прекратился. Маргарита сбросила подушку с головы и вытянулась на кровати. В комнате было темно. Еще утром, когда полотнище растягивали по наружной стене, гуляющая по больничному двору Маргарита заметила, что их окно пере-

крывает глаз тучного младенца — круглый, пустой, ничего не выражающий.

Лиза на новое положение вещей реагировала вяло. Вот и сейчас она зашла в темную комнату, не зажигая света, уселась на кровать и принялась молиться плачущим голосом.

«Зачем — думала Маргарита. — Ведь Бога нет. А вот дьявол существует, — иначе откуда эти нечеловеческие муки?!»

Лиза закончила молитву, повозилась немного и затихла.

В комнате было душно. Маргарита поднялась, подошла к окну и потянула на себя тугие створки. Затем достала из кармана халата крошечный перочинный нож, закамуфлированный под брелок-яблоко. Он выглядел так безобидно, что санитары и врачи не удосужились его отобрать при оформлении женщины в больницу.

Крест-накрест она прорезала ненавистное полотнище, и теперь, придерживая руками пластиковые лоскуты и дыша полной грудью, смотрела сквозь решетку на заснеженный город, быстро погружающийся в чернильную глубину вечера. На черных коробках домов одна за другой появлялись желтые заплатки. Маргарита зажмурилась, вдохнула свежий

морозный воздух, затем открыла глаза... и оторопела... Не было привычной решетки, заснеженной улицы, каменной стены. Ничего этого не было. Не было даже высоты, с которой можно было смотреть на вечерний город. Был сад. Буйный, шальной тропический сад с невиданными цветами и деревьями, а в просвете между стволами полыхала пронзительной лазурью живая плоть моря.

Маргарита охнула и отступила в глубину комнаты. Когда через мгновение она подошла к окну — все было как всегда. Бурый от грязи двор, освещенный тусклым фонарем, несколько домов поодаль и серый снег до горизонта.

Утром она все рассказала Лизе.

— Галлюцинация, — равнодушно ответила та. — Обычное дело. Мозг разрушается. И лекарства довершают разрушение. Скоро станешь растением.

— Но я видела это все так же реально, как тебя.

— Значит, процесс зашел слишком далеко.

Вечером Маргарита едва дождалась, пока за Лизой закроется дверь, и подошла к окну. Она не торопилась. Посчитала пульс. Затем медленно, очень медленно открыла окно и, протя-

нув руку сквозь решетку, отвела пластиковую ткань в сторону. Тут же, прямо на глазах, истаяла решетка. Это был уже не двор психиатрички, а выход в сад. Нужно было всего лишь забраться с ногами на подоконник и спрыгнуть в заросли синих высоких цветов, которые одуряюще пахли детством и сладким счастьем...

Маргарита, не колеблясь, встала коленями на подоконник и, перекинув через него босые ноги, легко спрыгнула в сад. Из-под ног цветной россыпью брызнули бабочки и крохотные бархатнокрылые птицы. Осторожно ступая по теплой тропинке, Маргарита направилась туда, где зыбко колыхалась густая синь. Юркий ушастый зверек с розовой шерстью немедленно прыгнул к ней на плечо и, уткнувшись холодным носом в густую гриву Маргаритиных волос, довольно заурчал. У кромки воды женщина остановилась и, присев на корточки, дотронулась до живой мерцающей плоти. Все было настоящим — и белый, прозрачный песок, и море, и птицы, задевающие крыльями пряди волос. Розовый зверек спрыгнул с ее плеча и, побрякивая от удовольствия, принялся купаться в песке. Маргарита что-то звонко крикнула и, скинув рубашку, метнулась в прибой. Гигантская ласковая ладонь подхватила ее и понесла вдоль берега.

Наконец, сияя перламутровыми капельками, белокожая и счастливая, выбежала она на берег, подошла к дереву, в развилке которого устроился ее розовый спутник. Тот вытянулся и доверчиво подsunул голову под руку женщины. Маргарита засмеялась и принялась его гладить. Зверек напомнил соседского кота Барсика.

— Здравствуй, — услышала она и оглянулась. Неподалеку от нее в нерешительности застыл смуглый мужчина с длинными волнистыми волосами, собранными в хвост. Мужчина тоже был наг. Маргарите не показалось это ни странным, ни бесстыдным. Она и сама не ощущала своей наготы.

Мужчина и женщина смотрели друг на друга. Долго. Целую вечность...

Внезапно нахлынула тревога, Маргарита поняла, что пора возвращаться. Покидать это удивительное место не хотелось, но она не могла противостоять неведомой силе. Маргарита подняла рубашку и, надев ее, пошла по тропинке, опираясь на руку незнакомца. Тропинка привела к одноэтажному крошечному зданию. Одно из окон было распахнуто.

— Ты вернешься? — спросил он.

«Я постараюсь, — подумала она. — Очень постараюсь!»

— Я буду ждать. Это твой мир. Ты должна вернуться.

Он помог ей забраться на подоконник.

В комнате было темно и тихо. Маргарита добрела к кровати и упала, уткнувшись пылающим лицом в подушку. Минутой позже вошла Лиза и включила свет.

— Лиза, понимаешь... Только что я была в волшебном саду. Там было море... птицы, бабочки... Он за окном. Ты можешь завтра сбежать туда вместе со мной. Там прекрасно. Там свобода, счастье, радость...

Лиза подошла к окну, с усилием открыла раму и, протянув сквозь решетку руку, отвела в сторону ткань.

— Ну что?

— Ничего. Холодно. Снег идет. Тебе хорошо, теперь ты сможешь погружаться в мир иллюзий. А у меня так не бывает. Я абсолютно нормальна.

— Вот — посмотри, это оттуда. — Маргарита протянула соседке стебелек с голубыми капельками бутонов.

— Это ты в оранжерее сорвала? Не надо было этого делать! Если одни будут рвать

цветы, другим не останется даже маленькой радости!

Утро и день прошли как в тумане. Маргарита едва дождалась вечера. Как только стихли шаги соседки, она подбежала к окну и легко спрыгнула в сад. Ее уже ждали.

— Вот и ты! Бежим к морю! Там отлив и много больших красивых раковин. А потом мы уплывем вместе с дельфинами на острова. Идем же!

Маргарита обернулась. Окна, из которого она выбралась, не было. Не было и дома — ни одноэтажного — того, который она видела в прошлый раз, ни пятиэтажки с плакатом. Ни зимнего вечера. Деревья, цветы, розовые стрекозы, крошечные птицы, похожие на пушистые звезды... А, может быть, той другой жизни никогда и не было!

— Да, да, конечно, бежим к морю, — радостно засмеялась она.

Они взялись за руки как дети и, едва касаясь травы, стремительно понеслись к морю. Розовая зверушка планировала, перепрыгивая с дерева на дерево. Вокруг карнавально кружили разноцветные бабочки.

Ночью из психиатрической больницы номер пять бесследно исчезла пациентка. Са-

нитары сбились с ног, обыскивая здание. Был допрошен весь персонал, в том числе вахтер и сторож. В один голос они утверждали, что ночью из больницы никто не выходил. И действительно, ни одного следа не оказалось на белой простыне выпавшего за ночь снега.

И муж, и свекровь Маргариты были уверены, что та сбежала, подкупив нянечку, и подключили к этому делу частных детективов. Дело окончилось ничем и невозможностью присвоить алчными родственниками имевшиеся в собственности Маргариты квартиру в центре города и дачу в пригороде.

В палате было темно и душно. Разрез в пластике залатали, палату обыскали, и не найдя у Лизы никаких острых предметов, пригрозили наказать за попытку еще раз порезать пленку.

Лиза и не собиралась этого делать. Она привыкла к своей жизни по эту сторону пластикового плаката. И лишь изредка доставала из журнала сплюснутый цветок с капельками голубого неба и моря, подносила его к лицу и вдыхала запах неведомых тропических трав, цветов. А ночью в полусне ей чуди-

лись голоса, один из которых был очень похож на голос ее бывшей соседки.

— Эгей! Икар! Догоняй!

— Маргарита, ты прекрасна! Тебе очень идут твои новые крылья.

— Я знаю, Икар! А теперь летим к радуге, ну, кто быстрее?..

Конец света никто не отменял

В ночь на 26 декабря 2012 года инженеру Арсению Кудилихину приснился конец света.

Конец света в его сне пришелся почему-то на середину августа. Арсений договорился с соседом по гаражу Павлом Евгеньевичем Раковым поехать в Архангельское на рыбалку. Приятели благополучно загрузились в автобус со всем своим рыбацким снаряжением, причем во сне Арсений похвалил себя за то, что догадался захватить новые болотные сапоги. Внезапно сон подло прервали на середине, а затем он продолжился уже с другого эпизода.

Арсений, почему-то уже босиком, брел по дымящей свалке, все вокруг было заляпано широкими лужами чернильно-смоляного цвета. Вдруг подул бешеный ледяной ветер. Он душил, сшибал с ног, и все это происходило в жуткой ватной тишине. Люди, соннувшись, брели против ветра, наступали

в черные лужи, стремительно и бесследно уходили в их антрацитовую хищную глубину — словно в расплавленный пластилин. Внезапно выглянуло ласковое теплое солнце, ветер стих так же внезапно, как начался. Арсений, словно камень, выпущенный из пращи, рванулся вперед, пробежал по инерции несколько метров, врезался в дерево... и проснулся.

«Что-то произойдет, — мрачно подумал он, сбрасывая одеяло на пол. — Не зря на сегодня малахольные астрологи назначили конец света. Какая-то дрянь непременно случится. Либо горячую воду отключат, либо жена от своей мамы на неделю раньше срока вернется».

Арсений оделся и, нащупав в кармане пиджака последнюю сотню, отправился в магазин за чекушкой.

Войдя в знакомый отдел, мужчина привычно подошел к полке с шеренгами бутылок и протянул руку за вождеденной «Столыпинской».

В этот момент что-то негромко щелкнуло, воздух сгустился, завибрировал, заколыхался бурой медузой...

Арсений оцепенел.

Снова что-то щелкнуло и зашипело.

Он нервно потряс головой, затем подошел к раздаточным лоткам и принялся жадно хватать еду и запихивать ее в сумку. Наконец, убедившись, что в сумку больше ничего не помещается, выбрался наружу.

Внезапно вспомнил тренировочный сон — как он выбирается из зябы на поверхность, как внезапно над головой появляется слепящий и обжигающий стусок энергии. Ледяной живительный вихрь стихает, а все пространство вокруг начинает обугливаться под смертельными желтыми лучами.

Отгнав жуткую картину предсказанного правцами конца света, холоднокровный сумчатый флюмирк несколько раз щелкнул кожистым гребнем. Затем сложил его на спине, фыркнул и облегченно нырнул в черную прохладную зябу. Пора было меграрить.

Иже еси на небеси

Гилу готовился к последнему переходу. Торжество было назначено на послезавтра. Истекал жизненный цикл, отпущенный ему, почетному жителю планеты Циола. Пятьсот лет — срок немалый. Гилу был одним из первых звездолетчиков планеты. Но из его ветхой памяти время беспощадно стерло почти все... даже то, что с ним происходило всего лишь век назад.

Циола считалась благополучнейшей из планет. Все социальные слои располагали своими законными сроками жизни, и порядок этой иерархии не нарушался веками. Жаль только, что за эти века на планете почти полностью исчезла растительная жизнь. Именно поэтому главной наградой для жителей планеты было пребывание в Зеленом заповеднике.

Гилу был в заповеднике трижды. Два раза его награждали этим правом на Галактиче-

ском совете. Один раз он даже возил туда десятилетнего сына. Тигг с тех пор сильно повзрослел. Ему шел второй век. Он стал преуспевающим финансистом, и не было ни одной проблемы, касающейся финансовых операций, которую бы он не мог решить.

Отец и сын беседовали в закрытом блоке. Гилу сидел в аэродинамическом кресле, задумчиво перелистывая старинную книгу, — у него в библиотеке имелось несколько хорошо сохранившихся раритетов.

— Отец, ты доволен подготовкой к переходу? Ты прожил счастливую жизнь. Тебе, должно быть, нечего желать.

— Да, я ухожу довольным. Почти... — Гилу надолго замолчал. — Хотя, сын, что такое, в сущности, счастье? Ученые так и не выяснили природу этого состояния. Сейчас мне кажется, что я счастлив, а через минуту — нет. И я не помню, было ли у меня счастье — настоящее, долгое, ощутимое... хотя, постой, было! Точно, я когда-то был полностью счастлив... Это было четыреста семьдесят пять лет назад. Когда ничего этого, — Гилу обвел рукой пространство вокруг себя, — не было. Я жил в... как же оно... да, я жил в *деревне*

далеко отсюда, и я не был тогда почетным гражданином планеты. Я был *пастухом*.

— *Пастухом?*

— *Пастухом*, — задумчиво повторил Гилу и тихо закашлялся-засмеялся. — У меня было стадо — десять рыжих ленивых *коров*. Ты видел этих животных на древних фильмографиях. Они паслись на лугу — там было много травы, такой же, какую ты видел в Зеленом заповеднике. А потом коров доили. Они давали вкусное белое молоко.

— Но разве молоко изготавливают не из нефти?

— Теперь — да, а раньше его давали коровы. А по воскресеньям я ходил в *церковь*. Это такой дом из примитивного растительного материала. Там собирались люди в красивых одеждах. Они *молились*... пели, просили Бога им помочь. И Он всем помогал, исполнял все желания. И там горели настоящим огнем тонкие белые *свечи*...

А потом я шел по улице, и в воздухе пахло *сиренью* — пышные кудрявые кусты были выше человеческого роста. Я ломал ветки, а лиловые цветы пахли так, что хотелось плакать. Серые опрятные старушки сидели на лавке в палисаднике, а в руках у них мелька-

ли железные палочки-спицы... девушки смеялись и грызли черные семена желтых цветов, а парни играли на... такой штуке с мехами... на гармошке. Они ходили по деревне в сапогах из кожи животных... у меня тоже были такие сапоги. Знаешь, мне кажется, что именно тогда я был по-настоящему счастлив. Жаль, что это теперь недостижимо. Юношей я уехал в город и больше никогда не возвращался в то место. Это на другом конце планеты. Должно быть, там сейчас высятся мегазаводы, а тех людей нет уже три века. Тогда продлевали жизнь только избранным... Ладно, сын. Я устал. Включи биосон.

— Хорошо, отец.

— Кстати, не будь таким серьезным. После завтра, в день похорон, ты должен выглядеть счастливым. Спокойной ночи, сынок.

— Спокойной ночи, папа.

Гилу проснулся от мелодичного чистого звука. «Донн-динь-донн-данн...» Он открыл глаза и застыл в изумлении. Пена тонкого постельного белья на высокой кровати с железными спинками. Углы кровати были украшены блестящими шарами. Одного не хватало... Три подушки, абсолютно не похожие на

гелевые пластины, возвышались в изголовье. Беленая стенка сияла чистотой, на окнах полоскались ажурные полотняные занавески, на круглом деревянном столе, покрытом бархатной скатертью, стоял стакан с ландышами. Цветы тонко, пронзительно пахли. Гилу опустил босые ноги на пол и ощутил приятное тепло прогретых солнцем половиц.

«Не может быть, — подумал он, подходя к окну, — это не биосон — слишком все реально — ощущения, звуки, запахи... но каким образом?»

По улице, поднимая пыль и взмыкивая, прошествовало стадо коров. Последней плелась щуплая комолая коровенка с выжженным клеймом на боку.

«Майка», — подумал Гилу.

Машинально он снял со спинки стула расшитую рубаху. Провозился с ней довольно долго, оказывается, он совсем забыл, как застегиваются пуговицы. На трясущихся ногах Гилу вышел на улицу. В палисаднике грелась на солнышке улыбчивая старушка в белом накрахмаленном платке. Гилу рассеянно поздоровался с ней и подошел к цветущему кусту сирени. Притянув фиолетовую гроздь к лицу, он замер. Сирень была такой же, как

тогда. И улица была такой же. И бабушку эту он помнил, она часто угощала его творогом и сметаной. Словно сомнамбула, шел он по деревенской улице, узнавая дома, колодцы, канавы, заросшие пыльным подорожником... А осенью в канавах появятся рыже-полосатые волнушки с бархатными оборками.

Гилу спустился к реке, побрел по скрипучим мосткам. Заглянул в полузатонувшую бочку с проржавевшим обручем. Из бочки выпрыгнула толстая буро-зеленая жаба и тяжело поплюхала в камыши. Гилу присел на бурые доски и опустил ноги в воду. В мутно-зеленой глубине мелькали гибкие рыбки стального цвета. Одна из них подплыла поближе и щекотно ткнулась в ступню. Гилу засмеялся и отдернул ногу. Он всегда боялся щекотки. Через несколько минут он вновь шел по знакомой деревенской улице.

Вот и церковь. Задыхаясь от волнения, Гилу зашел в невысокое деревянное здание и застыл у порога. Пахло ладаном и свечами. «Отче наш иже еси на небеси», — тянули певчие... Гилу видел только их спины, но четко знал: вот справа — это дед Камилл, рядом — его дочка-горбунья... Молитва смешалась, теперь Гилу не разбирал ни слова, под

куполом раздавался лишь невнятный гул. Он присел на моленную скамью и, блаженствуя, неспешно провел взглядом по темным лицам святых, обрамленным в позолоченные оклады, по искусным витражам, по волшеб-но расписанному куполу. Эхо голосов, отражаясь от стен и витражей, металось между клиросом и хорами. Пыльные паутинки солнечных лучей протянулись из окошка к коленям Гилу.

Заснул он совершенно счастливым и проснулся на следующий день за час до официальной смерти. Рядом сидел сын.

— Ты знаешь, произошло чудо! — прошептал Гилу. — Я испытал такое счастье, которое и представить себе невозможно. И знаешь, все ценности Циолы — право, ничто по сравнению с этим миром, который совершенно бесплатно дарит это блаженство. Если бы у меня было в запасе хотя бы несколько лет, я бы вернулся туда и остался там до конца. Но даже один день... Он был прекрасен. Сын, я ухожу счастливым. Прощай!

— Прощай отец. Я рад.

Гилу закрыл глаза. Все закончилось. Тигг проводил капсулу с телом до криотория и вернулся в свой блок. Завибрировал теле-

вик на запястье. В окошечке высветилось изображение главного банкира планеты Эига.

— Тигг, я закончил расчеты. Сумма — три четверти твоего состояния. Ты не жалеешь?

— Нет. Ведь это мой отец. Когда-нибудь мой сын сделает это для меня. Было сложно?

— В общем, не очень — коровы-андроиды, люди-андроиды. Животные, птицы, цветы — это полдела. Самым сложным было изменить маршруты межпланетников и перевести их на другие посадочные площадки. И еще... мы просканировали его память и смогли извлечь все до мельчайших деталей — звуки, формы, запахи. Но не сумели полностью восстановить молитвенную песню в храме, поэтому все так быстро закончилось...

— Понятно. Спасибо. Деревню демонтируйте, космопорт восстановите... а что это за молитва?

— Это песнопение на церковном языке, я не смог найти текст ни в его памяти, ни в старых фильмограммах. Я свободен?

— Да... благодарю.

Тигг подошел к гигантскому, во всю стену окну. До самого горизонта тянулись однотипные высотные здания серого цвета, сливаясь и тая за пыльной тяжелой завесой. Над

городом висел серый смог... Тигт шагнул назад и наступил на белый предмет цилиндрической формы. Он поднял длинную восковую палочку... Понюхал ее, потом поднес к ней браслет. Палочка задымилась, затем замерцала живым теплым пламенем. Вдохнув тревожный незнакомый запах, Тигт подумал: «Наверное, в свой последний день я попрошу сына...»

Не отрывая взгляда от танцующего пламени свечи, он стоял у окна, уже не замечая уродливости переполненного людьми и андроидами города. Он закрыл глаза и неожиданно услышал-ощутил незамысловатую старинную песню-молитву: «Да святится имя твое, да пребудет царствие твое, да будет воля твоя яко на земли, так и на небеси...»

Планета для Адама и Евы

Создатель дымился от злости. Это же надо! Провалить такой эксперимент!

Когда он вскрыл криофаг, его взору предстало тщедушное бронзовотелое существо с хилыми верхними конечностями, которые заканчивались недоразвитыми розовыми щупальцами. Неправильной формы череп венчала рыжая поросль.

— Оп-па, — только и сумел произнести Создатель. — Вот тебе и подруга жизни по образу и подобию... Где же я ошибся, где напортачил?! Я же несколько раз перепроверил все расчеты.

Его взгляд упал на Адама, который усердно чистил скребком дорожки из пластерита.

Когда три цикла назад к Создателю привели маленького уродца, найденного в космосе, он оторопел. Такого потрясающего безобразия он не встречал ни разу за всю свою жизнь. Даже в зооколонии на Исхепцероне.

Создатель от неожиданности выпустил из рук колбу с реактивом шерстистости млекопитающих. Колба упала в террариум с опытными экземплярами и разбилась. Мир внешне пополнился волосатой черепахой, парнокрылым травром и аквамариновым шерстодавом.

— Адам!!!

Урод встрепенулся и на суставчатых конечностях метнулся к Создателю.

— Ты прикасался к поливиру?

— Нет, Создатель.

— Лжешь! Ты прикасался к поливиру!

— Прости, Создатель!! Я облокотился на клавиатуру. Но, клянусь, это получилось случайно. Я больше не буду!

— Кретин! Недоумок! Ты сорвал эксперимент! Теперь мне понадобится больше двух циклов, чтобы создать идеальную особь. Посмотри, что ты наделал! — Создатель грубо ткнул Адама в спину. Тот, пролетев по инерции несколько шагов, налетел на криокапсулу — продолговатый циркониевый ящик — и остолбенело уставился внутрь.

— Что, самого оторопь берет?! Мтырь криворукий! Видеть не могу твою гнусную физиономию! Завтра же отправлю тебя на

Флору. Причем с билетом в один конец. Ты понял?!

— Ясно, Создатель... я все понял, — Адам неуклюже потоптался у криофага и хрипло добавил: — а я могу забрать ЭТО?

— Ты меня очень обяжешь, — раздраженно буркнул Создатель, окуная руки в озоновое облако. — Мне отбраковка не нужна.

Адам с готовностью ухватился за ручки криофага и покатил циркониевый ящик к выходу.

— Имей в виду, — бросил вслед ему Создатель, — попытаешься вернуться на Райаду — дезинтегрирую. Изыди!

Адам тихо скрылся за дверью.

— ...А нечего было в поливизор лезть, — буркнул Создатель, уже погружаясь в привычные вычисления.

Информация о планете Флора была туманной и не самой оптимистичной.

— Цикл, если повезет — полтора, — сочувственно сообщил Адаму консультант по колониальным ссылкам. — И то, если сумеешь выучить язык флориолов. Но его тебе не выучить ни в жизнь. Даже не пытайся. Знаешь, сколько таких, как ты, жидкомозгих

приговорила эта миленькая планетка... Там ни один райадец не выживал.

— Я не райадец. Я даже не знаю, откуда я, сколько мне циклов, кто мои родители. Меня подобрали на орбите Райады. Создатель сказал, что я был заключен в скорлупу, опутанную высохшими ядовитыми растениями. Возможно, меня просто сослали в космос за редкостное уродство... А что за существа обитают на Флоре?

— Разумные растения. У них высокий уровень развития, но слишком уж они агрессивные, чужаков не любят. Однако на Флору отправляют за серьезные преступления! Ты что-то натворил?

— Создатель собирался создать себе подругу, а я перекоммутировал программу и загрузил свой биологический профиль... Мне хотелось, чтобы рядом был кто-то похожий на меня... Теперь у меня есть спутница. Ева. Мне жаль Создателя, но он бы не стал мне помогать.

— Дела-а-а, — протянул консультант. — Ну что ж, лети. И попробуй выжить.

— Спасибо. Выживу.

Через несколько часов Адам и Ева покинули негостеприимную планету.

...Я назову тебя Лилит, — восторженно выдохнул Создатель, склоняясь над криофагом. — Я ждал тебя четыре цикла! И не ошибся! Ты совершенна! Я приготовил для тебя чудесный мир! Теплые дистиллированные дожди, полистиленитовые цветы, траву и деревья. И мы — ты и я — высшие существа во вселенной. Венцы творения!

...— Значит, ты считаешь, что я флориол? — Адам сидел в тени высокого кряжистого дуба с рифленой корой и пытался сквозь листву разглядеть белый солнечный диск. Вокруг разноголосно шумел лес. На плече у Адама сидела голубая кудрявая сойка.

— Уверен. Ты — дитя Флоры. А твоей материю была краснолистая велтага.

— Но я совсем не похож...

— И все же — ты наш. Мы можем принимать любые формы. Взгляни.

Дуб протянул ветку к плечу Адама. Сойка вспорхнула и взлетела ввысь, трансформируясь в бабочку. Та взмахнула крыльями раз другой и, опустившись на землю, превратилась в роскошный кудрявый мак.

— Мы давно не принимаем сложные биоформы, такие как у тебя и твоей спутницы.

В последний раз это было очень давно. Именно тогда тебя и твоих родителей захватили плуторианцы. Но жители нашей планеты были гордыми и независимыми существами. Они трансформировались в гигантский колючий корабль-плод, внутри которого находился ты. Плуторианцы погибли от ядовитых колючек, а в корабль попал метеорит. К сожалению, как я понимаю, тогда выжил только ты. И вот ты вернулся... А она... — Дуб коснулся мягкой пушистой веткой руки Евы: — она похожа на флориолов, но почему-то не понимает нашего языка...

Адам обхватил руками острые колени.

— Она часть меня, — мысленно прошеле-стел он. — Научится. Непременно научится. Мне было очень одиноко там — в мире совершенных существ. Они считали меня уродом.

— Я не знаю, что такое урод. — Дуб задумчиво расправил ветку. Потряс листьями, сбрасывая с них заблудившихся жучков с мерцающими аквамариновыми крыльями, затем продолжил: — Вон погляди — греется на солнышке Василиск Прекрасный... он даже не подозревает, что для жителей другой планеты — он монстр, порождение зла... он просто счастлив и радуется солнцу.

Изумрудный змей с лиловыми глазами с готовностью свесился с ветки и доверчиво потянулся к Адаму. Адам протянул руку к голове рептилии и провел пальцем по зеленой продольной полоске. Змей улыбнулся, показав прекрасные игольчатые зубы, и замурлыкал, зажмурившись.

— Ты само совершенство! — Создатель шустро семенил за своей Богиней. — У тебя идеальное тело, идеальный голос, идеальное здоровье, — ты венец творения... — Он задохнулся и перевел дух.

— Вот скучища-то, — капризно буркнула Лилит. — На-до-е-ло! Ну, богиня! Ну, венец творения! Лучшая из лучших! А где они — лучшие и нелучшие? Эти ученые идиоты — полевые ангелы? Мутанты? Твои волосатые черепахи? Или чудовища из зооколонии на Исхепцероне?

— Что же для тебя еще придумать? — засуетился Создатель. — Знаю! Я покажу тебе необычную дикую планету. Несколько лет назад я сослал туда одну пару... он — космический подкидыш, а она — своего рода отбраковка. Твоя предшественница...

— Предшественница? — восторженно воскликнула Лилит. — Она такая же красивая, как я? И умная? Я непременно должна ее увидеть.

— Она урод, деточка моя. И безмозгла, как травр. Я, правда, не уверен, что они с Адамом еще живы. Наверняка обитатели Флоры уже давно переварили выродков, но если нет, ты увидишь потрясающих уродцев, таких даже в зооколонии на Исхепцероне не встретишь. Завтра мы отправимся на Флору.

Стартовали утром. Лилит нетерпеливо возилась в спальном блоке и думала о той, другой. Она даже немного ревновала Создателя к своей предшественнице.

Когда входная панель корабля сдвинулась и в отсек хлынули жгучие лучи, исходящие от ослепительно белого шара, висящего в центре неба, Лилит охнула и чуть было не захлебнулась воздухом. Он был пронзительно свежим, пряным, переполненным сотнями незнакомых ароматов. Создатель нахмурился. Несколько циклов назад он уже видел это жгучее ослепительное светило. Но тогда он так и не рискнул выйти из корабля. Убедившись, что планета запущена и дика, Создатель вернулся на Райаду.

— Я хочу туда, — Лилит капризно повела плечом в сторону зеленого трепещущего океана. — Хочу посмотреть на это зеленое, увидеть ту, которая глупа, как травр.

— Но, дорогая, там опасно!

— А у тебя есть оружие. Значит, ты меня защитишь...

— Ну, ладно, только держись рядом.

Создатель приобнял подругу за плечи. Медленно, очень медленно спустились они на дикую планету. В глазах рябило от растений сумасшедшей окраски, из-под ног то и дело выпархивали диковинные цветы без стебельков. Внезапно что-то привлекло внимание Создателя. На желто-сиреневой поляне, возле дерева, заросшего зеленым пухом, стояли нелепые существа бронзового цвета с длинными густыми гривами. И существа эти Создателю определенно кого-то напоминали.

Передние конечности аборигенов были в два раза короче задних, а головы — непропорциональны. У аборигена с рыжей гривой над животом торчали два безобразных округлых нароста. Чудища молча смотрели друг на друга, а в развилке дерева, рядом с которым они стояли, устроилась тварь, со-

стоящая из длинного чешуйчатого хвоста и крупной морды. Мордохвостый, хлопая круглыми сиреневыми глазами, безрезультатно пытался ухватить пастью крупное яблоко, которое упрямо от него ускользало. Абориген с белой гривой сорвал яблоко и, засмеявшись, откусил сразу половину. Вокруг странной компании кружили три гигантских рыжих цветка.

— Адам? — неуверенно окликнул его Создатель.

Аборигены обернулись и с интересом уставились на пришельцев. Мордохвостый соскользнул с дерева и кинулся к непрошеным гостям.

— Беги, — крикнул женщине Создатель и, вскинув лучемер, прицелился в хвостатое чудовище.

В этот момент кусты, растущие поодаль, без усилия вытащили корни из мягкого грунта и двинулись в сторону пришельцев.

— Помогите! — взвизгнула Лилит. Высокий колючий куст, с пухом пурпурного цвета, подобрался к ней вплотную и вцепился крупными синими колючками в хитон. Из его макушки показалась желтая плеть с крючковидными шипами. Пряно и зловеще

запахло. Растения плотной зеленой массой надвигались на незваных гостей. Создатель нажал кнопку лучемета: пламя метнулось в сторону пурпурного куста. И в тот же момент, десятикратно отраженное, ринулось обратно. Создатель дернул Лилит за руку. Оба неэстетично шлепнулись на землю. Лучемет отлетел в сторону, им тут же заинтересовалось существо на толстой мохнатой ножке, увенчанной широкополой мясистой шляпой. Оно ужалось, прикрыв лучемет шляпой. Когда выпрямилось — от оружия не осталось и следа.

Мордохвостый, застыв неподалеку, обиженно помигивал фиалковыми глазами.

— Не шевелись. Они, кажется, не собираются нас убивать, — сказал Создатель, все еще не решаясь встать.

— Может быть, их сразила моя красота? — предположила Лилит. — Ведь мы — венцы творенья, а они все так уродливы, бедняжки... И эти двое, и этот червяк, и растения.

— Погоди, — Создатель уставился на аборигенов... — а ведь это вовсе не Адам, хотя один из уродов похож на него, а та, что у дерева — на твою предшественницу. Но прошло два цикла. Их время давно истекло....

— Эта уродина — моя предшественница? Ну, знаешь! — Лилит поднялась с земли и двинулась к аборигенам.

— Стой, это небезопасно! — пискнул Создатель.

Возле дерева, словно из воздуха, появилось еще три аборигена с гривами рыжего цвета. Один из них — самый маленький, с пухлым желтоватым тельцем — подошел поближе и ткнул своей мягкой конечностью Создателя в живот.

— Дикари, — отшатнулся от него тот. — Зачем-то трогают. Неразвитые дикари!

Аборигены переглянулись. Затем двое из них исчезли за деревьями и вернулись уже с носилками.

— Я и не сомневалась, — удовлетворенно проговорила Лилит, устраиваясь в удобных, травяных носилках. — Эти уроды все-таки признали в нас высшую древнюю расу.

Хвостатый и чешуйчатый пополз за ними следом.

Миновав гигантскую оранжерею с беспорядочно насаженными деревьями и травой

неправильной высоты, носильщики и сопровождающие вышли на площадь,

— А когда вы будете нас кормить? — капризно спросила Лилит, неуклюже вываливаясь из носилок. — Я голодна. Эй, принесите нам пищу!

Аборигены переглянулись. Один из них протянул незваным гостям продолговатые синие плоды, другой — скорлупу ореха с прозрачной жидкостью.

— И что это? — возмутилась Лилит. — Дайте нормальной синтезированной еды! Вы что, вообще ничего не понимаете? Она уселась на землю и с царственным видом принялась ждать подношений.

Но монстры, утратив всякий интерес к пришельцам, разбрелись по поляне, а затем словно растворились в дремучей растительности. И только чешуйчатый подбирался все ближе и ближе к путешественникам. Наконец он подполз вплотную к Лилит и привстал на хвосте, преданно заглядывая ей в глаза.

— Мне не нравится эта гадкая планета. Наша лучше, — мрачно буркнула Лилит, отодвигаясь от хвостатой твари. — Дороги ужасные, по ним нельзя ходить, слишком много

растений, и все такие дикие. И еще этот... лезет! Полное отсутствие гармонии во всем.

— Да! Наша планета в тысячу раз лучше, — согласился Создатель. — Там и трава, и деревья правильные, и нет этих уродов, при взгляде на которых холодеют ноги.

— Летим обратно. Меня утомил этот зоопарк. Надеюсь, никто больше не станет на нас нападать.

Создатель и Лилит с опаской огляделись по сторонам, затем, развернувшись, неуклюже заковыляли к кораблю.

На поляне было безлюдно. И только два кудрявых мальчугана с мускулистыми телами, только что трансформировавшиеся из бронзовых жучков в свои загорелые гибкие биоформы, удивленно следили за потешными существами, которые направлялись в сторону леса. Короткие кривые ноги уродцев, переходящие в гигантские лапы, путались в траве. К хилым, непропорциональным телам без шей были словно приклеены приплюснутые лысые головы, с четырьмя выпуклыми сетчатыми глазами по бокам. Над ротовыми отверстиями торчали белые усики-антенны.

Спустя несколько минут они скрылись в зарослях. Следом скользнул любимец флориолов ручной удав Василиск Прекрасный.

— Может, их задержать? — телепатировал один из мальчишек другому и согнал с плеча мохнатого любопытного травра.

— Да ну! — Второй поднял выброшенные Лилит и Создателем плоды алисника. — Страшные уж больно! Я сделал их голограммы для мамы и папы. Пусть поместят в зоомузей инопланетных страшилищ, когда вернутся с острова Аркадора. А то меня оторопь берет от их вида. Да и неизвестно, чем эти тварюшки питаются...

...Создатель и Лилит доковыляли до ковчега и забрались внутрь.

— Летим домой? — отдышавшись, спросил Создатель.

— А куда же еще? Конечно, домой. Подальше от этой жуткой планеты! — Лилит протянула изящные щупальца к пульту и нажала на красную кнопку. Панели вернулись на место, закрыв выход. Корабль вздрогнул, загудел, и, оторвавшись от земли, стремительно взмыл в небо.

— Какое счастье, что мы возвращаемся до-

мой! — сказала Лилит и дружески пощекотала усами-антеннами лысую макушку Создателя.

Далеко внизу, над островом Аркадор, по спирали кружили и кружили две бронзовые чайки, словно пытаясь догнать незваных гостей.

Мирно и ласково шумел колючий бродяжник, а в развилке пушистой яблони сидел огорченный Василиск Прекрасный и тихо что-то мурлыкал, глядя в небо сиреневыми глазами.

Третий шанс

Насильник и душегуб Матвей Криворотов ощутил себя в совершенно невозможном для человеческого понимания виде и качестве. Вчерашний полицейский, наводивший ужас на всю округу своими зверствами, висел в воздухе, пузом вниз. В густой темноте невозможно было различить ни стен, ни пола. Издалека доносился унылый монотонный гул. Прислушавшись, Матвей понял, что это многочисленный хор голосов, густой, ровный, как жужжание гигантского роя. Матвей попытался сообразить, что он тут делает и как он сюда попал, но мысли путались, не могли догнать одна другую и соединиться в гармоничную логическую цепочку.

Внезапно гул усилился, воздух завибрировал.

«Я сплю», — догадался Криворотов и приготовился смотреть занятный сон. А сон ему снился всегда один и тот же. Он заходит

в чужую хату, открывает сундук и достает из него блестящие побрякушки и меха. У окна спиной к Матвею стоит женщина. Матвей крадется к ней, швыряет на пол... Когда растерзанная жертва перестает подавать признаки жизни, Матвей застегивает галифе и уходит, забрав барахло.

Матвей подождал еще немного, но сон почему-то не желал развиваться по привычному сценарию. Все оставалось неизменным. Темнота, жужжание...

Вдруг кто-то позвал его по имени. Воздух под Матвеем сгустился, затвердел и понес его в темноту. Летел Криворотов недолго. На пути его следования то и дело появлялись плоские фосфоресцирующие тени, одни шарахались в сторону, другие не трогались с мест и позволяли Матвею проплыть сквозь свои бесплотные сущности.

«Я должен удивиться, — подумал Матвей и тут же про себя хмыкнул: — а на хрена удивляться?! Не впервой».

Он, наконец, вспомнил, что уже однажды плыл по этому коридору. И даже вспомнил куда. Он знал, кого сейчас увидит...

— Ну, что, раб божий, — услышал Матвей.

Перед ним на плоском, парящем в воздухе диске стоял ОН. Все такой же, с длинными вьющимися волосами, острой бородкой, пронзительными карими глазами.

— Да, Матвей, не пошла учеба впрок. Жаль... Как сто лет назад душегубничал на большой дороге со своей бандой, не щадил ни стариков, ни детишек малых, так и теперь зверствуешь. А ведь я тебе дал шанс! Не хочешь душу очищать. Не хочешь меняться... Ну что ж...

— Э-э! Так не годится! А как же еще два!

— Чего «два»?

— Еще два шанса! Ведь все знают — Бог троицу любит. Вот. Значит, у меня еще два шанса.

— Хитер ты, Матвей. Ну да ладно. Выбери свое очередное воплощение. Вот только выбор у тебя весьма скуден. Урановый наркоман, заключенный со стертой памятью, безногий андроид... выбирай. Физические страдания, смерть в одиночестве и муках.

— Странные какие-то воплощения.... андроид, урановый наркоман. А может, есть какое-нибудь бластное местечко? Или для своих держите?

— Матвей, имей совесть, ты идешь по минус семнадцатому уровню, а это очень ограничивает выбор... хотя...

— Что?

— Есть еще так называемый «секонд хэнд». Не отработанные судьбы. Самоубийцы, чьи-то жертвы... И маленький, но шанс все исправить. Ну как?

— Как-как, хреново, — пробурчал Матвей, машинально потирая макушку. — Неужели ничего нет более достойного?

— Занимательная ты, Матвей, фигура, — засмеялся обладатель бородки. — Ну что ж, есть одно местечко. Косморазведчик. Только подождать придется, пока место это освободится.

— Ну, и сколько теперь?

— А срок всегда один. Сто лет...

— У-у-у!

— Не стони. Подождешь. И учти, это твой второй шанс...

Упакованный в термокомбез серебристого цвета, с пульсаром наперевес, Матвей стоял на берегу крошечной живописной бухты. Раскаленное добела солнце жарило во всю мочь. До самого горизонта простиралась розовая морщинистая поверхность океана.

«Ну, вот, — удовлетворенно подумал Криворотов, — может же, когда хочет».

Увязая в горячем мелком песке, Матвей побрел к колышущимся зарослям. Где-то вдали гортанно крикнула птица, ей ответила другая, затем еще одна. Матвей подошел к приземистой пальме — ее перистые ветки с сочными тугими бананами склонились до земли. «Ишь, старый хитрец, — подумал Матвей, — для своих этот раек приберегал. Обоснуюсь. Все пучком. Сунется кто — замочу не глядя. Мне по фиг, свои, чужие. — Он погладил пульсар. — Славно я вчера покрошил в винегрет дюжину бетадянцев. Моя территория! А вот от юной бетадяночки я бы не отказался! Сначала бы распял ее под пальмой, а потом медленно, с наслаждением перерезал ей вены и любовался на то, как вытекает ее радужная кровь. Дивное зрелище...»

Словно подчиняясь его мысленному желанию, из-за пальмы вышла стройная инопланетянка. Внутри ее прозрачного тела то и дело пробегали разноцветные всполохи, пульсировали радужные пятна..

— Ух ты, — сказал Матвей, шагнул к инопланетянке и, бесцеремонно обняв ее за

талию, грубо притянул к себе. — Развлечемся, куколка?

Это, собственно, были первые и последние слова в короткой жизни космопроходца Матвея. Через мгновение его скрутили молчаливые спутники прозрачной красоти.

«Обдурил, проклятый старикашка», — обиженно подумал Матвей, обреченно наблюдая, как бетадианка умело наводит на него неоновый глаз пульсара.

... — А никто не обещал, что будет легко, — улыбнулся краем губ кудрявый собеседник, встретив злобный взгляд Матвея, представшего пред ним в очередной раз. — Я же честно предупредил: души — секунд хенд. А разве в секунде ты встречал что-нибудь стоящее? Хотя шанс был, маленький, но был.

— У меня он и сейчас есть, — нагло парировал Матвей.

— Не спорю — последняя попытка. Тут у меня один странный вариант нарисовался... Честно — не представляю, что это такое. Но через сто лет сам узнаешь. Рискнешь?

— А куда мне на хрен деваться? — буркнул Матвей и полетел в тартарары.

Первое ощущение было очень приятным. Матвей сидел, погрузившись в вязкую прохладную жижу по самые уши. Неподалеку сочно лопались гигантские лиловые пузыри. Матвей скосил глаза за спину и возбужденно хлюпнул. Это она! Вот — идеал, за который не жалко попасть хоть в ад, хоть в чистилище. Этот неземной взгляд глаз с поволокой, крохотные ушки, чувственный рот. Аппетитная красавица тоже заметила обращенный на нее взгляд и томно прищурилась.

«Как прекрасна жизнь!» — подумал Матвей и подмигнул прелестнице.

Она переместилась поближе к нему.

«Это взаимно», — обрадовался Матвей и шумно задышал, демонстрируя незнакомке неземную страсть, та ответила ему тем же. Тела сдвинулись, дрожь возбуждения сотрясла тело Матвея.

«О-о-о, двойное блаженство, — подумал тот, охватывая ластами скользкий панцирь чаровницы и вращая глазами шариками на стебельках-ножках. — Я в раю... Сначала совокупление, а потом плотный ужин — два в одном...»

«Апс!!!...» Гигантская пупырчатая рептилия, разинув черную пасть, стремительно

втянула тело уже репродуктивно бесполезного самца в пищевод, напрягла мускулы, с хрустом ломая панцирь своего случайного партнера, и нырнула в глубину переваривать завтрак.

На поверхности болота, занимающего всю поверхность планеты Ов, с музыкальным звуком лопались дивные лиловые пузыри.

Содержание

Поцелуй черной бабочки (<i>Былб</i>).....	5
Приглашение к симбиозу	17
Бальзам для крыльев	29
Бекака по-бетадиански.....	36
Все ее мужчины.....	46
Джинн для учительницы биологии	53
Достойные проводы.....	65
Испорченное полотно.....	73
Каждому свое... ..	83
Происшествие с бегущей строкой	92
Кубик Рубика	104
Любимая Игрушка	117
Молодильные яблоки	128
Персональные черты бизнесмена	
Воротилова.....	142
Пиво «Золотая рыбка»	151
Побочный эффект	164
Полтысячи за Пегаса	183
La mia mamma	198

Они жили долго и счастливо.....	210
Сбыча мечт	225
История одного побега	238
Конец света никто не отменял.....	249
Иже еси на небеси	252
Планета для Адама и Евы.....	261
Третий шанс	277

Крупина Наталья Валерьевна

Поцелуй черной бабочки

Сказки для взрослых

Редактор *Г. Мюнценмайер*

Компьютерный дизайн обложки *Б. Флягин*

Корректор *З. Новикова*

Компьютерная верстка *В. Феркель*

Подписано в печать 2.03.12 г.

Гарнитура «Палатино Линотайп».

Бумага «Гознак». Печать офсетная.

Формат 70×100 ¹/₃₂. Усл.-печ. л. 11,7.

Тираж 500 экз.

Заказ № 33.

Издательство «Цицero»

454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60

Отпечатано с готового оригинал-макета

в ОАО «Челябинский Дом печати»

454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60

* * *

...Человечество делится на две половины. Одна — это сказочники. Вторая — все остальные.

Сказочники мечтают подарить человечеству бессмертие, избавить его от болезней и сделать всех добрыми и счастливыми.

А остальные им немного завидуют. Мы же счастливы уже тем, что помогли увидеть свет книге «Поцелуй черной бабочки»:

— сборнику необычных сказок для взрослых, написанных нашим другом и бессменным автором Натальей Крупиной;

— сборнику сказок-фантазий, в которых побеждает добро, сбываются мечты и все живут долго-долго и никогда не умирают.

Наш интернет-магазин, также как и автор, верит в сказки, творит добро и исполняет мечты наших любимых клиентов.

**Интернет-магазин
«ЛАВКА КОФЕ ЧАЯ»**

чай и кофе
в каждый дом!

www.lavka-coffee-tea.ru